Елена Ильина Полторацкая.

„ОТРЫВОКЪ изъ МЕМУАРОВЪ“...

РОМАНЪ

Издательство „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
БЕРЛИНЪ
1922 г

P T

Елена Ильина-Полторацкая.

„ОТРЫВОКЪ изъ МЕМУАРОВЪ"...

РОМАНЪ

Издательство „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО"
БЕРЛИНЪ
1922 г

I.

... Наступила весна. Зазеленѣла мостовая. — Это было 31 мая 1919 года. Я шла по Невскому проспекту, нарядно одѣтая, въ гости къ графинѣ и графу Маниловымъ.

Весеннее яркое солнце весело улыбалось съ яснаго, безоблачнаго неба и привѣтливо согрѣвало своей живительной лаской рѣдкихъ прохожихъ. Когда-то шумная и кипящая оживленіемъ столица, воспѣтая поэтами. представляла теперь хаосъ запустѣнія, превращенная въ опытное поле хозяйничанія большевиковъ.

Великолѣпная Сѣверная Пальмира — превратилась въ убогую Сѣверную Коммуну, изъ которой бѣжало все живое и способное бѣжать...

... Издали доносился грохотъ орудій и радостной надеждой отзывался въ сердцѣ... Добровольцы подъ предводительствомъ Родзянко приближались къ Сиверской.

— Хотите посмотрѣть рѣдкую коллекцію стариннаго фарфора, здѣсь рядомъ съ нами, у антиквара Сокольскаго? Она куплена правительствомъ у датчанъ для музея, черезъ посредство писателя Сладкаго, за девять милліоновъ рублей и сегодня назначена сдача вещей пріемной правительственной комиссіи, — предложилъ мнѣ графъ Маниловъ. зная мою любовь къ античнымъ вещамъ.

Я согласилась. Мы вышли съ графомъ на улицу; проходившій мимо мальчишка кинулъ въ меня грязью и испачкалъ мою чистую, бѣлую перчатку. Я хотѣла вернуться, чтобы вытереть грязь, точно предчувствовала въ этомъ предостереженіе, но графъ предложилъ мнѣ свой носовой платокъ, и мы пошли къ Сокольскимъ.

Графъ Маниловъ позвонилъ у подъѣзда особняка. Дверь отворилъ красноармеецъ и впустивъ насъ въ вестибюль тотчасъ же заперъ ее на ключъ. Къ намъ подошли еще два солдата со словами:

— Здѣсь засада и вы арестованы.

— Какъ арестованы! — сорвалось невольное восклицаніе съ моихъ побѣлѣвшихъ губъ.

Это извѣстіе сначала ошеломило меня своей неожиданностью; но, какъ только я посмотрѣла на графа, — его разлагающійся видъ сразу отвлекъ меня отъ самоанализа.

Маниловъ, мертвенно - блѣдный, постепенно началъ багровѣть и весь трясся отъ испуга.

— Полно, графъ, не показывайте этимъ людямъ своего страха передъ насиліемъ; возьмите себя въ руки, — сказала я Манилову, стараясь его ободрить. Его смятеніе только усиливало мое самообладаніе.

Мы вышли въ сопровожденіи до зубовъ вооруженнаго коммуниста; графъ и я рядомъ, какъ будто-бы на прогулку, коммунистъ сзади, нѣсколько поодаль. . .

Никогда я не забуду этой прогулки по Конногвардейскому бульвару въ майскій, солнечный день, среди зеленѣющихъ молодыми побѣгами липъ!

Я шла въ бѣлой шляпѣ, въ свѣтломъ костюмѣ съ букетомъ фіалокъ въ петличкѣ, на Гороховую 2. . .

Въ Чрезвычайкѣ, внизу, у насъ немедленно отобрали всѣ мелкія вещи: часы, цѣпочки, у меня лорнетку, также

предъявленныя нами деньги, и втолкнули насъ въ небольшую комнату въ одно окно, гдѣ стояло и сидѣло уже человѣкъ около сорока, почти вплотную.

Воздухъ — душный до потери предѣла. Дымъ отъ сквернаго табака застилалъ и ѣлъ глаза... Среди арестованныхъ находились супруги Сокольскіе, съ которыми я здѣсь только и познакомилась, а также всѣ члены правительственной комиссіи по экспертизѣ и по покупкѣ фарфора: князь Аргутинскій, извѣстный антикваръ Агафонъ Фаберже и еще нѣсколько лицъ.

Изъ разговоровъ я узнала, что въ этой сдѣлкѣ былъ непосредственно заинтересованъ самъ Сладкій и что Чрезвычайная комиссія только ожидала ея завершенія, чтобы арестовать, какъ продавцовъ, такъ и посредниковъ, и экспертовъ — месть Сладкому, котораго лично трогать не смѣли, въ виду моральной поддержки, постоянно имъ оказываемой большевистскому режиму.

Дѣло разрѣшилось просто — коллекцію реквизировали, а всѣхъ лицъ причастныхъ къ ней обвиняли въ спекуляціи.

Дорого же мнѣ обошлась моя любовь къ искусству!..

Дѣлать нечего—смирилась; рѣшила, что послѣ допроса отпустятъ. Утѣшала себя мыслью, что въ этой самой комнатѣ годъ тому назадъ сидѣлъ онъ, любимый, случайно арестованный и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ выпущенный...

Вспоминала, какъ онъ въ Кисловодскѣ выбиралъ себѣ въ магазинѣ корзинку - несессеръ на случай, если его визитъ на Гороховую 2 повторится... Какъ это было теперь далеко, — эти воспоминанія!..

... Познакомилась съ Сокольскими. Онъ — бывшій офицеръ гвардейскаго полка, если докопаются — не ми-

новать ему катастрофы! Его жена, молодая, хорошенькая женщина, страшно волновалась... На ней были зашиты драгоцѣнности на большую сумму.

Здѣсь же я познакомилась съ бывшей артисткой балета, Булыгиной, очень популярной среди артистическаго міра и любимой обществомъ.

Булыгина была такъ же какъ и я арестована по недоразумѣнію, когда она утромъ пріѣхала къ Сокольской навѣстить собачку, которую ей наканунѣ подарила.

... Время медленно ползло въ неизвѣстности... Публика все прибавлялась. Мое вниманіе привлекъ молодой, красивый солдатъ съ интеллигентнымъ выраженіемъ очень утомленнаго лица.

Онъ разсказывалъ, какъ его арестовали подъ Сиверской, гдѣ онъ охранялъ съ товарищами желѣзнодорожный мостъ. Ночью мостъ сгорѣлъ. Онъ увѣрялъ, что его подпалило молніей, но... бѣлые были близко; солдата заподозрили и вѣроятно не безъ основанія. Бѣдный! такой молодой и красивый и, можетъ быть, бѣлый по существу!..

Вызвали меня на предварительный допросъ. Вошла... Попросили сѣсть. Повидимому, моя внѣшность произвела нѣкоторое впечатлѣніе.

— Кто вы?

— Гражданка Мирская.

— Навѣрное, дворянка?

— Теперь дворянъ нѣтъ, — отвѣчаю холодно и кратко.

— Ну, бывшая, это все равно, вѣдь убѣжденій вы, конечно, бѣлогвардейскихъ и противъ совѣтовъ.

— Я признаю всякое правительство, которое меня оставляетъ въ покоѣ.

— По внѣшности, вы аристократка.

— Какое отношеніе къ моему аресту имѣетъ моя внѣшность?

Держу себя надменно и увѣренно, такъ какъ чувствую свое женское обаяніе на этихъ негодяевъ. Одинъ изъ допрашивающихъ, обросшій черной, густой бородой которую онъ все время жуетъ, иронически посмѣивается и неудачно остритъ. Другой, бритый, франтовато одѣтый, какъ-то теряется въ моемъ присутствіи. Вижу, что мой допросъ для нихъ—времяпрепровожденіе. Предлагаютъ папиросу. Я отказываюсь; думаю — сейчасъ освободятъ... Нѣтъ, повели обратно.

Черный, еврей, повидимому заинтересовался мною, сталъ часто забѣгать и все острилъ... зло хихикалъ...

— Ваша дѣвочка здѣсь заразится и навѣрное умретъ, — сказалъ онъ блѣдной дамѣ въ траурѣ, указывая, на сиротливо прижавшуюся къ ея плечу, шестилѣтнюю дѣвочку... И всѣ его остроты были въ томъ же духѣ.

Онъ вызывалъ во мнѣ больше чувство состраданія, нежели отвращенія. «Бѣдный, думала я, какъ онъ, вѣроятно, несчастливъ былъ съ дѣтства, что сдѣлался такимъ озлобленнымъ и жестокимъ къ чужому горю! Вся его желчь какая-то ненормальная; вѣроятно, онъ никогда не испыталъ ласки и сочувствія въ своей жизни»...

... Такъ прошелъ день; ему на смѣну ползла бѣлая весенняя ночь...

Насъ повели въ сопровожденіи неизмѣнно вооруженнаго конвоя наверхъ. Привели въ комнату помощника коменданта.

На старинномъ, краснаго дерева, широкомъ диванѣ спалъ молодой красивый эстонецъ Лаурсонъ. Золоти-

стымъ пятномъ, горѣла его бѣлокурая, гладко расчесанная голова съ правильнымъ проборомъ, на яркомъ шелкѣ голубой подушки... Оторванный нашимъ появленіемъ отъ сна, онъ рѣзко обратился къ намъ, требуя передачи всѣхъ находящихся при насъ цѣнныхъ вещей и денегъ, утаенныхъ нами или не сданныхъ намѣренно при первомъ обыскѣ внизу, грозя въ противномъ случаѣ подвергнуть насъ — «персональному осмотру» и конфискаціи найденныхъ цѣнностей.

Графъ Маниловъ, очень взволнованный, началъ вынимать изъ всѣхъ потайныхъ кармановъ и ботинокъ пачки керенокъ и то же заставилъ сдѣлать свою воспитанницу, Марію Ларіонову, скромно одѣтую дѣвушку, которая пошла къ Сокольскимъ узнать — почему графъ не возвратился домой къ обѣду и была также тамъ арестована и препровождена на Гороховую 2.

Графъ, еще внизу, велѣлъ ей спрятать находившіяся при немъ четыре тысячи керенокъ, предполагая, что Ларіонову обыскивать не будутъ, и вдругъ теперь, при окликѣ Лаурсона, онъ растерялся и приказалъ ей отдать деньги.

У меня съ собой не было денегъ, но я всегда носила при себѣ часть бриллiантовъ изъ боязни держать всѣ цѣнности дома на случай внезапнаго обыска въ мое отсутствіе.

Графъ зналъ, что при мнѣ находится золотой, художественной работы портсигаръ и громко началъ меня убѣждать, чтобы я его предъявила. Дѣлать нечего и хотя я не собиралась этого дѣлать — пришлось отдать портсигаръ Лаурсону.

Онъ повертѣлъ его въ рукахъ и, не знаю какими чувствами движимый, вернулъ мнѣ его обратно со словами:

— Онъ вѣдь только золоченый. Возьмите, а то — пропадетъ.

Я была очень удивлена его любезности... Потомъ насъ отдѣлили. Женщинъ отвели въ большую общую камеру; мужчинъ также въ общую, — напротивъ.

Мы простились...

II.

Камера, въ которую я попала, была очень большая, мрачная комната со сводами и однимъ окномъ, выходившимъ въ небольшой дворъ. Прямо — напротивъ находилось окно мужского отдѣленія. Подходить къ окну арестанткамъ было строжайше запрещено; оно было раскрыто настежь.

Въ камерѣ стояло двадцать кроватей съ плохими, сбитыми травяными матрацами и очень сомнительной чистоты байковыми одѣялами. Спали по два человѣка на каждой кровати, остальныя на полу и на столахъ.

Старостой нашей камеры была молодая красавица финка Догарайненъ. Это было преинтересное существо, оригинальное и полное тайны... Она была арестована по подозрѣнію въ шпіонажѣ; прямыхъ уликъ не было, но ее держали, считая опасной.

Догарайненъ держала въ большомъ порядкѣ камеру, ежедневно сама мыла полъ и чистота поэтому была, насколько это конечно было возможно, образцовая. Ей дѣятельно помогала Надежда Александровна Булыгина, которая съ присущей ей женственностью и граціей стряхивала пыль со стульевъ кружевнымъ платочкомъ, подавая этимъ примѣръ, и покрикивая, заставляла женщинъ изъ простонародья исполнять болѣе грязную работу.

Благодаря Булыгиной я довольно хорошо устроилась. Мы составили рядомъ двѣ кровати, накрыли ихъ простынями и разстелили зеленое шелковое одѣяло, предусмотрительно захваченное изъ дому Сокольской.

Вотъ на этой-то «парижской», какъ мы ее шутя называли, кровати мы спали втроемъ: Сокольская, Булыгина и я по серединѣ, на хребтикахъ этихъ кроватей, весьма жесткихъ и неприспособленныхъ для отдыха и сна. Мы очень сдружились со старостой и сразу завоевали привиллегированное положеніе Правда, можетъ быть и потому, что все время нашего заключенія мы, по милости Лаурсона, провели на Гороховой 2, тогда какъ остальная публика ежедневно переводилась по разнымъ тюрьмамъ и поэтому посѣтительницы нашей камеры постоянно чередовались.

Рядомъ съ камерой, въ комнатѣ, гдѣ былъ кранъ для умыванія и за перегородкой уборная, находилась стража въ составѣ двухъ милиціонеровъ. Это были очень симпатичные ребята и всѣ контръ-революціонные, критиковавшіе нашихъ палачей и выказывавшіе намъ, заключеннымъ, большое сочувствіе. Они цѣлыми днями пили чай и дѣлились съ нами кипяткомъ. Спитой чай милиціонеры бережно собирали. Его послѣ сушили, подкрашивали и по распоряженію Совнархоза продавали на рынкѣ.

За кипяткомъ можно было и арестованнымъ ходить на кухню въ сопровожденіи конвоя. Это часто дѣлали жены, мужья которыхъ сидѣли въ отдѣльныхъ камерахъ, мимо которыхъ онѣ шли за кипяткомъ, въ надеждѣ ихъ случайно по дорогѣ встрѣтить. Я не ходила. Противно было идти среди конвоировъ, точно и впрямь — преступница.

... Публика въ камерѣ — самая разнообразная: въ одномъ углу сидѣли, молча обнявшись, молодыя жены

офицеровъ Семеновскаго полка, съ печатью безысходнаго горя на блѣдныхъ, осунувшихся лицахъ, взятыя въ видѣ мести за переходъ этого полка въ полномъ составѣ къ подвигавшемуся къ Петрограду Родзянко. У одной изъ нихъ отняли грудного ребенка, молоко ей бросилось въ голову и она почти сходила съ ума... Никогда не забыть мнѣ ея безумныхъ глазъ... скорбной складки губъ!..

— Они сказали мнѣ, — шептала она все одни и тѣ же слова, — что лучше воспитають моего ребенка, нежели я, и скрыли отъ меня пріютъ, въ который они его отдали... Моя дѣвочка хрупкая, болѣзненная, не выживетъ... А они сказали, что изъ нея выйдетъ первоклассная коммунистка и что они сумѣютъ воспитать въ ней ненависть къ ея родителямъ, «бѣлогвардейской сволочи»...

Противоположный уголъ занимали проститутки in corpore съ хозяйкой и прислугой заведенія. У нихъ накануне кутили коммунисты, не поладили и ихъ всѣхъ сюда забрали.

Ну и брань же висѣла въ воздухѣ въ этомъ углу! Я не видывала женщинъ безстыднѣе... Купринская «Яма» ничто въ сравненіи... Грязныя, нечесанныя, онѣ не стѣсняясь полуголыми бѣгали въ уборную и цѣлый день валялись на постеляхъ, перебраниваясь съ хозяйкой.

Ихъ скоро освободили, такъ какъ онѣ обѣщали помогать чекистамъ, участвуя въ облавахъ и обыскахъ. Ушли онѣ, нагло издѣваясь надъ оставшимися «буржуйками».

... Были двѣ кокаиноманки, хорошенькія, также проститутки, взятыя за спекуляцію кокаиномъ.

... Была чуть ли не столѣтняя старуха, арестованная какъ заложница вмѣсто убѣжавшихъ заграницу сыновей. Мы ее прозвали «бабушкой» и «Марфой Посадницей».

Ей очень нравилось ея «почетное» положенie старшей, но она была очень утомительна своими разсказами, капризами и жадностью къ ѣдѣ.

... Утромъ намъ давали кипятокъ и восьмушку хлѣба. Раздавала всѣмъ староста. Заходилъ докторъ, симпатичный, хотя старался казаться суровымъ; онъ повидимому морально очень страдалъ за насъ, невинно заключенныхъ.

Въ двѣнадцать часовъ, въ большихъ эмалированныхъ тазахъ, приносили обѣдъ. Всѣ ѣли изъ общей чашки. Я не ѣла изъ брезгливости. Потомъ давали жидкую кашицу на водѣ; вечеромъ опять восьмушку хлѣба и полъ селедки.

... Днемъ и ночью часто заходилъ Лаурсонъ. Къ нему всѣ приставали съ просьбами и онъ неизмѣнно грубо отвѣчалъ и бранился. Меня это приставанie очень возмущало и я держалась всегда поодаль, чѣмъ привлекла его вниманie.

— Она гордая и навѣрно аристократка, — сказалъ онъ про меня старостѣ.

— Почему вы это рѣшили? — спросила она.

— Ходитъ въ корсетѣ, — лаконически отвѣтилъ Лаурсонъ.

Хорошее опредѣленie! Я долго смѣялась, узнавъ его мнѣнie, тѣмъ болѣе, что корсета я не носила.

Иногда забѣгалъ самъ комендантъ, товарищъ Бозе. Взбѣжитъ по лѣсенкѣ и взмахнетъ руками,—точно орелъ взлетѣлъ! Въ рукѣ неизмѣнно хлыстъ. Самъ—высокiй, худой. Повертится и убѣжитъ, довольный произведеннымъ впечатлѣнiемъ. Говорить онъ складно совсѣмъ не умѣлъ. Бывшiй цирковый борецъ, эстонецъ тоже.

Послѣ обѣда староста ходила къ Лаурсону съ журналомъ и тамъ ей намѣчали предназначенныхъ къ отправкѣ. Производилась перекличка; появлялась стража. и плачущихъ передъ грядущей неизвѣстностью женщинъ выводили на дворъ, гдѣ эта группа присоединялась къ ранѣе выведенной мужской. Всѣхъ ихъ отводили въ одну изъ тюремъ.

Это было очень тяжелое зрѣлище. Окно на это время въ нашей камерѣ плотно закрывалось и выглядывать было строжайше запрещено. Но все же ухитрялись. Трудно было сдерживать рыданія; я не плакала, гордо рѣшивъ, что моихъ слезъ Гороховая 2 не увидитъ.

Это печальное шествіе арестованныхъ, оцѣпленныхъ конвоемъ, съ ружьями на перевѣсъ, медленно двигалось по улицамъ города вызывая всеобщее сочувствіе прохожихъ. Но ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь изъ арестованныхъ пытался бѣжать, или кто-либо изъ публики попробовалъ бы освободить арестованныхъ. Царили полная пассивность и непротивленіе злу, столь свойственные славянской натурѣ.

... Порою въ камерѣ раздавалась заглушенная истерика, которая тотчасъ же всѣми пресѣкалась, такъ какъ это было слишкомъ заразительно. Всѣ старались сдерживать свои нервы и плакали ночью втихомолку.

Въ первый же день вновь прибывшихъ водили сниматься.

— Дамочки, сниматься! — раздавался возгласъ коменданта.

Это слово «дамочки», которымъ обыкновенно отличаютъ полъ щенятъ, какъ-то особенно унизительно звучало здѣсь, въ тюремной обстановкѣ. Женщины изъ простонародья причесывались, прихорашивались, приготовляли выраженіе лица. Меня это очень веселило.

— Послушайте, — говорила я имъ смѣясь, — ну что вы попусту стараетесь. Вѣдь вы даже своихъ пробныхъ фотографій не увидите.

Потомъ всѣ вставали попарно и въ сопровожденіи неизмѣннаго конвоя шли въ импровизированную здѣсь же въ одной изъ комнатъ Чека фотографію.

Снимали въ двухъ экземплярахъ: въ профиль и en face. Во время съемки я старалась придать своему лицу преступное выраженіе и звѣрски перекосила глаза, чѣмъ вызвала всеобщее удовольствіе присутствовавшихъ.

Фотографъ сознался, что ему приходится снимать стольких арестованныхъ, что онъ даже не успѣваетъ проявлять фотографіи, такъ что, повидимому, вся эта процедура была такъ-же безцѣльна и ненужна, какъ и самый нашъ безпричинный арестъ и заключеніе.

Три раза въ недѣлю заключеннымъ передавали такъ называемую «передачу» — посылки изъ дому и тогда настроеніе становилось веселѣе. Писемъ и газетъ присылать не разрѣшалось и посылки эти тщательно осматривались, причемъ многое конечно прилипало къ рукамъ осматривавшихъ.

Эти передачи радовали насъ всѣхъ, воскрешая въ нашей памяти ученическіе годы и посылки изъ дому получаемыя въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Тотчасъ же шли за кипяткомъ, разводили кофе или чай и угощали всѣхъ неимущихъ. Нѣкоторымъ присылали цвѣты, которые вызывали всеобщую радость. Вѣдь весна была въ въ полномъ разгарѣ, а здѣсь, въ каменныхъ стѣнахъ, ничто ея не напоминало.

III.

Я получила свою передачу, посланную мнѣ моей преданной камеристкой Елизаветой и такимъ образомъ

узнала, что близкіе догадались о постигшемъ меня несчастіи. Прислали бѣлье и подушку, что было для меня самымъ необходимымъ, и даже косметики. Догадливая эта Елизавета!..

Я какъ то разъ, засучивъ рукава, стирала подъ краномъ шелковые чулки и пару носовыхъ платковъ (это было въ первый разъ въ моей жизни).

— У меня сегодня большая стирка, — шутила я, вызывая всеобщій восторгъ своими неумѣлыми движеніями и тѣмъ, что стирала туалетнымъ мыломъ.

Отворилась дверь, кто-то вошелъ и остановился сзади наблюдая за мною.

— Что, учитесь труду, гражданка, нравится вамъ стирать? — услышала я голосъ Лаурсона.

— Очень нравится, — дерзко отвѣтила я, продолжая свое занятіе. — такъ нравится, что когда я отсюда выйду, то непремѣнно открою прачешное заведеніе.

Дежурные милиціонеры покатились отъ хохота.

— Молодецъ, гражданка, — поощряли они меня.

— Ишь дерзкая какая, такъ съ ними, собачьими сынами, и надо обходиться, — сказалъ мнѣ старикъ милиціонеръ по уходѣ Лаурсона.

Слышалась отдаленная канонада... Бѣлые овладѣли Красной Горкой. Мы радовались какъ дѣти, прислушиваясь къ несмолкавшему гулу орудій. Внезапно вошелъ Лаурсонъ — очень возбужденный. По его разгоряченному лицу можно было судить, что онъ выпилъ лишнее.

— Что, бѣлогвардейки, радуетесь? Бѣлыхъ приготовились встрѣчать? Такъ знайте-же, что вы то ихъ не увидите, если бы они даже, паче чаянія, и овладѣли Петроградомъ. Въ этомъ вы можете быть увѣрены... — угрожающе кричалъ онъ среди обступавшей его толпы поблѣднѣвшихъ отъ его зловѣщей угрозы бѣлогвардеекъ.

— Какъ вамъ не стыдно слушать человѣка, потерявшаго стыдъ, — гнѣвно крикнула я имъ изъ глубины комнаты.

Лаурсонъ мрачно посмотрѣлъ въ мою сторону, какъ то затихъ и молча вышелъ.

— Какъ вы не боитесь его, вѣдь онъ можетъ васъ обвинить въ неуваженіи къ власти? — сказала мнѣ тихая, забитая жена семеновца.

— Я то не боюсь, а вы всѣ слишкомъ его боитесь и передъ нимъ раболѣпствуете. Не знаю, что лучше, — что хуже, — отвѣтила я, вздрагивая при мысли, что дѣйствительно, если бѣлые придутъ, — мы всѣ будемъ перебиты этими озвѣрѣвшими людьми, изъ безсильной мести.

... А всетаки, пусть придутъ, упрямо держалась въ мозгу мысль. Пусть придутъ... Что такое смерть ничтожной горсточки людей въ сравненіи съ общимъ освобожденіемъ залитой кровью Россіи...

Эту ночь я все-таки не могла заснуть. Жутко стояли въ ушахъ слова Лаурсона, — а вы то ихъ не увидите... Какъ досадно умереть наканунѣ освобожденія...

Всю ночь на дворѣ выла собака и тоскливо сжималось сердце, но, увы, надежды возлагаемыя на Родзянко не оправдались. Бѣлые отступили, Красная Горка вновь перешла въ руки красныхъ, а мы остались живы... Не лучше ли было бы наоборотъ!..

Ежедневно, на зарѣ, насъ всѣхъ будилъ невѣроятный шумъ отъ заводившихся во дворѣ Чрезвычайки грузовыхъ автомобилей. Казалось, что весь домъ рушится или рвутся гранаты.

Мы пугливо вскакивали оглушенныя, недоумѣвающія... Много позже, я узнала, что этимъ шумомъ пользовались при разстрѣлахъ, здѣсь же въ подвалѣ, приговорённыхъ къ смерти. Хорошо, что я не знала этого тогда.

Вѣдь одна мысль о близости мѣста казни могла свести съ ума.

Разъ утромъ меня разбудила Булыгина.

— Пишите скорѣе письмо домой. Представьте, одинъ изъ нашихъ милиціонеровъ — изъ Груздевки (дачное мѣсто, гдѣ находилась наша усадьба неподалеку отъ дачи Булыгиной), узналъ меня и предложилъ передать письма. Когда я ему сказала, что здѣсь находится жена Андрея Федоровича, то онъ съ удовольствіемъ обѣщалъ снести и ваше письмо.

Я написала Елизаветѣ съ просьбой, въ случаѣ моей смерти, исполнить нѣкоторыя важныя порученія, а также моей belle soeur Ксеніи Бариновой, выражая желаніе, чтобы обо мнѣ никто не хлопоталъ и не безпокоился.

Вечеромъ принесли отвѣтъ. Дома милиціонеровъ угостили пивомъ, обласкали и щедро имъ заплатили. Они остались очень довольны пріемомъ. Ксенія писала мнѣ, что Андрей хлопочетъ о моемъ освобожденіи черезъ жену Сладкаго, артистку Андрееву, но безрезультатно. Елизавета кратко обѣщала исполнить мое порученіе.

... Эту ночь я спала спокойно.

Наступило 21 мая, день Константина и Елены. Это приходилось на Троицынъ День и совпало съ началомъ арестовъ иностранцевъ и разгромомъ посольствъ.

Ежедневно приводили толпы иностранокъ, арестованныхъ въ посольствахъ. Сначала пришли француженки. Онѣ кричали, волновались и бранились, но какъ только мы имъ роздали заготовленный нами совѣтскій супъ и наши порціи хлѣба, онѣ съ жадностью набросились на ѣду и успокоились. У нихъ не нашлось чувства благодарности къ намъ, накормившимъ ихъ. Онѣ даже пробовали иронизировать надъ нами. Votre sale payx... Я рѣзко

ихъ оборвала, заявивъ имъ, что notre sale payx помогла имъ выиграть войну, а они въ благодарность за это бросили насъ на произволъ судьбы и предали большевикамъ, отказавшись дать необходимую помощь для возстановленія порядка.

Это была самая несимпатичная группа. На другой день ихъ увели и на смѣну имъ пришли англичанки, гречанки, румынки, швейцарки и польки, а также русскія, задержанныя въ посольствахъ. Эти пришелицы держались скромнѣе, за исключеніемъ двухъ полекъ, матери и дочери, которыя съ ужасомъ смотрѣли на насъ, обливаясь слезами при мысли, что попали въ общество настоящихъ преступницъ.

Было жалко, и обидно, и смѣшно ихъ слушать. Онѣ не отказались отъ нашего угощенія, брезгливо принимая ѣду изъ рукъ «настоящихъ преступницъ». А почему мы были «настоящими», а онѣ «ненастоящими», я такъ и не могла понять.

... Среди арестованныхъ иностранокъ была прелестная юная швейцарка съ пышной гривой вьющихся волосъ. Она затѣяла возню съ находившимися здѣсь-же при арестованныхъ матеряхъ дѣтьми и оживляла насъ всѣхъ своимъ непринужденнымъ весельемъ. Когда ее уводили въ одну изъ тюремъ среди другихъ пересылаемыхъ, она горько плакала, увѣряя, что ей здѣсь очень понравилось и что она хотѣла бы здѣсь остаться среди насъ.

Привели Мару Анновскую.

— Вы изъ какого посольства? — спросила я ее по французски, сразу не узнавъ. Она мнѣ очень обрадовалась и повѣдала, мѣшая по своему обыкновенію русскую рѣчь съ французской, что была на свиданіи у грекоса въ Греческомъ посольствѣ и такимъ образомъ попала въ Чрезвычайку.

Она стала совершенно ненормальной, эта Мара, послѣ исчезновенія своего мужа. Она очень опустилась: остриженная, въ бѣлыхъ мужскихъ лаунтеннисовыхъ туфляхъ и въ декольтированномъ газовомъ платьѣ, съ ея вздернутымъ носомъ и простоватымъ типомъ лица, Анновская напоминала уличную дѣвочку, а не аристократку, дочь камергера и племянницу бывшаго виднаго сановника. Вела она себя странно, шокируя болѣе скромныхъ узницъ, которыя съ удивленіемъ смотрѣли, какъ она, покачиваясь и подражая тѣлодвиженіями шансонетнымъ пѣвицамъ, распѣвала на великолѣпномъ французскомъ языкѣ непристойнѣйшія пѣсенки.

Затѣмъ Мара вызвалась мыть полы, заявляя, что училась этому искусству въ Швейцаріи, въ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ, и вооружившись тряпкой, подоткнувъ свое бальное платье, въ которомъ она странно выдѣлялась при свѣтѣ дня, Мара Анновская принялась за мытье пола, ничуть не смущаясь шутками милиціонеровъ съ которыми она откровенно заигрывала, въ виду отсутствія болѣе подходящаго мужского элемента.

---

21 мая въ нашу камеру попала масса русскихъ людей изъ простонародья, арестованныхъ во французскомъ посольствѣ. Они пришли поздравить именинника швейцара и неожиданно, вмѣсто именинного пиршества, попали въ Чрезвычайку.

Между другими привели словоохотливую кухарку, пріятельницу швейцара. Она несла ему въ подарокъ кринку топленаго молока, вмѣстѣ съ которой и была препровождена на Гороховую 2. На слѣдующій день ее отвели въ тюрьму и слѣдомъ за ней пришла ея племянница, также арестованная въ посольствѣ, когда она ходила справляться, почему тетка не вернулась домой съ именинъ. Такъ продефилировалъ рядъ родственницъ, по слу-

пости не догадавшихся объ участи предыдущихъ. Настоящая сказка «въ лицахъ» про бѣлаго бычка!

... Это было развеселое время въ Чрезвычайкѣ — время разгрома посольствъ! Помимо массы драгоцѣнныхъ вещей и брилліантовъ, найденныхъ преимущественно въ швейцарскомъ посольствѣ, въ руки погромщиковъ коммунистовъ попали склады иностраннаго вина, сигаръ и духовъ.

Въ теченіе ряда дней наше начальство, приходившее насъ провѣдать, а поздно вечеромъ заглядывавшее въ гаремъ, чтобы получить нѣкоторое настроеніе отправляясь въ Петропавловскую крѣпость на разстрѣлъ, распространяло вокругъ себя запахъ духовъ, пріятный ароматъ выдержанныхъ гаваннъ и букетъ стараго французскаго вина.

Разъ вечеромъ пришелъ, въ сопровожденіи Лаурсона, секретарь Чрезвычайки Шимановскій. Они оба были навеселѣ и для забавы начали допрашивать, — почему и какъ кто сюда попалъ, а также переписали всѣхъ желающихъ быть освобожденными. Позвали и меня.

— Вы буржуйка, — это сразу видно, — сказалъ Шимановскій.

— Буржуйка, нѣтъ, этого слова я не понимаю, дворянка, да — не отрицаю, — отвѣтила я холодно.

— Если вы меня попросите, я васъ освобожу, — съ загорѣвшимися глазами сказалъ Лаурсонъ.

— Васъ просить? Отъ меня вы этого не дождетесь, — отвѣтила я, отворачиваясь.

— Ай да молодецъ, гражданка, есть арестанты, которыхъ и Гороховая 2 уважаетъ. Я думаю, вы и на разстрѣлъ съ высоко поднятой головой пошли бы, — услышала я вслѣдъ голосъ Шимановскаго.

IV.

Во время моего пребыванія на Гороховой 2, передъ моими глазами прошелъ рядъ очень красивыхъ женщинъ, которыхъ арестовывалъ слѣдователь Чудинъ, любитель поухаживать. По преимуществу это были женщины легкаго поведенія и онѣ быстро смѣняли другъ друга послѣ ночного допроса у Чудина.

Одна изъ нихъ, хрупкая брюнетка, пробыла у него всю ночь. По возвращеніи она мнѣ разсказала, что Чудинъ говорилъ съ ней на очень пикантныя темы, увѣрялъ ее, что, судя по фотографической карточкѣ найденной при ней, ея любовникъ дегенератъ и предлагалъ ей раздѣлить его любовь. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ этотъ Чудинъ былъ разстрѣлянъ по приговору Чрезвычайки за свою слабость къ женщинамъ, мѣшавшую ему безпристрастно относиться къ слѣдствію.

... Слѣдователи допрашивали круглыя сутки. Часто будили арестованныхъ къ допросу въ 4, 5 часовъ утра. Большинство слѣдователей всегда находилось подъ наркозомъ кокаина и нѣкоторые безусловно были закоренѣлыми садистами. Они пытали и мучили своихъ жертвъ въ поискахъ больныхъ, возбуждавшихъ ихъ фантазію, ощущеній. Эти слѣдователи были частью полуграмотные матросы и рабочіе, частью бывшіе охранники, съ цензомъ царскаго режима. Послѣдніе были самыми жестокими. При царскомъ режимѣ они осуждали революціонеровъ слѣва, при совѣтскомъ, въ томъ же порядкѣ, революціонеровъ справа.

Нашу старосту, красавицу финку, будили каждую ночь въ 4 часа утра. Ее допрашивалъ слѣдователь матросъ Юдинъ, всегда въ присутствіи своей любовницы проститутки, стараясь возбудить ревность послѣдней, а по-

томъ ласкалъ свою подругу здѣсь же на глазахъ у Догайненъ.

Въ одинъ дождливый, ненастный вечеръ Булыгиной пришли сказать, что она свободна. Счастливая и довольная, Надежда Александровна, бросилась собирать свои вещи. Мы съ болью въ душѣ помогали ей укладываться.

Свобода! Это слово звучало какъ-то особенно сладко и многообѣщающе въ мрачныхъ стѣнахъ Гороховой.

По возвращеніи домой, пѣшкомъ подъ проливнымъ дождемъ, въ конецъ Каменноостровскаго, Булыгина нашла свою старушку мать умершей. Это горе свалилось на нее полной неожиданностью.

Съ уходомъ Булыгиной стало еще нестерпимѣе вокругъ. Проходили черезъ нашу камеру все новыя и новыя группы арестованныхъ, а насъ все еще держали въ ожиданіи допроса.

Однажды въ камеру пришелъ Лаурсонъ. Я, по обыкновенію, не обращала на его появленіе никакого вниманія. Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Гражданка Мирская, сказалъ онъ, потупившись. — вы меня ни разу ни о чемъ не попросили, но ваше заявленіе я согласенъ передать слѣдователю съ просьбой допросить васъ безъ проволочки. — (Слово «заявленіе» въ Р. С. Ф. С. Р. замѣняло буржуазное «прошеніе»).

Я впервые посмотрѣла прямо въ лицо Лаурсону и прочла въ его глазахъ, знакомыя по прежнимъ опытамъ, искорки.

— Благодарю васъ, я не премину воспользоваться вашей любезностью.

При послѣднемъ словѣ онъ поморщился.

— Любезность, — я не понимаю этого выраженія.

— Это есть устарѣвшее понятіе, характеризующее учтивость, — отвѣтила я, улыбаясь.

Я написала заявленіе слѣдователю Назарьеву съ просьбоіі меня допросить и выяснить мою полную непричастность къ дѣлу Сокольскихъ.

Ларіонова также написала заявленіе, ссылаясь на освобожденіе Булыгиной, арестованной въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ. Я посовѣтовала Ларіоновой написать, что поводомъ къ ея посѣщенію квартиры Сокольскихъ послужило желаніе узнать, почему графъ Маниловъ не возвратился домой къ обѣду.

— Напишите правду, — сказала я ей, — а то придумали вы исторію съ просьбой одолжить фунтъ сахару, это можетъ только навлечь на васъ подозрѣніе, а также осложнить дѣло Сокольскихъ, которыхъ могутъ попутно обвинить и въ спекуляціи сахаромъ.

На другой день Ларіонову и меня повели подъ конвоемъ въ верхній этажъ къ Назарьеву. Первой вызвали Ларіонову, а я осталась ждать въ пріемной.

... Я прождала больше двухъ часовъ. Меня очень удивляло, почему допросъ Ларіоновой длился такъ долго; я недоумѣвала...

Окно комнаты, гдѣ я ждала, выходило на улицу и я жадно старалась выглянуть наружу. Вѣдь за двѣ недѣли ареста я видѣла лишь четыре сѣрыхъ стѣны камеры и, въ окно, треугольникъ узкаго внутренняго двора Чрезвычайки.

Наконецъ, вышла блѣдная, осунувшаяся Ларіонова. Намъ не дали возможности обмѣняться ни единымъ словомъ и меня немедленно отвели въ камеру слѣдователя.

... Я вошла въ небольшую, въ одно окно, комнату, одну стѣну которой занималъ громадный, трехстворчатый, бѣлый, эмалированный зеркальный шкафъ Louis XVI. Напротивъ него находилась старинная кушетка маркетри, обитая ярко синимъ штофомъ и такая же мебель

въ стилѣ Louis XV, повидимому попавшая сюда случайно изъ какого-нибудь опустошеннаго дворца.

Назарьевъ вѣжливо всталъ мнѣ навстрѣчу и попросилъ меня сѣсть къ небольшому, также старинному, дамскому письменному столу у окна, а самъ помѣстился сбоку, спиной къ свѣту.

Нѣсколько мгновеній онъ молча въ упоръ меня разсматривалъ. Я свободно выдержала его взглядъ и также съ любопытствомъ изучала его блѣдное, изможденное бритое лицо съ темными кругами вокругъ свѣтлыхъ, холодныхъ, наглыхъ глазъ.

— Кокаиноманъ, рѣшила я сразу, уменъ и садистъ, типъ занятный во всякомъ случаѣ. . .

Какъ бы отвѣчая моимъ мыслямъ, Назарьевъ произнесъ четко и жестко:

— Имѣйте въ виду, что я опытный слѣдователь по политическимъ дѣламъ съ царскихъ временъ и поэтому всякія уловки съ цѣлью ввести меня въ заблужденіе будутъ тщетны.

Я посмотрѣла на него яснымъ взглядомъ, въ душѣ-же съ омерзеніемъ пронеслось: «царскихъ временъ». Вотъ негодяй! . .

— Мнѣ нечего вводить васъ въ заблужденіе, — сказала я просто, — такъ какъ моя совѣсть чиста.

— Это я слышу отъ всѣхъ преступниковъ, — отвѣтилъ онъ саркастически и пододвинулъ мнѣ листъ чистой бумаги.

— Пишите ваши показанія, гражданка.

Назарьевъ продиктовалъ мнѣ рядъ вопросовъ, на которые я внизу написала отвѣты.

— Я не умѣю писать по новой орѳографіи, — сказала я.

— Это не играетъ роли, — отвѣтилъ Назарьевъ.

— Слава Богу, подумала я.

— Что вамъ сказала Ларіонова о мотивахъ своего посѣщенія дома Сокольскихъ? неожиданно задалъ мнѣ вопросъ Назарьевъ.

— Что она пришла занять у госпожи Сокольской фунтъ сахару, но это она сказала съ перепугу, на самомъ же дѣлѣ Ларіонова пришла за Маниловымъ, — отвѣтила я.

— Напишите это показаніе. Теперь подпишите слѣдующее:

— Все, вышеизложенное, соотвѣтствуетъ дѣйствительности, о чемъ я завѣряю честнымъ словомъ.

Я написала.

— Теперь, прежде чѣмъ вы подпишете этотъ листъ, вы должны серьезно обдумать, показали ли вы дѣйствительную правду. Предупреждаю васъ, что послѣ того, какъ вы поставите вашу подпись, уже будетъ поздно и если вы завѣдомо дали ложныя показанія, — вы будете судимы по всѣмъ строгостямъ революціоннаго закона и къ вамъ будетъ примѣнена высшая кара.

Я невольно улыбнулась зловѣщему оттѣнку голоса Назарьева при произнесеніи имъ послѣднихъ словъ...

Высшая кара! Что это? Разстрѣлъ? Богъ мой, вотъ не ожидала! . .

Я четко подписала свое имя и фамилію. Лицо слѣдователя перекосила злорадная усмѣшка. Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній, не отрываясь, впивался своими рѣжущими глазами въ глубину моихъ, стараясь меня смутить. Я опять выдержала его взглядъ. — Позеръ, — рѣшила я, чего онъ ломается.

— Вы написали явную ложь, я вамъ сейчасъ это докажу. Въ пар. 7, гдѣ вы даете показанія о словахъ Ларіоновой, вы написали: «Ларіонова сказала, что пришла занять фунтъ сахару», а Ларіонова мнѣ сказала, что пришла купить фунтъ сахару. Далѣе она мнѣ созналась.

что по вашему совѣту она измѣнила свое первоначальное показаніе, стараясь увѣрить, что пришла разузнать о Маниловѣ. Это явное укрывательство спекуляціи съ вашей стороны. У Ларіоновой при обыскѣ нашли 4000 рублей. Откуда же у бѣдной дѣвушки могли находиться при себѣ такія большія деньги? Навѣрное, она пришла купить у Сокольскихъ не одинъ фунтъ сахару, а гораздо большее количество и, попавъ врасплохъ, сказала лишь объ одномъ фунтѣ.

— Сознайтесь, что вы подписались подъ явно ложнымъ показаніемъ. Это еще можетъ смягчить вашу участь. Имѣйте въ виду, что я лично поѣду и произведу обыскъ въ вашей квартирѣ, что вѣроятно дастъ мнѣ цѣнныя доказательства вашей причастности къ дѣлу Сокольскихъ, которое, кстати сказать, не только спекулятивнаго характера, но и носитъ политическій оттѣнокъ. Сокольскій скрывалъ, что онъ офицеръ гвардейскаго полка и, слѣдовательно, дезертиръ.

Я сидѣла окаменѣлая... Тысячи мыслей вихремъ закружились въ моей головѣ... Ларіонова призналась, что поступила по моему совѣту, сказавъ правду. Повидимому ее запугалъ и сбилъ съ толку Назарьевъ, вѣдь она глупая дѣвушка. Приходъ за покупкой одного фунта сахару, конечно, абсурдъ, но... деньги, переданныя ей Маниловымъ во время обыска у Лаурсона, явно послужили уликой.

Разсказать Назарьеву, какъ къ ней попали эти 4000 керенокъ, это — запутать дѣло. Маниловъ и Ларіонова могутъ мое показаніе отрицать и я только сильнѣе запутаюсь. Если Назарьевъ исполнитъ свою угрозу и произведетъ обыскъ въ моей квартирѣ, это будетъ катастрофой не только для меня самой, но также для моей belle soeur Ксеніи Бариновой и ея мужа, лишь мѣсяцъ тому назадъ вырвавшихся изъ застѣнка Витебской Чека и прожива-

ющихъ по подложнымъ документамъ. Притомъ въ моей квартирѣ свалена обстановка Бариновыхъ, стоятъ картины и квартира производитъ впечатлѣніе именно «спекулятивной». Ужасъ... ужасъ!.. Могутъ дознаться, что Бариновъ также гвардеецъ и дезертиръ, а совсѣмъ не земскій врачъ съ находящейся у него на рукахъ слабоумной женой...

... Передъ моими глазами поплыло лицо Ксеніи, полное безумнаго ужаса...

... Я буду причиной разстрѣла ея мужа... Нѣтъ, я не выдержу этого испытанія... Что дѣлать?.. Что говорить! .. А передо мной въ окнѣ кусочекъ синяго неба и бѣлыя колонны башенки Адмиралтейства.

Я начала считать эти колонны. Если четное число, я своего показанія не измѣню. Вѣдь если слѣдователь увидитъ мое колебаніе, — я буду поймана. Онъ мнѣ ни слова не повѣритъ дальше и тогда будетъ обыскъ на Сергіевской и я погублю невиновныхъ людей...

Разъ, два, три, четыре... напрягаю я зрѣніе... Кажется, четное число... Да, четное... Я какъ то сразу успокаиваюсь. Въ горлѣ только пересохло и языкъ сухой, еле двигается...

— Дайте мнѣ, пожалуйста, стаканъ воды, — прошу я Назарьева. Онъ любезно встаетъ и приноситъ мнѣ воду. Я пью ее мелкими глотками.. Я вижу, какъ Назарьевъ наслаждается, ожидая отъ меня противорѣчиваго показанія. Я смотрю на него холодно и съ усмѣшкой.

— Я сказала правду и мнѣ нечего мѣнять мое показаніе. Если вы мнѣ не вѣрите, что къ Сокольскимъ я попала случайно, вы можете сдѣлать у меня въ квартирѣ обыскъ... Вы найдете на моемъ туалетномъ столѣ пару флаконовъ съ духами, коробку пудры, можетъ быть губной карандашъ и еще нѣкоторыя косметики.. Что-же ка-

сается вашихъ угрозъ, онѣ меня не пугаютъ. Я фаталистка и вѣрю, что если мнѣ суждено умереть спокойно, естественной смертью, то я не погибну отъ насильственной и наоборотъ. Вы же только являетесь предрѣшеннымъ Провидѣніемъ выполнителемъ капризовъ моей судьбы и лично вы мнѣ не страшны. Разстрѣлъ меня также не пугаетъ. Смерти я не только не боюсь, но о ней мечтаю, какъ о переходѣ въ лучшую жизнь.

Мой спокойный, увѣренный отвѣтъ, совершенно измѣнилъ выраженіе лица Назарьева. Онъ какъ-то сжался и почувствовалъ себя неловко, потомъ еще разъ повторилъ свои угрозы, но уже механически, и самъ проводилъ меня въ пріемную, гдѣ меня ждала Ларіонова.

— Почему вы не сказали слѣдователю правды и впутали меня въ ваше показаніе? — спросила я Ларіонову, когда мы въ сопровожденіи конвоя возвращались въ общую камеру.

Она сконфуженно молчала.

— Вы по глупости сначала оболгали Сокольскихъ съ покупкою фунта сахару, а потомъ и меня, будто я научила васъ укрыть вашъ поступокъ. Какъ вы не подумали о послѣдствіяхъ вашей никчемной лжи. Quand on est bête c'est pour toujours — мелькнула мысль. Нечего съ нее и спрашивать...

Навстрѣчу намъ выскочили Сокольская и Догарайненъ, встревоженныя нашимъ продолжительнымъ допросомъ, который въ общей сложности продолжался семь съ половиной часовъ.

— Боже, какъ вы за эти нѣсколько часовъ осунулись, щеки у васъ провалились, но зато глаза какъ горятъ. Какая вы красавица! — воскликнула Сокольская.

— Какъ вы думаете, онъ мнѣ повѣрилъ или не повѣ-

рилъ? Вѣдь если произведетъ обыскъ, это будетъ сплошнымъ ужасомъ!.

— Повѣрилъ, навѣрное повѣрилъ,.. У васъ такой видъ, такой взглядъ, что не повѣрить вамъ онъ не могъ. — успокаивала меня Догарайненъ.

Я почувствовала правду въ ея словахъ... Повѣрилъ, говорилъ и голосъ сердца. Вѣдь когда я этого хотѣла, мнѣ всегда вѣрили...

Мы всю ночь просидѣли за лихорадочно волнующими всѣхъ насъ разговорами. Подъ утро Сокольская забылась тяжелымъ сномъ. Я не ложилась, чтобы не безпокоить ее. Вѣдь ей еще предстоялъ допросъ и мысль, что положеніе ея мужа, какъ офицера и дезертира, раскрыто, сводила ее съ ума.

Днемъ въ камеру пришелъ Лаурсонъ.

— Кто хочетъ домой? — спросилъ онъ весело.

Раздались голоса: — я... я... я...

Я молча сидѣла на своей кровати. Лаурсонъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ ордеръ.

— Вы свободны, но мнѣ очень, очень жаль, что вы уходите, гражданка, — сказалъ онъ мягко и застѣнчиво.

Я взглянула на него и встрѣтила многоговорящее выраженіе его красивыхъ синихъ глазъ. Радостный спазмъ сжалъ мое горло.

... Повѣрилъ, значитъ, повѣрилъ! Какое счастье! Значитъ обыска не было и Аркадій и Ксенія внѣ опасности... Это сознаніе безграничной радостью залило мои мысли.

Меня обступили, поздравляли, помогали собирать вещи. Бѣдныя узницы, мнѣ какъ-то совѣстно было пользоваться своимъ правомъ свободы, покидая ихъ въ неизвѣстномъ ожиданіи ихъ участи!..

Въ сопровожденіи старосты Догарайненъ я пошла проститься и поблагодарить Лаурсона. Я вошла въ ком-

нату, черезъ которую прошла 13 дней тому назадъ. На диванѣ синѣла шелковая наволочка подушки... Лаурсонъ крѣпко пожалъ и поцѣловалъ мою руку на прощаніе.

— Я сохраню о васъ хорошее воспоминаніе, — сказала я ему ласково, — я буду помнить, что на Гороховой 2 я встрѣтила человѣка...

— Среди звѣрей, — угадалъ онъ мою мысль. — Повѣрьте, и намъ подчасъ не легко даются наши обязанности, вѣдь директивы диктуются свыше.

... Я вышла на улицу. Отъ перваго же глотка свѣжаго воздуха у меня закружилась голова. Я почувствовала слабость въ ногахъ и нѣсколько секундъ простояла, прислонившись къ стѣнѣ дома.

Прочь, прочь отсюда, отъ этихъ мрачныхъ стѣнъ! Я собрала всѣ силы и колеблющейся походкой поплелась по направленію Невскаго, таща свой узелъ. Мнѣ навстрѣчу попался извозчикъ. Слава Богу! Я сѣла въ пролетку не торгуясь.

Когда я вошла въ кухню на Сергіевской, мнѣ навстрѣчу бросилась Елизавета. Мы молча обнялись. Послышались восклицанія Ксеніи, Аркадія.,. кухарки Маріи Петровны...

Ксенію я не узнала, такъ она осунулась. Причиной были круговые обыски, которые шли каждую ночь во всѣхъ кварталахъ Петербурга. Слава Богу, подумала я, что было бы съ нею, если бы пріѣхалъ самъ Назарьевъ!..

Я съ наслажденіемъ приняла ванну и вытянулась на своей постели. Никогда она не казалась мнѣ такой мягкой, широкой и покойной, какъ въ эту первую ночь послѣ тюремной койки.

На утро, когда меня завивалъ куаферъ, онъ показалъ мнѣ первые сѣдые волосы на лѣвомъ вискѣ, — печать вос-

поминаній допроса у Назарьева, когда я считала колонны обуреваемая страхомъ за моихъ близкихъ...

... Родзянко отступилъ отъ Петрограда. Зато фронтъ Деникина расширялся сказочно быстро. Я сидѣла часами за картой, отмѣчая успѣхи его войскъ. Всѣ мои интересы сосредоточились на продвиженіи бѣлыхъ героевъ.

Я послала нѣсколько посылокъ въ тюрьму на имя Догарайненъ.

Пришлось еще разъ зайти за паспортомъ къ Назарьеву. Онъ очень любезно принялъ меня, поцѣловалъ руку.

— Я повѣрилъ вамъ, — сказалъ онъ кратко.

— Что послужило этому причиной? — спросила я его лукаво.

— Вы сказали мнѣ число вашихъ лѣтъ, а это признакъ правдивости, такъ какъ женщины, а въ особенности такая, какъ вы, неохотно сознаются, когда имъ за тридцать...

Я разсмѣялась... Вотъ не ожидала!

Вещи свои всѣ я получила обратно, для чего пришлось спуститься въ подвалъ Гороховой, тамъ я увидѣла груды сваленнаго серебра всѣхъ родовъ и фасоновъ реквизированнаго при обыскахъ.

V.

Во время моего ареста вышло распоряженіе домовымъ комбѣдамъ — организовать дежурства изъ всѣхъ обитателей дома. Дежурили по двое, впродолженіе трехъ часовъ, безсмѣнно, круглыя сутки. Городъ находился на осадномъ положеніи...

Мы познакомились и очень подружились съ предсѣдателемъ нашего домкомбѣда, народнымъ учителемъ Ива-

номъ Терентьевичемъ Никифоровымъ и секретаремъ, Анной Николаевной Дмитріевой. Благодаря ихъ отношенію ко мнѣ я нанимала за себя дежурить женщину по сто рублей за каждое дежурство.

Анна Николаевна была незаурядный человѣкъ: дочь старшаго дворника при царскомъ режимѣ, эта девятнадцатилѣтняя дѣвушка, высокая, статная, бѣлолицая, съ крупными веснушками, не сходившими съ ея лица даже зимой, являлась олицетвореніемъ неподкупной честности, порядочности и прямоты. Очень энергичная и работоспособная, она ворочала всѣмъ домомъ и ея распоряженіямъ всѣ подчинялись безпрекословно. Благодаря ея помощи мнѣ удалось сохранить квартиру и спасти обстановку.

Анна Николаевна была убѣжденной бѣлогвардейкой, ненавидѣла большевиковъ и царящій произволъ. Своей смѣлостью она парализовала всѣ нападки на нашъ домкомбѣдъ, слывшій «бѣлой вороной» на протяженіи всей Сергіевской улицы.

Въ началѣ іюля я купила себѣ бѣлую эмалированную спальню у Кона и роскошную гостинную у Щербинскаго. Я мечтала устроить уютную квартиру на Французской набережной къ приходу бѣлыхъ.

Я мечтала о встрѣчѣ съ «Синей Птицей», мечтала о красивой жизни...

— Которое. по числу окончаніе своего романа ты придумываешь, Тина, — однажды спросила смѣясь Ксенія, когда я садилась въ мое любимое кресло въ углу у окна, гдѣ мнѣ какъ-то удобнѣе всего мечталось!..

— Двадцать седьмое, — отвѣтила я, серьезно. — Подожди, скоро дойду до сорокового и тогда наступитъ желанный моментъ!..

Увы, когда я дошла до двадцать девятаго окончанія

моего романа, мои мечты пресѣклись и совершенно неожиданно - негаданно...

... Судьба опять явилась для меня злой мачехой.

... Мнѣ какъ-то разъ съ утра было не по себѣ.

— Знаешь, Ксенія, я все жду чего-то. Ксенія поблѣднѣла и затряслась. — Неужели сегодня обыскъ будетъ, Тина?..

Въ одиннадцать часовъ я услышала тревожный стукъ въ мою дверь и вскочила съ кровати. Вошла Елизавета съ перекошеннымъ лицомъ.

— «У насъ въ домѣ обыскъ!» сказала она, едва выговаривая слова.

Началась суетня; прятали вещи поцѣннѣе въ пустоту тумбъ, придумывали различныя комбинаціи.

Я предложила устроить угощеніе для этихъ неожиданныхъ посѣтителей. Поставили самоваръ, накрыли столъ. Шелъ дождь, было сыро и холодно... Въ 2 часа ночи вошло около 10 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, сразу съ обоихъ ходовъ. Мы пригласили ихъ согрѣться чайкомъ. Это подѣйствовало.

— У насъ сумасшедшая, — сказала я, указывая на Ксенію солдатамъ. Это также подѣйствовало. Вѣдь простонародіе боится сумасшедшихъ. Въ комнату Ксеніи по этому случаю мы запрятали наилучшія вещи. Блѣдная и трясущаяся, она хорошо подходила къ своей роли «слабоумной».

... Обыскъ длился всю ночь. Рыли, рыли и перерыли буквально все. Въ общемъ всѣ очень устали, взять — ничего не взяли: постѣснялись нашего угощенія и нашей обходительности.

Старшій надъ обыскивающими коммунистъ, молодой, бритый юноша въ широчайшихъ галифе и съ громадной красной звѣздой на груди, настолько заинтересо-

вался найденнымъ имъ у Баринова въ сейфѣ художественнымъ альбомомъ весьма эротическаго содержанія, что провелъ за разсматриваніемъ поразившихъ его картинокъ всю ночь, забывъ о своей прямой обязанности — слѣдить за обыскивающими.

Уходя онъ взялъ альбомъ съ собою и прижимая его къ груди, или вѣрнѣе, къ своей топорщившейся красной звѣздѣ, сказалъ:

— Извиняюсь, я изъялъ его, чтобы сжечь.

Они ушли подъ утро и въ верхней квартирѣ устроили погромъ. Нашли тамъ вино. Напились. Многое украли и взламывали буфеты и шкафы штыками, попортивъ всю обстановку.

Разъ ночью я вышла дежурить въ обществѣ Аркадія. Ночь была холодная, лунная... Аркадій мрачно измѣрялъ шагами тротуаръ, волоча по землѣ полы длиннаго, фантастичнаго плаща, который онъ купилъ гдѣ-то по случаю на рынкѣ съ чужого плеча.

Аркадій все посматривалъ на луну и мечталъ вслухъ. Ему грезилась подступающая къ городу, со стороны Шлиссельбурга, флотилія, застигающая большевиковъ врасплохъ...

Я прислушивалась къ его словамъ и старалась найти въ нихъ скрытый смыслъ. Вѣдь Аркадій такъ таинственно намекалъ на свою принадлежность къ активной бѣлой организаціи...

Такъ шло время... Въ октябрѣ неожиданно вновь гремѣли пушки... вновь велось наступленіе на Петроградъ, но уже генераломъ Юденичемъ. Боже, какъ мы всѣ опять ожили!

У большевиковъ царила полная растерянность. Спѣшно возводились въ центрахъ города баррикады изъ

дровъ. Опять принудительныя работы!.. Заставляли таскать мѣшки съ пескомъ для укрѣпленій.

У цирка Чинизелли стояли сложенныя въ баррикады дрова и висѣлъ плакатъ «Не сдадимъ краснаго Петрограда». Какой-то шутникъ, или вѣрнѣе воръ, оторвалъ ночью кусокъ краснаго ситца со словомъ «Петроградъ» и плакатъ, комически, призывалъ — не сдавать краснаго цирка Чинизелли!

За ночь дрова растаскивались на топливо бѣднѣйшими буржуями, пользовавшимися замѣшательствомъ царившимъ среди сферъ.

Однажды ночью раздались громовые выстрѣлы изъ пушки. Это стрѣляли красные съ «Петропавловска».

Я проснулась и радостно перекрестилась, — ясно, бѣлые были близко. Прибѣжала ко мнѣ Ксенія въ ночной сорочкѣ, босикомъ, съ распущенными волосами.

— Тина, слышишь, слышишь, какъ близко! — прошептала она.

Мы бросились съ нею къ окнамъ. Изъ всѣхъ щелей выглядывали радостные перепуганные люди. Всѣ ждали... всѣ надѣялись...

Утромъ я встала съ тяжелой головой. На душѣ было смутно. Я вошла въ столовую. Бариновы пили чай, жестикулировалъ членъ домкомбѣда Терентьичъ, доказывая, что нечего жеманничать, — надо лупить по Петрограду... Приходили люди съ разсказами о взятіи бѣлыми Гатчины, о подступахъ къ Петрограду...

— У меня плохое предчувствіе, — сказала я глухо... Не знаю, сегодня меня даже мысль о встрѣчѣ съ «Синей Птицей» больше не держитъ. Можетъ быть онъ умеръ или навѣки для меня потерянъ...

Тяжелыя капли слезъ внезапно покатились изъ моихъ глазъ...

Терентьичъ продолжалъ жестикулировать въ сосѣдней комнатѣ, доказывая, что бѣлые недостаточно звѣрски расправляются съ большевиками и напрасно щадятъ Петроградъ. . . . .

... Бѣлые опять отступили. Красныя газеты, издѣваясь, торжествовали... Словъ не хватаетъ описать недоумѣніе и разочарованіе въ обществѣ. Винили англичанъ помѣшавшихъ планамъ Бермондта, по слухамъ, шедшаго на помощь войскамъ Юденича. Интриги Антанты — такія подлыя и знакомыя!..

Въ безсонныя ночи я прислушивалась къ несмолкавшему телефону, находившемуся надъ моей спальней этажемъ выше въ квартирѣ Г-а. Тамъ помѣщалось Управленіе Автогужа. Ночью дежурный чиновникъ принималъ телефонограммы. Ахъ, какъ они мнѣ мѣшали спать, эти люди!

Во время наступленія Юденича была раскрыта крупная организація. Посыпались аресты. Въ числѣ арестованыхъ находился и начальникъ Автогужа. Это Управленіе въѣхало въ нашъ домъ лишь въ августѣ... Стало шумно и лѣстница выглядѣла загрязненной и заплеванной, парадная дверь была вновь раскрыта.

... Мы жили попрежнему тихо и безнадежно.

Отчаявшись въ близкомъ переворотѣ и гибели царящаго режима, мы рѣшили втихомолку распродать нашу обстановку и нелегально уѣхать черезъ заливъ въ Финляндію и потомъ дальше на западъ.

Вскорѣ наша громадная квартира приняла видъ караванъ-сарая. Продажа шла бойко. Невѣдомо откуда явились покупатели.

Въ большомъ нетопленномъ залѣ мы устроили выставку картинъ, серебра, фарфора и хрусталя.

Въ теплой вязанной кофточкѣ, въ пальто и высокихъ галошахъ, замотавъ голову шелковой повязкой, я отворяла дверь на стукъ посѣтителей...

По вечерамъ, подсчитывая доходы, мы частенько пили шампанское, которое случайно доставали по пяти тысячъ за бутылку.

Свой концертный рояль Шредера я продала за стоимость бутылки Moet 'а, такъ какъ его нельзя было ни вывезти, ни продавать изъ-за регистраціи.

Въ общемъ распродажа меня очень утомляла.

— 10.000, — отрывисто оцѣнивала я картину, — отдамъ за 4000, только кончайте скорѣе. — Торопила я покупателей.

— Какъ, Тина, — милліонъ — отдамъ за три рубля,— передразнивалъ меня Аркадій. — У тебя талантъ продавать.

Я продала на одинъ милліонъ совѣтскихъ денегъ, продала все, всѣ свои мѣха, бѣлье, матеріи, мебель. Купила триста тысячъ думскихъ по два рубля за одинъ рубль, а на остальное — два валютныхъ письма, въ 10.000 шведскихъ кронъ и 15.000 франковъ.

Однажды, возвращаясь съ прогулки, въ морозный зимній день, я встрѣтила на нашей лѣстницѣ группу военныхъ. Я почувствовала чей-то устремленный на меня пронизывающій взглядъ. Подняла глаза... Навстрѣчу мнѣ спускался стройный, перетянутый ремнемъ съ кобурой военный. Его узкое породистое лицо съ чеканнымъ, властнымъ подбородкомъ ярко запечатлѣлось въ моей памяти. Онъ шелъ, не спуская съ меня глазъ. Потомъ я объ этой встрѣчѣ забыла.

Изрѣдка я проводила ночи на Англійской набережной у Лобановыхъ, гдѣ собиралась милая оживленная

компанія — остатки прежняго большого свѣта и играли въ карты.

Часто приходилъ Сартинскій - Бей и подъ его гитару и пѣніе выплывали былыя лица... былыя встрѣчи... Плакала душа о прошломъ, о бывшихъ хорошихъ, радостныхъ дняхъ.

Я любила слушать его надтреснутый пропитой голосъ въ эти таинственныя ночи при свѣтѣ коптящей лампы...

Здѣсь въ Петроградѣ, когда - то шумномъ и блестящемъ центрѣ, сидѣли мы, когда - то люди, теперь презрѣнные затравленные «буржуи», точно заговорщики, въ постоянномъ страхѣ, что вотъ - вотъ придутъ съ улицы наглые, совѣсть потерявшіе въ крови и преступленіяхъ люди и арестуютъ всѣхъ насъ и отведутъ на Гороховую 2 въ этотъ адъ нравственной пытки...

Гости расходились лишь утромъ рано, такъ какъ ночью ходить было строжайше запрещено. Всѣ шли съ корзинками, какъ будто - бы на рынокъ.

Я написала Андрею, что въ виду моего отъѣзда я хотѣла бы съ нимъ формально развестись. Мое желаніе его очень разволновало, но онъ согласился.

Я обратилась къ присяжному повѣренному Божину, который обѣщалъ насъ развести въ десять дней за пять тысячъ рублей.

Когда я принесла Андрею для подписи бумагу, онъ поблѣднѣлъ и руки у него дрожали.

— Я исполнилъ твое желаніе, — сказалъ онъ, — но беру съ тебя слово, что это останется между нами, такъ какъ я не хочу себя вновь связывать бракомъ. Филатова не должна знать о нашемъ разводѣ.

...Въ холодный зимній день, скользя по гололедицѣ, подъ руку съ Божинымъ шла я въ Консисторію на Нев-

скій проспектъ, за полученіемъ бракоразводнаго свидѣтельства.

— Никогда больше не выйду замужъ, — убѣжденно говорила я Божину.

— Не закаивайтесь, — шутилъ онъ въ отвѣтъ.

Вечеромъ мы пили шампанское. У меня ныло сердце... Опять я была разведенная. Аркадій принесъ мнѣ хризантемы съ поздравленіемъ.

Мы сѣли играть въ преферансъ. Хотѣлось не вспоминать. . . не думать. . . Неожиданно съ шумомъ вошли Анна Николаевна и Терентьичъ.

— Вами очень интересуются верхніе жильцы, непремѣнно хотятъ познакомиться, — щебетала Анна Николаевна.

— Кто это интересуется? — спросила я, сдавая карты.

— Нашъ новый начальникъ — Василько. Онъ очень интересный, изъ бывшихъ гвардейцевъ, кажется пажъ, очень милый и очень красивый.

— Василько коммунистъ и слѣдовательно прохвостъ, хотя Анна Николаевна права: онъ очень красивъ и, когда хочетъ, обаятеленъ, — добавилъ Терентьичъ.

— Ну и передайте ему, что мы имъ совсѣмъ не интересуемся, — протянула я, поставивъ ремизъ къ общему удовольствію Бариновыхъ.

— А я вечеръ устраиваю и съ этой цѣлью пришла васъ пригласить, — разочарованно отвѣтила Анна Николаевна.

— Тинѣ нельзя быть на вечерѣ съ коммунистами, она подладиться не съумѣетъ, да ее какъ ни скобли, насквозь видна бѣлая кость. А я приду, Анна Николаевна, — сказалъ Аркадій.

— Жаль, а Василько именно съ вами, Валентина Владимировна, хочетъ познакомиться.

— А я не хочу, такъ ему и скажите. Вѣдь мы уѣзжаемъ черезъ недѣлю. Перестань, Ксенія, трястись, что тебѣ можетъ сдѣлать господинъ коммунистъ Василько.

Ксенія пугливо озиралась: — Ахъ, Тина, вѣдь мы безъ разрѣшенія распродаемъ квартиру. Страшно. Вдругъ донесетъ этотъ Василько.

На слѣдующій день послышался сильнѣйшій стукъ въ парадную дверь.

— Кто тамъ? — спросила я предварительно, не спуская дверь съ цѣпочки. Послышался голосъ лакея Ивана. — Не безпокойтесь, барыня, это господа сверху пришли посмотрѣть квартиру.

Сверху — значитъ коммунисты изъ Автогужа. Я позвала Аркадія. Онъ открылъ дверь.

Въ залу гуськомъ вошли: высокій, стройный, въ черной кожѣ, брюнетъ, съ холоднымъ, жесткимъ лицомъ, за нимъ молодой человѣкъ въ защитнаго цвѣта тужуркѣ и сзади улыбающійся комиссаръ, который учтиво мнѣ поклонился. Я ушла къ себѣ въ комнату.

За мной прибѣжалъ Аркадій.

— Тина, выйди, пожалуйста, они очень милые люди. Пришли просто познакомиться и посмотрѣть квартиру подъ правленіе, такъ какъ слышали, что мы уѣзжаемъ. Начальникъ, инженеръ Василько, заинтересовался твоимъ карлсбадскимъ лиловымъ хрусталемъ. Хочетъ купить. Уступи ему подешевле. —

— Ахъ, какъ скучно! — Мнѣ не хотѣлось идти, но я пошла скрѣпя сердце.

Василько сухо поклонился. Комиссаръ продолжалъ улыбаться. Молодой военный перелистывалъ альбомъ съ фотографіями царской фамиліи. Вотъ ужъ не кстати попался ему въ руки этотъ альбомъ.

— Я восхищаюсь этимъ хрусталемъ. Сколько онъ стоитъ? —

— Шесть тысячъ, — сбавляю я наполовину цѣну.

—Для меня это слишкомъ дорого, у меня нѣтъ такихъ средствъ, — холодно звучитъ голосъ Василько.

— Такъ возьмите даромъ, реквизируйте, — чуть не срывается съ моихъ губъ, но меня останавливаетъ испуганный взглядъ Аркадія.

— У васъ большая квартира, я хочу къ вамъ переѣхать. Буду топить и у васъ будетъ тепленько, заживемъ коммуной. Вы вѣроятно много въ жизни видѣли. Будете по вечерамъ разсказывать, а я васъ буду слушать, — говоритъ Василько.

Я не слушаю и изучаю его лицо. Красивый, очень красивый въ профиль, подбородокъ хорошъ. Гдѣ я видѣла уже это лицо? . . Только манера говорить не хороша, когда молчитъ—лучше. Глаза красивые съ тяжелыми вѣками . . .

Будетъ топить — и мнѣ будетъ тепленько! . . . Это черезъ двѣ нетопленныхъ залы будетъ отъ него тепленько. Чудно, право! . . .

Я заставляю себя быть любезной, вѣдь черезъ нѣсколько дней мы уѣзжаемъ. Не все ли равно, кто поселится въ этой покинутой нами квартирѣ . . .

Они уходятъ.

— Какъ ты нашла начальника, Тина? — спрашиваетъ меня Ксенія. — Аркадій говоритъ, онъ похожъ на великихъ князей Владиміровичей.

— Ахъ, да, именно на Владиміровичей, — вспоминаю я, — только онъ несимпатичный, жестокій, вѣроятно настоящій большевикъ.

. . . Я у себя въ комнатѣ. Мнѣ душно и тоскливо. Что бы это значило. — Предчувствіе? . . Черезъ нѣ-

сколько дней уѣзжаю, люблю «Синюю Птицу», а передъ глазами все Василько, его пронизывающій изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ взглядъ.

— А все таки запомни, Тина, — ловлю я внутренній голосъ, — запомни эту встрѣчу . . . Если этотъ человѣкъ призванъ сыграть роль въ твоей жизни, запомни, что ты это интуитивно почувствовала при первой встрѣчѣ, первомъ же взглядѣ . . .

Что за чепуха! Вѣдь черезъ недѣлю меня здѣсь и мысленно уже не будетъ; что за навязчивая идея . . .

— А все таки запомни . . . запомни . . . — насмѣшливо шепчетъ кто-то рядомъ.

На слѣдующій день утромъ я выхожу на прогулку. Спускаюсь по лѣстницѣ. На площадкѣ меня кто-то окликаетъ. Со мною здоровается Василько. Я не сразу узнаю его. На немъ офицерскій фрэнчъ защитнаго цвѣта. Любезно улыбается, совсѣмъ какой-то другой. Голосъ бархатный, улыбка очаровательная. Бѣлые длинные зубы, спереди одинъ, верхній, золотой. Вѣроятно раненъ былъ, — думаю я.

Василько останавливаетъ меня, задерживаетъ мою руку въ своей; рука у него маленькая, породистая, холеная. Я чутьемъ угадываю, что онъ ко мнѣ неравнодушенъ. Почему, отчего, какъ это случилось? . . Я поражена . . . Говорю, что только что разведена, уѣзжаю совсѣмъ изъ Петрограда.

— Это жаль, только вы не уѣдете, мы васъ не отпустимъ. За вами вѣдь теперь, разъ вы свободны, можно ухаживать, — говоритъ Василько, цѣлуя мою руку.

— Ухаживать? — Это потерянное время — за мной ухаживать, — отвѣчаю я серьезно.

— А вы развѣ уже себѣ не принадлежите?

Я молчу. Василько проситъ его какъ нибудь пригласить. Онъ очень скучаетъ, намекаетъ, что общество

большевиковъ ему тягостно. Вѣроятно тайный бѣлогвардеецъ, выношу я впечатлѣніе.

— У насъ душевнобольная и мы живемъ очень замкнуто.

— Я не боюсь ненормальныхъ, — увѣряетъ Василько, — мнѣ такъ не хватаетъ общества интеллигентныхъ людей. Я всегда одинъ и очень занятъ работой.

. . . Я возвращаюсь съ прогулки. Хоть-бы его не встрѣтить, пройти незамѣтно . . . . Но Василько дежуритъ мое возвращеніе. Я слышу его голосъ сверху.

— Вотъ, видите, опять встрѣтились, значитъ — судьба . . . .

— Значитъ, судьба, — повторяю я мысленно его слова . . .

Что за ерунда, какая такая судьба? .. Люблю свою «Синюю Птицу» и знать никого не хочу. Черезъ недѣлю моего слѣда здѣсь не будетъ больше . . . «Значитъ судьба» . . . Я даже перекрестилась и суевѣрно зашептала молитву.

VI.

... У Анны Николаевны вечеръ. Я вхожу въ темносинемъ тальерѣ и въ высокихъ лаковыхъ ботинкахъ. Единственное украшеніе — жемчужныя серьги, слезками.

Скинувъ свои безконечныя теплыя одѣянія, я сама себя не узнаю «дамой общества». Навстрѣчу поднимается Василько. Загорается мною и долгимъ поцѣлуемъ цѣлуетъ руку.

— Развѣ вы знакомы?—удивляется Анна Николаевна.

— Да, уже знакомы, — весело отвѣчаетъ Василько.

Онъ — центръ общества нашего домкомбѣда. Отецъ Анны Николаевны въ ситцевой рубахѣ, широкій, рыжебородый — настоящій Малюта Скуратовъ.

Я замѣчаю, что Василько не спускаетъ съ меня глазъ, говоритъ только для меня и сильно взволнованъ моимъ присутствіемъ. Это поднимаетъ мое настроеніе — я какъ рыба въ водѣ . . .

Онъ говоритъ . . . говоритъ . . . говоритъ . . . Разсказываетъ эпизоды изъ войны о своихъ раненіяхъ, проговаривается, что онъ офицеръ, полковникъ, былъ семь разъ раненъ.

Василько носитъ нашивки на рукавѣ, имѣетъ георгіевскій крестъ, георгіевское оружіе, всѣ ордена, включая Владиміра третьей степени съ мечами. Онъ началъ войну прапорщикомъ и окончилъ ее безъ пяти минутъ генераломъ. Ну какой онъ коммунистъ, все сбивается съ тона, когда старается митинговать . . .

Василько производитъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Мы уходимъ. Онъ идетъ съ нами, беретъ меня подъ руку.

— Вы бѣлогвардейка, я это знаю, это весь домъ знаетъ, — говоритъ онъ ласково. Я молчу.

У подъѣзда Ксенія, замечтавшись, проходитъ мимо нашего дома и какъ нельзя лучше олицетворяетъ типъ слабоумной. Я смѣюсь. Аркадій ловитъ жену за руку.

— Она, видите-ли, ненормальна, — шепчу я Василько. Мы безъ разрѣшенія распродаемъ обстановку и это очень волнуетъ больную.

— Я вамъ помогу, если понадобится, — галантно обѣщаетъ на прощаніе Василько.

На слѣдующій день Василько пришелъ къ Аркадію за докторскимъ совѣтомъ. Всѣмъ было ясно, что это лишь поводъ повидаться со мной. Василій Васильевичъ

предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ вечеромъ въ оперу, куда онъ получилъ приглашеніе отъ Снабарма. Я неожиданно для себя самой приняла его приглашеніе.

— Это будетъ забавно, — подумала я, — провести вечеръ съ коммунистомъ наканунѣ отъѣзда изъ Совдепіи.

Бариновы были удивлены легкости, съ которой я дала согласіе Василько. Удивлены, такъ какъ знали мои драконовскіе принципы.

Вечеромъ за мной зашелъ Василій Васильевичъ. Онъ былъ въ коричневой фуражкѣ съ инженернымъ значкомъ и въ защитнаго цвѣта полушубкѣ съ сѣрымъ барашковымъ воротникомъ. Этотъ костюмъ удивительно шелъ къ нему.

. . . Я узнала въ немъ того военнаго, котораго разъ случайно встрѣтила на лѣстницѣ . . .

Василій Васильевичъ ловко подсадилъ меня въ сани и сѣрый рысакъ помчалъ насъ по пустыннымъ улицамъ Петрограда къ Маріинскому театру. Василько крѣпко обхватилъ меня за талію и мы сидѣли тѣсно рядомъ въ узкихъ саняхъ. Я чувствовала, что завладѣла всѣмъ существомъ этого неожиданно-негаданно ворвавшагося въ мою жизнь человѣка и это сознаніе волновало и забавляло меня, отвыкшую отъ мужского поклоненія за полтора года моего отшельничества.

Дорогой Василько красиво говорилъ о благородствѣ, рыцарствѣ, о религіи. Онъ всѣмъ смысломъ своихъ рѣчей давалъ мнѣ понять, что онъ только играетъ свою роль коммуниста, что это тяжело ему — офицеру, георгіевскому кавалеру, любящему Россію больше жизни.

Въ театрѣ Василько сказалъ мнѣ, что онъ поражался мужеству, съ которымъ мы всѣ трое переносимъ тяготы настоящей жизни. Говорилъ онъ тепло и сердечно и нѣжно смотрѣлъ на меня . . .

— Онъ — хорошій человѣкъ, рѣшила я.

Василько говорилъ о своей любви къ спорту. Онъ былъ извѣстный гонщикъ, — продѣлалъ нѣсколько гонокъ съ Ипатьевой. Оказалось, что онъ хорошо знаетъ свѣтлѣйшую княгиню Волховскую, у которой гостилъ въ Волховѣ. Слово за словомъ, Василько детально обрисовалъ мнѣ ея личность, а также ея belle soeur графиню Михельсенъ и еще нѣсколькихъ общихъ знакомыхъ большого свѣта, такъ что мнѣ стало ясно, что онъ человѣкъ моего круга.

Разсказывалъ онъ легко и свободно, не внушая никакого сомнѣнія въ правдивости своихъ словъ.

По выходѣ изъ театра была большая давка; шла провѣрка документовъ. У меня не было съ собой паспорта. Это смутило Василько. Онъ поблѣднѣлъ и взглядъ его сталъ тревоженъ. Я удивилась,—вѣдь онъ занималъ такой отвѣтственный постъ и былъ въ партіи. Что же могло его безпокоить? Повидимому, онъ не очень въ довѣріи, промелькнула у меня мысль.

Тревога оказалась ошибочной: насъ пропустили. Мы вышли на улицу и поджидали лошадь Василько. Василій Васильевичъ взялъ меня подъ руку и сталъ напѣвать цыганскіе романсы. У него былъ мягкій грудной голосъ съ бархатными нотками.

— Моя мать — цыганка, — сказалъ онъ.

Да, подумала я, онъ именно цыганскаго типа, — оливковый цвѣтъ матовой кожи, черные глаза и волосы, и зубы такіе бѣлые . . .

По возвращеніи домой Василій Васильевичъ предложилъ мнѣ зайти къ нему выпить чаю. — Съ бѣлой булочкой, попробовалъ онъ меня прельстить рѣдкимъ лакомствомъ. Я отказалась. У меня дома была своя бѣлая булка, испеченная кухаркой Марьей, а идти ночью къ

холостому человѣку, котораго я едва знала, просто пугало меня.

Василько былъ не на шутку огорченъ моимъ отказомъ и я въ свою очередь пригласила его зайти къ намъ, если Бариновы еще бодрствуютъ.

Наша жизнь протекала въ комнатѣ Ксеніи и Аркадія, единственной теплой комнатѣ, которую Аркадій ежедневно топилъ старой мебелью.

Черезъ нѣсколько дней я опять получила письмо отъ Василько съ просьбой поѣхать въ театръ. Я не хотѣла ѣхать. Бариновы уговорили меня.

Когда я собиралась въ театръ, вошла Елизавета.

— Вы знаете, Валентина Владиміровна, начальника всѣ очень хвалятъ и уважаютъ. Вотъ, только жена у него старая и некрасивая, она ему каждый день обѣдъ приноситъ.

Василько женатъ, — подумала я, а кольца не носитъ и о женѣ не говоритъ, — странно это . . .

Дорогой въ театръ я спросила Василія Васильевича женатъ-ли онъ. Мой вопросъ былъ ему непріятенъ. Лицо его сразу потемнѣло.

— Да, я женатъ, только это не важно, мнѣ не мѣшаетъ, я всегда могу съ женой развестись, — отвѣтилъ онъ глухо и перемѣнилъ непріятную для него тему разговора.

Въ театрѣ онъ опять ухаживалъ за мной. Чтобы охладить его пылъ, я опять вернулась къ вопросу о его семейномъ положеніи. Въ голосѣ Василько послышалось страданіе. Онъ сказалъ мнѣ, что женился онъ очень рано, девятнадцати лѣтъ, по настоянію своей матери. Жена была много старше его, изъ купеческой семьи, мало образованная, малокультурная, не удовлетворявшая его запросамъ. Они были чужіе другъ другу и давно жили раздѣльно. У Василько не хватало рѣшимости совер-

шенно порвать съ женой, но если-бы онъ захотѣлъ, разводъ она ему дастъ безпрекословно.

По возвращеніи изъ театра Василій Васильевичъ зашелъ къ намъ по приглашенію Бариновыхъ пить чай. Опять одѣтый въ черную кожу. онъ выглядѣлъ очень красивымъ. Глаза его горѣли страстью, да онъ и не скрывалъ своего увлеченія мною.

Мы заговорили о судьбѣ. Василько былъ фаталистомъ. Я захотѣла посмотрѣть линіи его рукъ: вѣдь рука — физіономія человѣка...

Руки у Василія Васильевича были очень маленькія, изящныя. Онъ это зналъ и руками своими очень гордился.

Когда я коснулась его дрожавшей отъ страсти (какъ это мнѣ было знакомо) руки, у меня инстинктивно мелькнула мысль: точно змѣи эти руки, цѣпкія, ловкія . . . Руки, которыя созданы, чтобы ласково подкравшись, внезапно задушить съ холодной жестокостью . . .

— Вы никогда не будете счастливы и не дадите счастья, — сказала я пророчески. Мнѣ стало его жаль... Это было все, что я прочла въ линіяхъ его рукъ.

— А кольцо съ мизинца снимите, оно вульгарно и къ вамъ не идетъ, — добавила я шутя.

— Это кольцо я передѣлалъ изъ булавки, которую мнѣ подарила мать.

— Снимите — некрасиво.

Онъ больше этого кольца не носилъ.

... Я сидѣла въ глубокомъ кожаномъ креслѣ. Электричество погасло. Василько принесъ свою лампу подъ голубымъ фарфоровымъ абажуромъ: керосинъ — роскошь, доступная лишь коммунисту!

Василій Васильевичъ стоялъ напротивъ моего кресла, грѣясь у печки и говорилъ. Голосъ его звучалъ мягко и проникновенно. Онъ говорилъ о своихъ взглядахъ на любовь, на бракъ.

— Я мужикъ, знаю, что недостаточно воспитанъ. Языками не владѣю и даже по русски недостаточно изящно выражаюсь. Это потому, что я свою жизнь собственнымъ горбомъ заработалъ. Изъ ничего я въ люди вышелъ и на войнѣ дворянство кровью получилъ. Жена моя должна быть барыней, выше меня, моей королевой. Для нея я сталъ бы работать, рукъ не жалѣя, чтобы она ни въ чемъ нужды не знала. Пылинки съ нея сдувать бы сталъ. Я всю жизнь работалъ, создавая состояніе для той, которую искалъ и ждалъ. Ахъ, какъ страстно ждалъ! Ночами безсонными о ней грезилъ... Все въ ней должно быть идеально, и душа, и тѣло. Я все ждалъ, ждалъ, и вотъ наконецъ, дождался . . .

Онъ говорилъ много и долго. Я понимала, что говорилъ онъ для меня и обо мнѣ. Его взгляды — мои взгляды на бракъ, которые я тщетно старалась видѣть воплощенными въ жизнь. Теперь я вновь слышала ту же тоску по идеалу въ устахъ этого человѣка изъ народа... Какъ жаль, что я не встрѣтилась съ нимъ раньше, когда моя душа была еще цѣльная, не надтреснутая... Теперь это было поздно. Я навѣки отравлена любовью къ моей «Синей Птицѣ», — безнадежной любовью, цѣпко и властно держащей меня въ своихъ могучихъ объятіяхъ.

Да, такой, какъ Василько, умѣетъ любить — человѣкъ, вышедшій изъ тьмы къ свѣту . . .

— Когда я ходилъ въ Политехникумъ въ Лѣсной, я шелъ босикомъ и резиновые туфли, самые дешевыя полтора рубля стоили, несъ въ рукахъ. Я надѣвалъ ихъ въ Институтѣ, боясь стоптать по дорогѣ. Вѣдь я долженъ былъ ихъ покупать на деньги, которыя зарабатывалъ,

исполняя чертежи за богатыхъ товарищей, платившихъ мнѣ за это гроши, — доносились печальныя слова Василько.

Мнѣ было его безконечно жаль, хотѣлось согрѣть, приласкать. Я сама такъ изголодалась по ласкѣ, по теплому, сердечному слову; такая одинокая, судьбой обиженная, собиравшаяся ѣхать куда глаза глядятъ, безъ вѣры, безъ надеждъ, съ слабо теплившейся мечтой розыскать «Синюю Птицу», можетъ быть уже безвозвратно меня забывшаго . . . А этотъ Василько, такой-же одинокій и несчастный, былъ близко и онъ любилъ и страдалъ . . .

Послѣ ухода Василько ко мнѣ подошла Ксенія со словами:

— Тина, Василій Васильевичъ безумно влюбленъ въ тебя, а тебѣ онъ, вѣроятно, никогда не понравится. Вѣдь ты — бѣлая кость,—закончила она, насмѣшливо улыбаясь.

— Онъ съ тебя глазъ не спускаетъ. Эхъ, вы, женщины, всегда мимо настоящей любви проходите . . . Василько горитъ своимъ непосредственнымъ чувствомъ. Мнѣ онъ напоминаетъ героя изъ романа Куприна «Гранатовый браслетъ», — сказалъ Аркадій.

— Я люблю мою грезу, мою «Синюю Птицу», — отвѣтила я тихо.

. . . Наконецъ, Аркадій сообщилъ радостную вѣсть: мы должны были уѣхать черезъ три дня; заливъ замерзъ и препятствій къ отъѣзду больше не было.

На прощаніе мы рѣшили устроить вечеръ домкомбѣду. Натопили въ столовой каминъ, сами накрыли столъ къ ужину. Все по «пролетарски» — честь честью.

Пришли: Анна Николаевна, Терентьичъ, Евборевичъ, конечно и Василько.

Василій Васильевичъ вошелъ сіяющій, въ полномъ блескѣ, съ георгіевскимъ золотымъ оружіемъ. Онъ былъ очень изященъ въ новомъ фрэнчѣ съ нашивками семи раненій и очень взволнованъ.

Евборевичъ у рояля, по обыкновенію, гнусавилъ свои мелодекламаціи...

— «Не вѣтеръ вѣя съ высоты небесъ,
Листовъ коснулся ночью лунной,
Моей души коснулся ты»...

неслись звуки его дивной новой мелодекламаціи... А мои мысли вились вокругъ полузастывшихъ Кисловодскихъ воспоминаній...

За ужиномъ Василько сидѣлъ, конечно, рядомъ со мной. Онъ зажигалъ всѣхъ своимъ горѣніемъ, острилъ, былъ въ ударѣ. Потомъ поднялъ меня въ креслѣ и поставилъ его у камина; — самъ сѣлъ рядомъ и щипцами поправлялъ горѣвшіе дрова.

— Я люблю васъ, я безумно люблю васъ, — шепталъ онъ прерывающимся отъ страсти голосомъ, прижимаясь лицомъ къ моимъ колѣнямъ.

— Вы—мой идеалъ, вы—та женщина, о которой я мечталъ всю жизнь. Вы свободны и одиноки. Будьте моей женой... Я буду такъ любить васъ, какъ этого не умѣли ваши предыдущіе мужья.

Я съ ума схожу, я боленъ вами, я ночи не сплю, все мысль о васъ меня неугасимымъ огнемъ сжигаетъ. Я на войнѣ ведра крови пролилъ и не страдалъ такъ, какъ страдаю теперь. Моя прошлая жизнь была сплошнымъ тернистымъ путемъ. Моя исторія печальна и мрачна... Вы одна свѣтомъ озарили мою душу...

— Вы ошибаетесь... Я не свободна... Мои стремленія направлены къ опредѣленной цѣли — встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго я безумно люблю... — отвѣчала я.

Василько рѣзко отшатнулся.

— Я такъ и зналъ. Вы разбили мою мечту и лишили меня иллюзіи. Вы обманули меня... вѣдь тогда на лѣстницѣ вы мнѣ сказали, что вы свободны... Зачѣмъ, зачѣмъ вы обманули меня! — Онъ закрылъ лицо руками, слезы текли изъ его глазъ.

— Если-бы я была свободна, я, возможно, зажглась бы вашей любовью. Подождите... Если моя «Синяя Птица» навѣки для меня потеряна...

— Я не хочу ждать. Я васъ люблю, я васъ завоюю... Вы будете моей женой.

— Вѣдь вы женаты.

— Нѣтъ, я разведенъ.

— Но вы мнѣ сами сказали, что вы женаты.

— Я такъ сказалъ...

... Каминъ догоралъ. Въ залѣ рядомъ игралъ Евборевичъ. Вошли Аркадій съ Иваномъ Терентьевичемъ. Они попросили Василія Васильевича спѣть. Не было гитары. Василько запѣлъ вполголоса. «У камина».

... — Такъ повѣрь, вѣдь любовь — это тотъ же каминъ,
Гдѣ сгораютъ всѣ лучшія грезы...
А погаснетъ любовь, — въ сердцѣ холодъ одинъ,
Впереди-же страданія и слезы!..»

мягко съ тоскою звучалъ его голосъ.

...Уѣхать, скорѣе-бы уѣхать... — путались мои мысли. Я затѣяла опасную игру. Жаль Василько, онъ такой цѣльный, непосредственный и потомъ вѣдь онъ настоящій герой. Всѣ награды получилъ на войнѣ, самъ вышелъ въ люди... Такихъ людей вѣдь мало! Ахъ, какъ жаль, что судьба меня съ нимъ столкнула!.. Уѣхать, уѣхать скорѣе!

Въ этотъ вечеръ Василько прозрачно намекнулъ мнѣ, что онъ «бѣлый».

— Вы видите, я оказалась правой, — сказала я сидѣвшимъ въ холодномъ залѣ у рояля Аркадію и Ивану Терентьевичу.

— А всетаки онъ негодяй, — пессимистически отвѣтилъ Терентьичъ. — Всякій коммунистъ — негодяй, а Василько «склизкій». Его не разберешь. Онъ мѣняется по настроенію и для меня не представляетъ сомнѣнія, что онъ ловко крутитъ и приспособляется. Негодяй — этимъ все сказано!

Евборевичъ былъ отъ Василія Васильевича въ восторгѣ: — Красивъ онъ очень и обаятеленъ, но жаль мнѣ его — напрасно влюбился. Вѣдь вы аристократка и органически плебея полюбить не можете, да еще безъ роду и племени...

Василько обѣщалъ Евборевичу устроить артистическій паекъ. Вообще онъ обѣщалъ всѣмъ и каждому и этимъ всѣхъ сразу завоевывалъ.

VII.

...Василько сталъ заходить ежедневно. По вечерамъ, онъ приносилъ свою лампу и мы грѣлись у постоянно топившейся печки въ комнатѣ Бариновыхъ и вели безконечные разговоры. Нашъ отъѣздъ все откладывался. Аркадій съ утра куда-то убѣгалъ, вообще окружилъ себя таинственностью. По его словамъ, пресловутый шефъ его «организаціи» давалъ ему труднѣйшія порученія, которыя задерживали его въ Петроградѣ. Ксенія все чаще и чаще нервничала и торопила съ отъѣздомъ... Я терпѣливо молчала и отъ нечего дѣлать развлекалась флиртомъ съ Василько.

Какъ то разъ въ интимномъ разговорѣ онъ открылъ мнѣ свою тайну. Я сама вызвала его на откровенность, посовѣтовавъ ему не компрометировать себя частыми по-

свѣщеніями нашей квартиры, завѣдомо бѣлогвардейской. Василько отвѣтилъ мнѣ, что его любовь и стремленіе меня видѣть сильнѣе боязни попасть подъ подозрѣніе партіи.

Онъ разсказалъ мнѣ свое дѣтство, всю свою жизнь. Сидѣли мы съ нимъ поздно вечеромъ у ярко горѣвшей печки въ моей комнатѣ. Я не видѣла выраженія глазъ Василія Васильевича когда онъ говорилъ. Онъ сидѣлъ, склонившись, и мѣшалъ кочергой углы. Его голосъ звучалъ глухо. Повидимому, ему была тяжела его исповѣдь. .

— Какъ вы знаете, — я незаконный сынъ, моя мать — цыганка. Она пѣла въ хорѣ въ Харьковѣ. Ее соблазнилъ Великій Князь, для котораго она была лишь случайной забавой.

Моя мать вышла замужъ за чиновника Сапожкова. Она его крѣпко любила, но скрыла отъ него свою беременность. Сапожковъ не простилъ моей матери грѣха и мстилъ на мнѣ — ребенкѣ. Я росъ, какъ щенокъ. О мнѣ никто не заботился. Мать не смѣла меня приласкать изъ боязни гнѣва своего мужа. Меня даже не сажали за столъ, я ѣлъ въ кухнѣ, часто голодалъ. Сапожковъ запилъ подъ вліяніемъ томившей его ревности и постепенно опускался... Онъ потерялъ свою службу въ Министерствѣ Финансовъ, гдѣ занималъ отвѣтственный постъ и сталъ часто бить мою мать, попадало и мнѣ.

Я видѣлъ и, не понимая, чувствовалъ, что являюсь причиной неладовъ между моей матерью и ея мужемъ... Когда мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, Сапожковъ умеръ и моя мать переселилась къ дядѣ въ домикъ въ Галерной Гавани. Послѣ смерти мужа она сошлась съ обойнымъ мастеромъ Кузнецовымъ, отъ котораго имѣла нѣсколько дѣтей. Потомъ она опускалась все ниже и ниже...

Я получилъ стипендію въ гимназіи Гуревича; уроки мнѣ приходилось готовить урывками. Мать Кузнецова, у которой было прачешное заведеніе, посылала меня развозить бѣлье по кадетскимъ корпусамъ, за это я получалъ отъ нея тарелку супа и кусокъ хлѣба и былъ счастливъ, что самъ могу зарабатать свой скудный обѣдъ.

Учился я на круглыхъ пятеркахъ изъ - за постоянной боязни потерять стипендію. Въ послѣднемъ классѣ гимназіи я увлекся спортомъ, сдѣлался гонщикомъ велосипедистомъ и принималъ участіе въ гонкахъ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ съ Уточкинымъ дѣлилъ первые призы. Потомъ я поступилъ въ Политехникумъ и чтобы имѣть средства къ существованію я открылъ въ подвальномъ этажѣ ремонтную мастерскую. Самъ чинилъ велосипеды.

Постепенно я расширилъ дѣло и у меня, черезъ нѣсколько лѣтъ, образовалась автомобильная ремонтная мастерская. Я получилъ представительство отъ иностранной фирмы на распространеніе автомобилей. Участвовалъ въ автомобильныхъ пробѣгахъ и сталъ зарабатывать очень большія деньги, покупая, обновляя и перепродавая подержанныя машины.

— Воинскую повинность я отбылъ въ Гусарскомъ Царскосельскомъ полку. Командиръ полка, генералъ Войновъ, меня очень баловалъ, цѣня мой умъ и способности, и даже предполагалъ меня усыновить. Но я рѣшилъ самостоятельно пробиваться въ люди.

— Съ моей матерью у меня были холодныя отношенія изъ - за моей ранней женитьбы по ея настоянію. Съ женой я не жилъ. Она вела распутный образъ жизни и это было моей вѣчной раной.

—Обѣ мои сестры кончили жизнь самоубійствомъ; обѣихъ мать продала и онѣ не перенесли позора. Старшая будучи беременной бросилась въ Неву; младшая погибла подъ поѣздомъ, покинутая своимъ любовникомъ. Есть у

меня еще братъ, Иванъ Кузнецовъ, и сестра отъ неизвѣстнаго отца...

— Я всегда чуждался общества и женщинъ научился презирать.

— Когда вспыхнула война, я былъ назначенъ въ автомобильную роту и безпрерывно участвовалъ въ сраженіяхъ съ нѣмцами. Былъ семь разъ раненъ, контуженъ, чудомъ спасся отъ смерти и прошелъ въ три года войны всѣ стадіи повышеній. Начавъ войну прапорщикомъ, я въ тридцать два года былъ уже полковникомъ.

Василько показалъ мнѣ свой послужной списокъ царскаго времени. У него были всѣ награды, включая Владиміра третьей степени съ мечами, георгіевское оружіе и георгіевскій офицерскій крестъ, что давало ему право на потомственное дворянство.

Василько очень гордился своими отличіями и слово «офицеръ» было окружено ореоломъ рыцарства въ его глазахъ. Однажды на войнѣ онъ поймалъ офицера въ шпіонажѣ и не сдержавъ своего негодованія въ присутствіи всего полка обличилъ его.

— Я предложилъ ему или застрѣлиться здѣсь-же, или, въ случаѣ если онъ считаетъ меня клеветникомъ, застрѣлить меня.

Уличенный офицеръ спасовалъ и застрѣлился.

...Когда произошла революція, къ Василько явилась депутація съ просьбой не слагать съ себя командованія броневымъ дивизіономъ и солдаты охраняли его.

Василько трогательно описывалъ, какъ онъ впослѣдствіи, будучи арестованнымъ, даже въ тюрьмѣ не разставался съ своимъ георгіевскимъ крестомъ, заработаннымъ цѣною подвиговъ. Говорилъ онъ все это прочувствованнымъ, прерывавшимся отъ волненія голосомъ и я восхищалась его благородству.

Василій Васильевичъ участвовалъ въ заговорахъ въ 1918 г. и его храбрость и неуловимость внушали большевикамъ опасенія. Онъ состоялъ и руководилъ бѣлогвардейскими организаціями, но объ этомъ онъ просилъ меня его не разспрашивать, такъ какъ въ эту тайну онъ не имѣлъ права кого-бы то ни было посвящать.

На службу къ большевикамъ и въ партію Василько пошелъ для информаціи и постоянное общеніе съ большевиками было ему безумно тягостно. Ему вообще не довѣряли въ партіи и къ нему былъ приставленъ комиссаръ, съ которымъ ему приходилось дѣлить власть и который постоянно за нимъ шпіонилъ и на него доносилъ.

...Василько не былъ увѣренъ ни въ одномъ часѣ своей жизни, онъ искалъ забвенія въ работѣ...

Ему постоянно нездоровилось; его постоянно передергивало, — это были послѣдствія контузій. Итакъ, жизнь его сгорала въ страстной любви ко мнѣ и службѣ на благо возстановленія Родины...

Окончивъ свою исповѣдь, Василько опустился передо мной на колѣни и припалъ къ моимъ ногамъ. — Я люблю, я безумно люблю васъ, — твердилъ онъ, цѣлуя мои колѣни. — Неужели же я не заслужилъ васъ, какъ наивысшую награду!

Василій Васильевичъ заплакалъ. Ахъ, эти мужскія слезы! Какую власть онѣ имѣютъ надъ сердцемъ женщины! Душу всю переворачиваютъ...

Неужели-же я опять ради жертвы сойду съ пути къ счастью!..

Ксенія и Аркадій постоянно нѣжничали и цѣловались во всѣхъ углахъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ. Это создавало приподнятую атмосферу и наэлектризовывало Василько. Онъ старался сѣсть ближе, нечаянно прикоснуться къ моей рукѣ, къ платью. Разъ какъ-то,

пользуясь сумерками, онъ схватилъ меня и крѣпко, страстно, не отрываясь цѣловалъ мои губы, глаза, все лицо. Протестовать было глупо, такъ какъ это привлекло бы вниманіе Бариновыхъ, сидѣвшихъ здѣсь - же рядомъ, на диванѣ и скрытыхъ темнотой. Я была зла и недовольна собой. На слѣдующій день Василько вошелъ ко мнѣ и рѣшительно сказалъ:

— Такая женщина, какъ вы — разъ позволили себя поцѣловать, должны выйти за меня замужъ.

— Я никогда больше не выйду замужъ.

— Я заставлю васъ, — силой съ вами обвѣнчаюсь. —

Я выгнала его вонъ. Онъ ушелъ обиженный...

...Тина, я хочу познакомить Василія Васильевича съ Андреемъ, — сказала какъ - то Ксенія. — Пусть увидитъ, какой онъ красивый. Я ему всѣ уши прожужжала разсказами, какъ Василько въ тебя влюбленъ.

Она ихъ познакомила... Андрей сидѣлъ блѣдный. Была - ли это ревность... запоздалая? Когда говорили о Василько, онъ всегда молчалъ.

Василько - же съ этихъ поръ началъ меня дико ревновать къ Андрею. Ему казалось непонятнымъ, какъ я могу встрѣчаться и разговаривать съ Мирскимъ послѣ разрыва.

...Аркадій придумывалъ все новыя и новыя причины съ цѣлью объяснить намъ промедленіе нашего отъѣзда. Василько проводилъ у насъ всѣ вечера... Постепенно я втянулась въ его общество и оно стало для меня потребностью. Его влюбленность, ласковость, мягкость и оживленіе согрѣвали холодъ окружающей атмосферы. Всѣ были имъ очарованы. Казалось, у него нѣтъ недостатковъ. Неизмѣнно внимательный и любезный, онъ распахнулъ свою душу и не скрывалъ отъ насъ своей ненависти къ существующему строю.

— Какой я коммунистъ — шутилъ Василько.

— Вы знаете, что такое коммуна? Это — кому на, кому — нѣтъ!..

Единственнымъ внѣщнимъ недостаткомъ Василько была неграмотность его рѣчи. Онъ часто вставлялъ иностранныя слова, путая ихъ значеніе. Я его постоянно поправляла. Это ему очень нравилось и нисколько не обижало. Не говорилъ онъ также и на иностранныхъ языкахъ.

— Я вѣдь никогда не вращался въ свѣтѣ и на свѣтскость не претендую. Когда вы будете моей женой, а это я вамъ навѣрное говорю, что будете, вы меня научите хорошимъ манерамъ, хотя это и не важно, такъ какъ вашей свѣтскости на насъ обоихъ хватитъ, — отшучивался онъ.

... Въ день моего рожденія, въ концѣ декабря, Василько прислалъ роскошную корзину цвѣтовъ. Она рѣзала глаза среди неуютной обстановки. Вечеромъ Евборевичъ игралъ любимую мелодекламацію Василія Васильевича — «Любовь — мечта» изъ Принцессы Грезы.

— Я старушка, — мнѣ сегодня исполнилось 35 лѣтъ,— сказала я Василько.

— Меня не интересуютъ ваши годы. Я буду любить васъ такъ же безумно и въ старости, — отвѣтилъ онъ убѣжденно.

Василій Васильевичъ рисовалъ мнѣ яркія картины нашей будущей совмѣстной жизни и чѣмъ ближе подходилъ онъ къ намѣченной цѣли, тѣмъ эти картины дѣлались ярче...

Однажды Василько поѣхалъ на вечеръ къ сестрѣ жены Зиновьева. Я въ шутку приколола ему подъ его знакомъ Красной Звѣзды бѣлый цвѣтокъ цикламена. Вернулся онъ

немного навеселѣ и разсказалъ намъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ товарищъ Равичъ сдѣлала ему замѣчаніе по поводу бѣлаго цвѣтка.

Желая меня заинтриговать и возбудить мою ревность, Василько сказалъ, что Равичъ красавица еврейка и къ нему неравнодушна и что черезъ нее онъ могъ бы сдѣлать крупную карьеру. Я оставалась совершенно спокойной и предложила ему, не теряя времени, ухаживать за комиссаршей.

Новый Годъ изъ суевѣрія рѣшила встрѣтить въ одиночествѣ и за минуту до боя часовъ ушла и заперлась въ своей комнатѣ. Я обратилась съ горячей молитвой къ Богу, умоляя не соединять моей жизни съ человѣкомъ, запутавшимъ меня въ тенетахъ своей любви. Я горячо молилась пока били часы и вернулась въ комнату Бариновыхъ съ поблѣднѣвшимъ, застывшимъ, лицомъ.

Василько сидѣлъ мрачный и молчаливый; его силой удержали Бариновы, такъ какъ, понявъ почему я ушла изъ комнаты, онъ смертельно обидѣлся. Встрѣча Новаго Года вышла смятой. Бариновы предложили выпить за жениха и невѣсту, но Василій Васильевичъ оставался угрюмымъ и сказалъ, что ему, повидимому, не суждено счастье съ любимой женщиной и что онъ уйдетъ изъ жизни, когда лелѣянная имъ надежда будетъ безвозвратно сокрушена.

— Эхъ, ты, Тина, все мечтаешь о своей «Синей Птицѣ». Неужели-же, если-бы этотъ человѣкъ тобою интересовался, онъ не нашелъ бы способа дать о себѣ знать,— сказалъ послѣ ужина Аркадій.

Я стояла въ темномъ углу, грѣясь у печки. Въ комнатѣ царилъ полумракъ. Электричество, прогорѣвъ по случаю Новаго Года на часъ дольше обыкновеннаго, по-

гасло въ двѣнадцать съ половиной часовъ. Горѣла лишь лампа Василько подъ синимъ фарфоровымъ абажуромъ...

Слова Аркадія больно отозвались въ моемъ сердцѣ. Вѣдь эта мысль уже давно неотступно сверлила мой мозгъ!..

Ко мнѣ вплотную подошелъ Василій Васильевичъ съ лицомъ поблѣднѣвшимъ отъ волненія. Глаза его гнѣвно сверкали.

— Если-бы мнѣ сказали, что цѣною пытокъ и униженій, цѣной смертельной опасности, я могъ бы васъ завоевать, я не задумываясь перешагнулъ-бы черезъ всѣ препятствія... Поймите-же вы, жестокая женщина, что я не въ силахъ уступить свое счастье какой-то вами въ мечтахъ созданной фантазіи.

Я молчала. Что я могла отвѣтить въ защиту моей «Синей Птицы».

— Удивляюсь тебѣ, Тина, — донеслись слова Ксеніи. — Ты вѣчно повторяешь, что счастье созданное цѣною чужого горя — отравленное, больное счастье. Твоя «Синяя Птица», по твоимъ же словамъ, не свободна, а Василій Васильевичъ ничѣмъ и никѣмъ не связанъ и имѣетъ всѣ данныя дать тебѣ то семейное счастье къ которому ты стремилась всю жизнь и котораго тебѣ не могли дать, такъ плохо тобою выбранные, оба мужа. Андрей мой братъ, а я въ тысячу разъ ставлю Василія Васильевича выше его, но... я тебѣ ничего не совѣтую... Я боюсь отвѣтственности. Это слишкомъ сложный вопросъ...

...Ежегодно въ ночь на Новый Годъ мнѣ снились пророческіе сны. На этотъ разъ я увидѣла въ пространствѣ инженерную фуражку Василько въ которой я его встрѣтила въ первый разъ на лѣстницѣ.

Внезапно эта фуражка, окутанная дымомъ, испарилась... Осталось пустое пространство... Я проснулась...

Какъ объяснить пророческое значеніе моего сна? Я пришла къ заключенію, что въ предстоящемъ году Василій Васильевичъ, вѣроятно, умретъ или будетъ убитъ. Къ моему мнѣнію присоединились и Бариновы, вѣчно погруженные въ оккультныя книги.

— Онъ застрѣлится, — сказала Ксенія. — Вѣдь онъ постоянно угрожаетъ застрѣлиться, если ты не согласишься быть его женой. Берегись, Тина, — пожалѣешь, когда уже будетъ поздно!

Въ этотъ вечеръ я дала согласіе Василько и въ Новый Годъ по старому стилю, который мы встрѣчали помолвленными я сожгла въ яркомъ пламени камина всѣ воспоминанія о «Синей Птицѣ».

...Мы рѣшили сохранить въ тайнѣ нашу помолвку. Я настаивала на отъѣздѣ. Быть женой коммуниста, хотя и тайнаго бѣлогвардейца, мнѣ казалось непереносимымъ. Играть роль приверженицы большевизма я также не находила въ себѣ способностей.

Василій Васильевичъ сіялъ и былъ такъ гордъ и счастливъ, что парализовалъ всѣ мои сомнѣнія относительно моего личнаго счастья.

... Я жила какъ въ туманѣ. Моя воля куда-то исчезла. Я чувствовала себя инертной и мнѣ порой казалось, что я являюсь проводникомъ чьей-то чужой воли сломившей мою, что я игрушка въ рукахъ злого рока.

---

31 января новаго стиля пришелъ Андрей. Онъ зашелъ ко мнѣ въ комнату за какой-то справкой.

— Скажи, Андрей, — спросила я его, — ты очень удивился бы, если-бы я вышла замужъ?

— За Василько?

— Хотя-бы и за него.

Андрей молчалъ. Его поблѣднѣвшее лицо смутило меня.

— Можетъ быть, ты уже и вышла замужъ? — сказалъ онъ вопросительно.

— Нѣтъ, я еще не замужемъ и не любовница Василько, но возможно, что буду или то — или другое. Онъ меня очень любитъ, но я его не люблю. Ты одинъ только знаешь, Андрей, кого я люблю... А любить я могу лишь одного, въ мечтахъ, увы!

...Въ эту ночь я отдалась Василько. Я не испытала съ нимъ счастья раздѣленной страсти. Это было новымъ самоубійствомъ. Я измѣнила своей мечтѣ...

При помощи Василія Васильевича я перевезла свою новую мебель отъ Кона и отъ Щербинскаго, купленную лѣтомъ, и устроила себѣ спальню и гостинную рядомъ съ комнатой Бариновыхъ.

Въ нашей квартирѣ находилось подъ поломъ хранилище, устроенное офицерами автомобильной роты въ бытность заселенія ими этой квартиры въ началѣ революціи. Уѣзжая, они открыли Аркадію секретъ пользованія этимъ подпольнымъ хранилищемъ. Это былъ, автоматически поднимавшійся квадратикъ паркета въ полу. Мы рѣшили спрятать туда наши деньги. Я передала Аркадію 250.000 думскихъ рублей и нѣкоторые бриллíанты изъ боязни вѣчныхъ обысковъ и неувѣренности въ скоромъ отъѣздѣ. Впослѣдствіи, съ согласія Василія Васильевича, я присоединила туда же его личные 100.000 думскихъ, а также два золотыхъ портсигара, которые я ему подарила къ свадьбѣ.

VIII.

Наступила Масленица. Седьмого февраля по старому стилю была годовщина свадьбы Бариновыхъ. Я предложила Василію Васильевичу обвѣнчаться въ этотъ день, такъ какъ считала, что бракъ Бариновыхъ наиболѣе счастливый изъ всѣхъ, которые мнѣ приходилось наблюдать. Василько согласился.

— Или седьмого — или никогда, — сказала я ему.

Это вѣроятно такъ и вышло бы. Ждать до Пасхи было долго, а мы собирались уѣхать заграницу, куда Василію Васильевичу за нами слѣдовать было очень трудно, въ виду кругового шпіонажа коммунистовъ другъ за другомъ.

Василько поспѣшилъ съѣздить къ митрополиту за разрѣшеніемъ чтобы обвѣнчаться седьмого, которое приходилось въ субботу на Масленой. Мы рѣшили держать наше вѣнчаніе въ тайнѣ. Это устраивало насъ обоихъ, такъ какъ намъ не хотѣлось возбуждать лишнихъ разговоровъ.

За нѣсколько дней до свадьбы я сказала о моемъ предстоящемъ бракѣ съ Василько графу Манилову, удивленію котораго не было границъ. Объ ухаживаніи и вообще о существованіи Василія Васильевича онъ узналъ впервые.

5/18 февраля Василько пришелъ ко мнѣ блѣдный.

— Что съ вами? — спросила я его.

— Мнѣ нужно съ тобой конфиденціально поговорить, Тина, — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — но только предупреждаю — ты должна спокойно выслушать меня и не принимать рѣшенія, не обдумавъ его послѣдствій.

— Помни, что потерять тебя — для меня равносильно смерти, — прибавилъ онъ, прижимаясь лицомъ къ моимъ рукамъ.

Мы сѣли съ нимъ на диванчикъ въ моей новой спальнѣ. Громадная комната тонула въ мракѣ, освѣщенная лишь отблескомъ углей догорающихъ въ каминѣ...

Василій Васильевичъ сбивчиво началъ свой разсказъ. Зная о моемъ нежеланіи становиться кому бы то ни было поперекъ дороги, красной нитью прошедшемъ черезъ всю мою жизнь, онъ скрылъ отъ меня непригляд-

ныя стороны своей прошлой жизни и ничего не сказалъ мнѣ о своей связи.

Эта Иванова вошла въ его домъ въ видѣ управительницы послѣ его развода съ женой. Постепенно онъ къ ней привыкъ, случайно съ ней сошелся, но никакихъ обязательствъ по отношенію къ ней у него нѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ вообще былъ ей далекъ. Ему очень тяжело мнѣ въ этомъ сознаваться, но совѣсть подсказываетъ ему, что это его долгъ.

. . . Онъ говорилъ . . . Я слушала . . . и кровь стыла въ моихъ жилахъ. Итакъ опять ложь, опять обманъ . . . И это наканунѣ свадьбы. Вѣдь однимъ изъ доводовъ, убѣдившихъ меня связать свою жизнь съ жизнью этого человѣка, человѣка другого, чуждаго мнѣ круга, было желаніе построить свое счастье свободно, съ такимъ-же свободнымъ человѣкомъ, какимъ я была сама. А теперь меня опять преслѣдовалъ рокъ и мое счастье, или, вѣрнѣе, иллюзія создать счастье Василію Васильевичу, наталкивалось на причину чужого горя . . .

— Если ты откажешься отъ меня, я застрѣлюсь, — глухо шепталъ Василій Васильевичъ. Лицо его было безкровно, глаза полузакрыты. Онъ весь нервно подергивался . . .

Мнѣ было и жалко его, и гадко, и обидно, что онъ обманулъ меня, лишилъ меня святой вѣры въ него. Его обликъ, полный рыцарства и благородства, потускнѣлъ, но . . . ахъ, это вѣчное но . . . — я была близка ему и это связало меня съ нимъ безконечными узелками хитросплетенныхъ путъ . . .

Я простилась съ Василько. Обѣщала подумать. Мнѣ хотѣлось остаться одной.

. . . Я много думала въ эту ночь. Мнѣ вспомнилось, что когда я хотѣла подробно разсказать Василію Василь-

евичу о своей прошлой жизни, онъ перебилъ меня словами:

— Я люблю тебя такой, какой я знаю и вижу тебя теперь. Все же остальное: твои годы, твоя прошлая жизнь и переживанія меня не интересуютъ, такъ же какъ и мое прошлое не должно для тебя существовать.

. . . Не былъ ли онъ правъ? Сила настоящаго должна побѣждать воспоминаніе о прошломъ . . .

Утромъ пришелъ Василій Васильевичъ. Я должна была рѣшать . . . Что я могла рѣшить?

— Плохо тебѣ со мной не будетъ, — сказалъ онъ, а вотъ буду ли я счастливъ, сумѣю ли удержать тебя, это — вопросъ.

Мы поѣхали съ нимъ въ Лавру къ митрополиту за бумагами, а оттуда въ Совдепъ для совершенія гражданскаго брака.

Василій Васильевичъ былъ неузнаваемъ. Точно окаменѣлый, чужой и холодный, какъ будто въ немъ шла глухая борьба и ему тяжела была церемонія. Меня покоробило. Вдругъ — такая перемѣна! Вѣдь онъ постоянно настаивалъ и страстно желалъ именно этой недостающей ему обрядности, безъ которой наши отношенія казались ему неполными и некрѣпкими.

Въ Совдепѣ насъ провели въ небольшую комнату, гдѣ стриженая барышня коммунистка спросила насъ, говоримъ ли мы на иностранныхъ языкахъ и бывали ли заграницей и сколько разъ? (точно это было основаніемъ нашему браку), а затѣмъ заставила насъ расписаться въ книгѣ и церемонія была закончена.

Настроеніе у насъ обоихъ было натянутое, точно между нами легла чья-то неустранимая тѣнь .

Я предложила Василію Васильевичу проѣхать изъ Совдепа въ Исакіевскій соборъ, чтобы вмѣстѣ помолиться у чтимаго мною образа Корсунской Божьей Матери,

Василій Васильевичъ исполнилъ мое желаніе, но, повидимому, это ему было непріятно. Онъ не подошелъ къ образу, около котораго я горячо молилась, прося благословенія нашему браку, котораго я не предвидѣла еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда здѣсь у подножья Божіей Матери призывала миръ и благословеніе на голову мною въ мечтахъ любимой «Синей Птицы». Теперь я здѣсь, наканунѣ свадьбы, отрекалась отъ мечты о счастьи — ради жертвы . . .

... Василій Васильевичъ стоялъ въ темномъ углу церкви, поджидая меня. Не знаю, какими мыслями и чувствами онъ былъ обуреваемъ, но лицо его выглядѣло потемнѣвшимъ и глаза, скрытые тяжелыми вѣками, были непроницаемы... Не говорила-ли въ немъ заглушенная волей совѣсть въ этотъ день, когда онъ еще могъ удержать и себя и меня отъ рокового шага? ..

Мы разстались молча. Его лошадь отвезла меня домой, самъ же онъ медленно пошелъ по направленію Петербургской Стороны, гдѣ находились мастерскія Автогужа.

Днемъ пришелъ прощаться Андрей. Онъ уѣзжалъ на слѣдующій день, въ день моего предстоящаго вѣнчанія, нелегально въ Финляндію совмѣстно съ четой Филатовыхъ и старикомъ Гвоздецкимъ. О моемъ бракѣ онъ не подозрѣвалъ.

Прощаясь съ Андреемъ, я перекрестила его и поцѣловала въ лобъ, когда онъ наклонился къ моей рукѣ. Это былъ мой первый поцѣлуй послѣ нашего разрыва. Мы молча посмотрѣли другъ другу въ глаза. — Если бы ты зналъ, что я уже жена другого, — подумала я . . . Нѣтъ, этого волненія я тебѣ не причиню. Поѣзжай съ

миромъ и будь счастливъ съ Филатовой, если только можешь . . .

Я разсказала Бариновымъ о своемъ разговорѣ съ Василіемъ Васильѣвичемъ. Они не менѣе меня были непріятно удивлены, но уговаривали не придавать этому значенія.

— Василій Васильевичъ скрылъ отъ тебя свой старый грѣхъ изъ боязни потерять тебя, а любви вѣдь все простительно, — сказалъ Аркадій.

По уходѣ Андрея пришли графъ и графиня Маниловы, оба какіе то странные. У графа былъ смущенный видъ.

— Итакъ, вы твердо рѣшили выйти замужъ, — сказалъ онъ. — Жаль. вы вѣдь женщина — перваго класса во всѣхъ отношеніяхъ, — прибавилъ онъ многозначительно.

— Почему графу такъ непріятно извѣстіе о моемъ бракѣ, — подумала я. Вѣдь онъ не знаетъ Василько и слѣдовательно не можетъ судить о немъ. Мнѣ стало грустно. Опять тяжелое предчувствіе камнемъ легло на сердце.

— Сыграйте что-нибудь, — попросила графиня, желая разсѣять напряженное настроеніе. Я сѣла къ роялю и заиграла «Кисловодскъ, ты — уголокъ моей мечты» . . .

Я играла мотивъ, съ которымъ были связаны лучшія воспоминанія моей жизни. Теперь я ихъ хоронила навѣки . . . Слезы тяжелыми каплями падали изъ моихъ глазъ, но я этого не замѣчала, всѣми мыслями ушедшая въ даль воспоминаній . . .

— Я не хочу, не хочу выходить замужъ, — вырвалось у меня стономъ.

— Такъ почему же? — спросилъ Маниловъ.

— Судьба, — отвѣтила я, поникнувъ головой. Судьба . . .

Вошелъ Василій Васильевичъ. Мы замолчали.

. . . Поздно вечеромъ я принимала ванну. Неожиданно раздался нервный стукъ въ дверь и я услышала взволнованный голосъ Василія Васильевича. Ему надо было спѣшно со мной поговорить.

Я быстро одѣлась и вошла въ комнату къ Бариновымъ. Съ Ксеніей была истерика. Ея зубы стучали о стекло стакана съ водой, который ей протягивалъ Аркадій. Василій Васильевичъ сидѣлъ рядомъ въ углу дивана, блѣдный, все его тѣло судорожно подергивалось.

— Что случилось? — спросила я взволнованно.

— А то, что Аркадія собираются арестовать по доносу комиссара, который донесъ на насъ, что мы бѣлогвардейцы и поэтому ваша свадьба завтра не можетъ состояться, чтобы не дать повода къ усиленію этихъ подозрѣній, — отвѣтила Ксенія.

— Это правда? — спросила я Василія Васильевича.

— Да, правда, — отвѣтилъ онъ мрачно. — Я сейчасъ только что ѣздилъ на Гороховую и поручился за Аркадія. Меня объ этомъ во время предупредили и я попросилъ коммуниста, товарища Шиллинга, поставить свою подпись рядомъ съ моей подъ удостовѣреніемъ о непричастности доктора Баринова къ политикѣ. Мы всѣ на подозрѣніи и наша свадьба можетъ сильно сгустить атмосферу, а поэтому намъ придется отложить ее на нѣкоторое время.

— Ахъ, вотъ какъ! Ну, что же, значитъ, не судьба. Вѣдь я сказала, или завтра 7-го или — никогда . . .

Мои слова поразили Василія Васильевича.

— Мы будемъ вѣнчаться завтра, сказалъ онъ упрямо, — только въ полной тайнѣ, объ этомъ никто не долженъ знать. Пригласи Терентьича шаферомъ.

Онъ ушелъ.

Аркадій вызвалъ Терентьича, который ушамъ своимъ не вѣрилъ, услыхавъ о моей предстоящей свадьбѣ съ Василіемъ Васильевичемъ и о роли шафера, которую онъ долженъ былъ изображать.

Тщетно стараясь согрѣться отъ нервной дрожи, я кратко и отрывисто сообщала Терентьичу, въ присутствіи Бариновыхъ о моемъ предстоящемъ бракѣ, его мотивахъ и политической подкладкѣ.

— Онъ бѣлый, вотъ молодецъ! Ловко же онъ насъ всѣхъ провелъ, я этого не ожидалъ. Онъ загадочный какой то и ужъ очень «склизкій»...

— ... Сильный онъ человѣкъ. Молодецъ — не ожидалъ!... — сказалъ Никифоровъ, польщенный оказаннымъ ему довѣріемъ.

Аркадій и Ксенія приготовили себѣ ужинъ, водку и заперлись въ своей комнатѣ. Они ежегодно проводили канунъ годовщины своего брака à deux.

Я собиралась ложиться спать, когда ко мнѣ постучалъ Василій Васильевичъ. Онъ вошелъ съ лицомъ бѣлѣе бумаги.

— Мы не можемъ вѣнчаться завтра, — сказалъ онъ. Эта женщина, змѣя, которую я пригрѣлъ, грозитъ облить тебя сѣрной кислотой и донести на меня въ Чека. Ей извѣстны многія тайны, которыя погубятъ десятки неповинныхъ людей.

— А, вотъ что, — поняла я сразу. Это все комедія. Онъ просто боится... испугался скандала со стороны

своей любовницы. Неужели же я еще разъ въ жизни должна уступить? . .

Я заскрежетала зубами отъ негодованія и меня охватила отчаянная рѣшимость быть сильнѣе препятствій. Куда-же дѣвалась любовь Василія Васильевича? Вѣдь онъ, а не я, добивался брака, какъ цѣли, теперь — поздно...

— Я не боюсь этой бабы — сказала я гнѣвно. Мы завтра обвѣнчаемся.

— Если даже меня прямо изъ-подъ вѣнца арестуютъ и поведутъ на разстрѣлъ?.

— Да.

— Но предупреждаю, что намъ придется въ такомъ случаѣ нѣкоторое время совсѣмъ не встрѣчаться и возможно, что мнѣ придется снова видаться съ Ивановой, чтобы усыпить ея подозрѣнія.

— Да?

— И даже снова сойтись съ ней.

— Да, даже и это?

. . . О, какъ ненавидѣла я его въ эту минуту!

— Если узнаютъ, что я, будучи коммунистомъ, повѣнчался въ церкви съ бѣлогвардейкой — меня разстрѣляютъ.

— Мы уже состоимъ въ законномъ совѣтскомъ бракѣ и вѣдь этого достаточно, — отвѣтила я упрямо.

— Совѣтская бумага о бракѣ — ерунда. Ее — разорвать и дѣло съ концомъ. Я изнемогаю, пойми, я съ ума схожу, — крикнулъ въ отчаяніи Василій Васильевичъ. — Я люблю тебя безумно, безумно, какъ никогда люблю, но мы должны разстаться на время.

— Ну, прощай, — сказала я ему, протягивая руку. — Я не вѣрю тебѣ больше, а безъ вѣры не можетъ быть счастья. Я вѣдь и во всю исторію съ предстоящимъ аре-

стомъ Аркадія не повѣрила. Сразу поняла, что ты это нарочно придумалъ, какъ помѣху нашему вѣнчанію. Какая у тебя цѣль—я не знаю, ты чего то боишься, я же считала тебя сильнымъ и смѣлымъ. Я пережила уже достаточно разочарованій за эти два дня. Прощай... Я пошутила, настаивая на вѣнчаніи, мнѣ просто хотѣлось испытать тебя. Теперь я спокойна. Я никогда больше не выйду замужъ — ни за тебя, ни за кого нибудь другого. Прощай... Будь счастливъ. Я постараюсь уѣхать въ самомъ непродолжительномъ времени и мы никогда съ тобой больше не встрѣтимся...

Василій Васильевичъ спускался по лѣстницѣ. Я стояла на площадкѣ и печально смотрѣла ему вслѣдъ. Онъ шелъ освѣщая себѣ путь электрическимъ фонаремъ.

... Я опять была одна... одна... одна... Мнѣ казалось, что я люблю Василько и что мнѣ больно терять его.

Я не могла справиться съ душевнымъ потрясеніемъ и постучалась къ Бариновымъ. Аркадій открылъ мнѣ дверь. Ксенія лежала на диванѣ мертвецки пьяная и еле шевелила заплетающимся языкомъ, роняя безсвязныя слова.

— Я нарочно напоилъ ее, чтобы она успокоилась, — сказалъ Аркадій.

— Аркадій, мы не вѣнчаемся завтра, я не знаю гдѣ правда, но я не вѣрю Василію Васильевичу. Вѣдь и исторія съ твоимъ арестомъ вымышлена. Это ложь. Ему не могло хватить времени на поѣздку въ Чека. Вѣдь онъ уѣзжалъ всего на полчаса изъ дому.

— Я объ этомъ уже узнавалъ. Василько ѣздилъ провожать Иванову на Каменноостровскій. Я разспросилъ его кучера. Эта баба закатила ему здоровый скандалъ и грозила облить тебя сѣрной кислотой.

— Все это пустяки, Аркадій. Ты знаешь, я никого и ничего не боюсь. Василько струсилъ. Можешь ли ты понять, Аркадій, мое негодованіе, — онъ самъ отказался, отказался отъ меня изъ-за этой женщины наканунѣ свадьбы. Вѣдь Василько все время обманывалъ меня, увѣряя, что онъ совершенно свободенъ, и я на этомъ строила свое счастье. Онъ обманулъ меня подло, жестоко и некрасиво. Мы разстались съ нимъ навсегда.

— Тебѣ это тяжело, Тина? Ты вѣдь такая гордая и самолюбивая.

— Да, тяжело, тяжело, — что онъ отказался отъ меня. Вѣдь я не люблю его, какъ мужчину, но какъ человѣкъ онъ такъ высоко стоялъ въ моихъ глазахъ, а потомъ, я просто привыкла къ нему... Любить-же я люблю только мою «Синюю Птицу», единственное существо, не сдѣлавшее мнѣ никогда больно.

— Выпей, Тина, — все забывается. Ты такая красавица и умница. Мы на дняхъ уѣдемъ въ Финляндію прочь отсюда.

— Ты думаешь, Аркадій, что отъ водки здѣсь сосать перестанетъ, — указала я на сердце.

— Перестанетъ, — отвѣтилъ онъ ласково.

Я выпила нѣсколько рюмокъ водки, подъ рядъ, но нервы не выдержали и въ первый разъ въ жизни, я впала въ чудовищную истерику. Меня било въ конвульсивныхъ рыданіяхъ на плечѣ у Аркадія, братски обнявшаго меня и гладившаго мои волосы.

— Плачь, Тина, выплачь всѣ слезы. Это тебя облегчитъ.

— Я люблю мою «Синюю Птицу». Зачѣмъ Василько заплевалъ мою и безъ того уже заплеванную Андреемъ душу.

— Ты найдешь свою «Синюю Птицу», — утѣшалъ меня Аркадій.

. . . Было два часа ночи. Внезапно раздались шаги Василія Васильевича и онъ вошелъ блѣдный со сверкающими глазами.

На диванѣ спала опьянѣвшая Ксенія. Я билась въ истерикѣ на плечѣ у Аркадія.

— Какое безобразіе, — сказалъ Василій Васильевичъ сквозь зубы. — Зачѣмъ ты ихъ такъ напоилъ, Аркадій?

— Я пришелъ сказать маленькой, что я вновь все обдумалъ и твердо рѣшилъ завтра вѣнчаться. Будь что будетъ!

— Я люблю только мою «Синюю Птицу» и никогда женой Василько не буду, — твердила я рыдая. — Скажи ему, Аркадій, чтобы онъ ушелъ.

— Пойдемъ, маленькая, я отнесу тебя въ постельку, — ласково сказалъ Василій Васильевичъ, но я оттолкнула его.

— Я васъ больше знать не хочу. Вы трусъ и я васъ презираю.

— Уходи, Василій, дай ей успокоиться. Уходи, сегодня ей надо остаться одной.

— Скажи ей, Аркадій, что я насильно съ ней обвѣнчаюсь завтра, еслибы она даже этому противилась. Я вновь все обдумалъ и рѣшенія своего не измѣню.

— Вонъ, уходите вонъ, — крикнула я вслѣдъ Василько. — Скажи-же ему, Аркадій, что я люблю свою «Синюю Птицу», а его ненавижу, ненавижу. . . Онъ отказался отъ меня.

— Я ушла въ свою комнату и бросилась въ постель, предварительно закрывъ на ключъ всѣ двери. Временами я забывалась тяжелымъ кошмарнымъ сномъ, въ груди было пусто. Напрасно Аркадій окликивалъ меня изъ своей комнаты, опасаясь, что я могу воспользоваться постоянно находившимся при мнѣ ядомъ. О смерти я не думала. Я только чувствовала себя очень, очень уставшей отъ пере-

житыхъ потрясеній. Мнѣ казалось, что я дѣйствую подъ гнетомъ чужой воли, а моя собственная парализована. Теперь мнѣ захотѣлось сбросить съ себя эту тяжесть и уйти изъ - подъ гипноза темныхъ силъ.

Уѣхать... Попрошу завтра Андрея уступить мнѣ свое мѣсто или помочь мнѣ уѣхать вмѣстѣ съ ними. Если онъ узнаетъ, въ какую передрягу я попала, онъ навѣрное сочтетъ своимъ долгомъ выручить меня, думала я засыпая.

Утромъ я встала съ твердой рѣшимостью во что бы то ни стало порвать съ Василіемъ Васильевичемъ. Пока я одѣвалась, я слышала, какъ онъ вызвалъ Аркадія въ столовую и они горячо и взволнованно тамъ бесѣдовали. Затѣмъ Василій Васильевичъ постучался ко мнѣ.

— Я еще не одѣта, — отвѣтила я холодно, — вообще я васъ видѣть не хочу и считаю, что мы съ вами уже вчера покончили всѣ разговоры.

— Если ты мнѣ не отворишь двери, я ее выломаю. Вопросъ относительно нашего церковнаго брака мною рѣшенъ окончательно и сегодня въ 5 часовъ мы вѣнчаемся, хотя - бы мнѣ это стоило жизни.

— Я не хочу васъ видѣть и говорить съ вами не желаю.

Затрещала дверь...

— Хорошо, не ломайте двери. Я къ вамъ выйду черезъ четверть часа, но рѣшенія своего я все равно не измѣню.

Едва я вышла къ Василію Васильевичу, онъ крѣпко схватилъ меня за плечи и вплотную приблизивъ свое разгоряченное лицо съ бѣшенствомъ прошепталъ.

— А... ты не хочешь вѣнчаться со мной, ты все еще не можешь забыть своей «Синей Птицы». Такъ знай же, — я заставлю тебя и силой поведу къ алтарю. Ты связана со мною твоимъ честнымъ словомъ и всѣ пути у тебя отрѣзаны.

— Я не выйду за васъ замужъ, вы вчера отреклись отъ меня, я не хочу повторныхъ разочарованій. Вы меня обманули и я не могу вамъ больше вѣрить. Вы трусъ, испугались некультурной старой бабы. Вообще я въ васъ разочаровалась и вамъ повторяю, что замужъ за васъ не пойду. Оставьте меня и забудьте. Я завтра уѣзжаю и мы съ вами больше никогда не встрѣтимся.

— Ага, съ бывшимъ муженькомъ собираешься бѣжать... Предупреждаю, — вы оба будете арестованы.

— Негодяй!

— Можетъ быть и негодяй, но ты моя жена и я буду бороться за свои права.

Онъ сѣлъ въ кресло у входной двери въ моей комнатѣ; въ полушубкѣ, въ фуражкѣ, не вынимая изъ кармана руки, въ которой онъ судорожно сжималъ револьверъ.

— Я буду здѣсь сидѣть весь день до пяти часовъ, когда мы пойдемъ въ церковь. Если - же ты не передумаешь и не согласишься со мною вѣнчаться, — тебѣ придется перешагнуть черезъ мой трупъ.

— Вы напрасно будете ждать и можете стрѣляться. Меня вы этимъ не запугаете. Довольно я ломала свою жизнь подъ вѣчнымъ страхомъ этой угрозы, которой меня преслѣдовали всю жизнь.

Я не обращала больше вниманія на Василько, который продолжалъ неподвижно сидѣть, не сводя съ меня глазъ.

— Тина, перестань шутить съ огнемъ, — сказалъ испуганный Аркадій. Ты и Васю и насъ напрасно погубишь. Онъ тебя безумно любитъ и утромъ сказалъ Ксеніи, что если ты не будешь его женой, — онъ застрѣлится.

— Посмотри, до чего онъ осунулся и измѣнился со вчерашняго дня. Ну какая же ты право жестокая, Тина.

Я взглянула на Василія Васильевича. Было уже около

трехъ часовъ, а онъ продолжалъ неподвижно сидѣть, точно изваяніе изъ гранита.

— Ну хорошо, прощай, — сказалъ онъ смахивая слезы. — Будь счастлива и не поминай меня лихомъ. — Съ этими словами онъ направился къ двери.

— Подожди, — остановила я его. Мнѣ вдругъ стало жутко при мысли, что онъ можетъ рѣшиться на какой нибудь нелѣпый поступокъ.

— Хорошо, я обвѣнчаюсь съ тобой, но ты долженъ мнѣ дать клятву, что ты безповоротно и навсегда порвешь съ той женщиной.

— Клянусь тебѣ честью порядочнаго человѣка и офицера, — торжественно произнесъ Василій Васильевичъ.

— Еще одно требованіе: ты долженъ отдать Ивановой всю обстановку твоей квартиры и всѣ твои наличныя деньги.

— Но вѣдь это свыше милліона, — это безуміе!

— Это мое настоятельное желаніе. Она уже не молода и семь лѣтъ была тебѣ предана.

Василій Васильевичъ съ неохотой согласился.

— Я попрошу Аркадія съѣздить съ тобой къ Ивановой и хочу, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ вашего послѣдняго разговора.

Онъ согласился.

— Ни отъ кого въ жизни я не выслушивалъ столько оскорбленій, какъ отъ тебя сегодня, моя маленькая. Ты заставила меня согнуть шею, а этого я не сдѣлалъ бы ни для одной женщины въ мірѣ... Я безумно люблю тебя, люблю потому,—что ты во всѣхъ отношеніяхъ выше меня.

Нѣжно и ласково звучали эти слова и я смягчилась... Онъ любилъ меня, этотъ гордый человыкъ, и потомъ онъ безъ сомнѣнія изъ числа людей, которые не измѣняютъ, если таковые только существуютъ на бѣломъ свѣтѣ!..

Я не успѣла сшить себѣ платья къ моей непредвидѣнной свадьбѣ и по желанію Василія Васильевича надѣла роскошное декольтированное ярко-зеленое шиффоновое платье, зашитое золотыми лиліями, на черномъ атласномъ чехлѣ, оставшееся отъ прежнихъ временъ.

Вышли мы всѣ изъ дому, точно заговорщики, по заранѣе выработанному Никифоровымъ плану. Иванъ Терентьичъ постарался окружить наше вѣнчаніе наибольшей таинственностью.

Я шла подъ руку съ Аркадіемъ, который не измѣнилъ своего обычнаго «пролетарскаго» костюма. Рядомъ шествовала Елизавета, единственная приглашенная мною гостья.

Ксенія вышла по заднему ходу съ Терентьичемъ.

Въ маленькой церквушкѣ, придѣлѣ большой Симеоновской церкви, насъ ожидалъ Василій Васильевичъ.

Я сняла шапку и ботики, но осталась въ шубкѣ, такъ какъ церковь была нетоплена.

Меня поразило совпаденіе: цвѣтъ облаченія священника былъ такой же ярко изумрудный съ золотыми крестами, какъ и мое подвѣнечное платье.

Василій Васильевичъ счастливый, весело улыбаясь, сталъ рядомъ со мною въ ожиданіи обряда.

Повинуясь обычаю, за неимѣніемъ возможности купить гдѣ бы то ни было розовый атласъ для подножія, я рѣшила замѣнить его розовымъ платочкомъ, въ которомъ нѣкогда играла роль Маріи Антоновны въ великосвѣтскомъ спектаклѣ и столь трагически памятнымъ мнѣ въ связи со смертью Махнова. Въ немъ хранились въ теченіе десяти лѣтъ его письма.

... Не было у насъ посаженныхъ отца и матери, отсутствовало обычное благословеніе, но это меня не смущало... Я была въ приподнятомъ настроеніи и мои нервы были взвинчены до крайности пережитыми волненіями.

Вѣнчая насъ, священникъ не снялъ сѣрыхъ шерстяныхъ перчатокъ. Это показалось мнѣ очень couleur local'нымъ.

Во время вѣнчанія Василій Васильевичъ крѣпко пожималъ мою руку. Свѣчи наши тоненькія, изъ чернаго воска, обыкновенныя. Бариновъ и Терентьичъ, оба въ шубахъ и валенкахъ, держали надъ нами вѣнцы. Поодаль стояли Ксенія и Елизавета.

У меня не было серьезнаго, благоговѣйнаго настроенія. Въ головѣ было пусто, безсмысленная улыбка не сходила съ моихъ губъ. Чему я улыбнулась? Собственной ли глупости, или чужому легкомыслію, съ которымъ совершалось это таинство, бывшее преступленіемъ противъ человѣческой совѣсти?

По окончаніи вѣнчанія на предложеніе священника обмѣняться поцѣлуемъ Василій Васильевичъ, поблескивая глазами, крѣпко схватилъ меня за талію и звонко поцѣловалъ въ губы со словами:

— Теперь ты моя законная жена и никакія «Синія Птицы» мнѣ больше не страшны.

— Ахъ, какъ хорошо, молодо, у тебя вышелъ этотъ поцѣлуй, Вася, обычно такой дѣланый, и какая вы вмѣстѣ — красивая пара, — поздравляла насъ Ксенія.

Подошла и Елизавета. Я поцѣловала ее, не глядя ей въ глаза. Совѣстно было ... вѣдь она могла только изумляться моему поступку. Она знала, что «Синяя Птица» не была мною забыта ...

По выходѣ изъ церкви Василій Васильевичъ нечаянно толкнулъ меня о выступъ стѣны. Я невольно вскрикнула отъ боли.

— Неужели-же это предзнаменованіе, и ты такъ же небрежно будешь со мною обходиться въ теченіе всей

нашей совмѣстной жизни? — замѣтила я мужу, потирая ушибленное плечо.

По возвращеніи домой мы выпили шампанскаго. Это была старая, престарая бутылка съ полуистлѣвшей этикеткой. Отъ старости вино потемнѣло — густое, янтарнаго цвѣта, душистое, но... утерявшее способность муссировать.

Эту бутылку мы съ трудомъ достали за восемнадцать тысячъ рублей, случайно, одну. Я никогда не пила вина вкуснѣе, но видъ у него былъ зловѣщій, безъ газа, точно сладкая отрава....

Обѣдъ также былъ неудачный. Разстроенная смертельной болѣзнью своего сына, курсанта, Марія Петровна все испортила.

Я этого не замѣтила. Я сидѣла рядомъ съ мужемъ и думала и поражалась, какъ это все такъ случилось...

Терентьичъ и Бариновъ пили водку, которой было много, и веселились. Мнѣ хотѣлось покоя, только покоя... Не думать...

Василій Васильевичъ былъ мягокъ, ласковъ и сіялъ счастьемъ. Лица его не омрачали думы... Что было у него на душѣ? Онъ жилъ настоящей минутой, не задумываясь, предоставляя судьбѣ распутать запутанный его преступнымъ легкомысліемъ узелъ.

Василій Васильевичъ переселился ко мнѣ. Черезъ два-три дня онъ, не предупредивъ меня, подалъ рапортъ по начальству, увѣдомляя о своемъ вступленіи въ бракъ. Это извѣстіе всѣхъ въ домѣ очень удивило и породило массу разговоровъ въ его управленіи.

Удивленіе неравному браку, которое я читала во взглядахъ всѣхъ его друзей и служащихъ, меня обижало и возмущало...

Я совсѣмъ не находила нашъ бракъ неравнымъ. Вѣдь Василій Васильевичъ былъ герой, офицеръ, кровью заработавшій себѣ право равенства и это слово «неравный» казалось мнѣ неподходящимъ.

— Одни начинаютъ свой родъ, — другіе его кончаютъ. не знаю, что хуже, — что лучше — вспоминались мнѣ слова покойнаго Махнова и я гордилась тѣмъ, что мой мужъ такъ славно, самостоятельно пробился въ люди.

Я торопила Василія Васильевича покончить скорѣе съ Ивановой. Повинуясь моему желанію, онъ на слѣдующій-же день послѣ свадьбы поѣхалъ къ ней, но попросилъ меня не настаивать, чтобы свидѣтелемъ ихъ разговора былъ Аркадій.

— Не заставляй меня обнажать некрасивыя стороны моей прошлой жизни въ присутствіи Баринова, — сказалъ мнѣ Василій Васильевичъ, — я повторяю тебѣ: Иванова несдержанная женщина, жалкая, старая и некрасивая и у тебя не можетъ быть къ ней ревности.

Да, онъ былъ правъ, ревности у меня не было, но и жалость на этотъ разъ отсутствовала.

По возвращеніи отъ Ивановой Василій Васильевичъ мнѣ сказалъ, что объясненіе его съ ней прошло совершенно гладко и спокойно. Иванова была удовлетворена его щедростью и примирилась съ вѣстью о его бракѣ.

Я спала эту ночь спокойно... Я безгранично вѣрила Василію Васильевичу.

Вскорѣ послѣ моей свадьбы Елизавета, начавшая себя нестерпимо дерзко вести, неожиданно кинула мнѣ ключи заявивъ, что больше у меня не служитъ.

Не знаю, была ли это уловка съ ея стороны, чтобы забрать еще большую волю или ея антипатія къ Василію Васильевичу, но на этотъ разъ ея угроза меня

только обрадовала. Я была очень утомлена ея вѣчными капризами и была рада разстаться съ нею.

— Мы обѣ устали другъ отъ друга, — сказала я ей на прощаніе. — Можетъ быть впослѣдствіи это сгладится и вы ко мнѣ вернетесь. Попробуйте пожить самостоятельно, тогда вы яснѣе оцѣните вашу прошлую жизнь у меня.

Елизавета осталась жить въ одной изъ заднихъ комнатъ нашей квартиры. Обезпеченная на нѣсколько мѣсяцевъ подаренными мною деньгами, она зажила барыней, ничѣмъ не занимаясь, валялась до часу дня въ кровати, распивала чаи и раскладывала пасьянсы, а по вечерамъ усердно посѣщала «кину», какъ это вошло въ моду въ Совѣтроссіи называть кинематографы.

Отпустивъ Елизавету, я въ теченіе мѣсяца осталась совершенно безъ прислуги и мнѣ впервые пришлось самой убирать комнаты и готовить обѣдъ. Мнѣ было очень тяжело и непривычно заниматься этой сѣрой работой, къ которой уже пріобщилось большинство интеллигенціи.

X.

... Я сидѣла у туалета, занимаясь маникюромъ. Это было дней черезъ пять-шесть послѣ моего брака. Внезапно раздался стукъ въ дверь и вошла высокая, элегантно одѣтая дѣвица. Я съ удивленіемъ пожала ея руку, которую онъ мнѣ первая протянула.

— Вы меня не узнаете? Я — Эбба, дѣвушка, служившая у васъ два года тому назадъ. Пожалуйста,

только не пугайтесь. Я пришла вамъ сообщить объ арестѣ вашего мужа. Онъ сидитъ въ тюрьмѣ въ Шуваловѣ и прислалъ вамъ письмо. Мой баринъ такъ же попался на границѣ и сидитъ тамъ-же. Черезъ него Андрей Федоровичъ передалъ мнѣ письмо для васъ.

Близкая къ обмороку я сама испугалась своего отраженія въ зеркалѣ. Безумный ужасъ спуталъ всѣ мои мысли. Андрей попался. Что дѣлать! Василій Васильевичъ навѣрно не захочетъ и не сможетъ хлопотать о моемъ бывшемъ мужѣ.

Письмо Андрея, дѣтски несвязное, полное отчаянія, потрясло меня.

— Все у всѣхъ отняли, деньги, вещи, все. Если вы намъ не поможете, мы умремъ съ голоду. Я теперь буквально нищій и въ отчаяніи бьюсь головой о стѣнку... Спасите Евгенію Николаевну, вѣдь она безпомощна, какъ женщина, — часто повторялось въ письмѣ.

Исторія Андрея и его спутниковъ была несложная и очень характерная для зимы 1920 года. Всѣ они попались на провокацію. Это была хитроумная уловка Чека, придуманная въ стѣнахъ Гороховой 2 изъ желанія найти способъ отобрать всѣ цѣнности у нелегально покидавшихъ предѣлы совдепскаго рая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то садистическое удовольствіе въ издѣвательствѣ надъ загнанными и затравленными нестерпимымъ режимомъ людьми.

Черезъ посредство ряда знакомыхъ Андрею рекомендовали двухъ типовъ, обѣщавшихъ перевести его, Филатовыхъ и Гвоздецкаго черезъ Финляндскую границу. Вся эта компанія заручилась пропускомъ въ совѣтское лѣсничество, находившееся въ семнадцати верстахъ за Лѣснымъ, куда они ѣхали, какъ будто-бы для закупки

дровъ для кооператива. Эти пропуски, конечно, заготовлялись въ Чека.

Андрей и его спутники, съ маленькими, ручными саквояжами, захвативъ лишь одну смѣну бѣлья, съ зашитыми въ одежду драгоцѣнностями и деньгами, выѣхали съ этими пропусками по желѣзной дорогѣ до условленной станціи, гдѣ ихъ поджидали сани, повезшія ихъ въ лѣсничество. Тамъ они переночевали и на утро отправились въ дальнѣйшій путь. Возницы довезли ихъ до смежной съ границей деревушки и подъ угрозой скандала заставили ихъ выйти и заплатить имъ условленныя деньги, послѣ чего они скрылись.

... Поднялась метель. Лошадей никто изъ крестьянъ имъ не далъ. Ихъ обступила толпа любопытныхъ...

Предчувствуя недоброе, Филатова потребовала возвращенія въ Петроградъ. Крестьянинъ, вызвавшійся ихъ везти, привезъ ихъ прямо на пунктъ, гдѣ всѣ они были арестованы поджидавшими ихъ чекистами. Ихъ обобрали до нитки и заключили въ грязную тюрьму, спѣшно сорганизованную въ одной изъ деревянныхъ дачъ въ Шуваловѣ. Тамъ Андрей встрѣтился съ ранѣе арестованнымъ такимъ-же способомъ Померанцевымъ и черезъ него прислалъ намъ письма.

... — Пусть Тина попроситъ похлопотать о Евгеніи Николаевнѣ Василько, — писалъ Андрей. Эта фраза заставила меня мысленно покраснѣть за него. Зная объ увлеченіи мною Василія Васильевича, онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ для своей любовницы Филатовой, связь съ которой послужила поводомъ къ нашему съ нимъ разводу.

... Но жалость, вѣчно руководившая мною, «міровая скорбь», надъ которой такъ часто издѣвался Андрей во время нашего супружества, уже отравила всѣ мои мысли...

Сунувъ Эббѣ тысячу рублей за услуги, я попросила ее передать Андрею мыло, полотенце, папиросы и свертокъ съѣстного.

Ксенія была также очень разстроена арестомъ Андрея. Черствая по натурѣ и очень эгоистичная, она любила только себя и боготворила мужа. Теперь голосъ крови разбудилъ ея хорошіе инстинкты...

— Я такъ это и зналъ, — сказалъ Василій Васильевичъ, услыхавъ объ арестѣ Андрея.

— Очень жаль, что ты съ нимъ тогда не поѣхала, — издѣвался онъ надо мною шутливо - ласково. Я бы тебя, конечно освободилъ и взялъ бы на поруки, пользуясь правами коммуниста, но воображаю выраженіе твоего лица, когда освобожденная по моей милости ты возвращалась бы со мною изъ Шуваловской тюрьмы.

— Я бы тебѣ сказалъ: ну что, Валентина Владиміровна, далеко уѣхали къ вашей «Синей Птицѣ»?

— Освободи Андрея, — попросила я, цѣлуя мужа.

— Освободить Мирскаго, ну этого ты отъ меня не дождешься. Мало онъ тебѣ зла что - ли сдѣлалъ? Или не прежняя ли привязанность заговорила? — рѣзко оттолкнулъ онъ меня и прибавилъ жестко: — если ты ему напишешь или вообще примешь въ немъ участіе, знай — между нами все будетъ кончено.

Исторія съ Андреемъ совершенно изломала и испортила мои отношенія съ Василіемъ Васильевичемъ въ первые же дни нашего супружества. И немудрено. Кругомъ шелъ разговоръ о Мирскомъ, его родственники ежедневно собирались въ комнатѣ Бариновыхъ, находившейся рядомъ съ нами, для обсужденія способовъ помощи Андрею.

Всѣ эти разговоры раздражали Василія Васильевича и я двоилась, желая умиротворить его и вмѣстѣ съ тѣмъ мучилась изъ - за Мирскаго.

— Если - бы ты видѣла, Тина, блѣдное страдальческое лицо Андрея за рѣшеткой въ верхнемъ этажѣ дачи тюрьмы его провалившіяся щеки, жалкій взглядъ... — разсказывала Ксенія по возвращеніи изъ Шувалова.

Я сидѣла молча, изнывая отъ своей безпомощности, сдерживая слезы, а потомъ раздавался звонокъ въ парадной, входилъ Василій Васильевичъ и я шла къ нему навстрѣчу, ласково улыбаясь и стараясь скрыть отъ его подозрительнаго взгляда мучившія меня мысли объ Андреѣ...

Мнѣ было жаль ихъ обоихъ, различной конечно жалостью, но... любила я лишь мою далекую «Синюю Птицу». Онъ бы меня понялъ, онъ бы меня не ревновалъ.... онъ бы мнѣ помогъ..... Мой сверхчеловѣкъ съ богоподобной душой!

На первомъ же свиданіи Ксенія сказала Андрею, что я вышла замужъ за Василько. Онъ поблѣднѣлъ и спросилъ только — когда? Ксенія отвѣтила, что это было въ день его отъѣзда въ Финляндію.

Андрей понялъ, что въ силу этого Василій Васильевичъ былъ лишенъ возможности о немъ хлопотать не возбуждая подозрѣнія у постоянно шпіонившаго за нимъ комиссара. И, правда, пища была богатая, такъ все перепуталось... Мирскій бѣжалъ въ Финляндію; въ день его бѣгства его жена неожиданно вышла замужъ за Василько, коммуниста, считавшагося мужемъ Ивановой и обставившаго свой бракъ таинственностью...

Комбинація изъ бѣлогвардейки и коммуниста и жизнь въ общей квартирѣ бокъ о бокъ съ сестрой уѣхавшаго Мирскаго — получалось весьма запутанное положеніе.

... Черезъ нѣсколько дней раздался звонокъ съ парадной. Я пошла отворить дверь. Ксеніи нездоровилось и она спала у себя въ комнатѣ.

Вошла дама съ небольшимъ ручнымъ саквояжемъ. Въ полутемной передней я не могла ее разсмотрѣть.

— Я — Евгенія Николаевна Филатова, — сказала она мнѣ и рыдая продолжала: — я къ вамъ прямо изъ тюрьмы.

Итакъ передо мною стояла Филатова... Я обняла ее, стараясь ее успокоить и повела къ себѣ въ комнату.

У меня было къ ней лишь чувство состраданія. Всѣ иныя чувства давно уже погасли ... Филатова была причиной моего развода съ Андреемъ. Ея бѣлыя розы, присланныя ему на Пасху въ 1918 году, отравили первыми подозрѣніями мою измученную ревностью душу ... Но это было такъ давно ... Сколько событій ураганомъ пронеслось сквозь мою жизнь... Поѣздка въ Кисловодскъ ... призракъ счастья десяти дней, испепелившій всю накипь прежнихъ лѣтъ, и, наконецъ, мой настоящій бракъ все больше и сильнѣе затягивавшій меня въ топи самоотреченія ...

Я съ любопытствомъ осматривала эту «соперницу», усаживая ее на диванчикъ, на тотъ самый, на которомъ я когда-то сотни разъ переживала муки ревности, точая безконечныя мережки на носовыхъ платочкахъ, тщетно стараясь этой работой убаюкать, остановить больные нервы, сбросить тенета моей привычки къ обманывавшему меня Андрею ...

Я принесла Филатовой тарелку супа, собственноручно приготовленнаго мною для Василія Васильевича, и заставила ее выпить рюмку водки, оставшуюся отъ нашего скромнаго свадебнаго пира.

— Какая вы добрая, — сказала мнѣ удивленная

Евгенія Николаевна. — Я не сумѣла-бы такъ сердечно отнестись къ женщинѣ, которая —

— Ахъ, оставимъ это, — перебила я ее, — я снова счастлива. Вѣдь я вышла замужъ, Евгенія Николаевна.

Филатова застыла отъ удивленія.

Ну, ужъ этого мужа ты у меня не отобьешь, — горделиво промелькнула мысль.

— Тина, съ кѣмъ это ты разговариваешь? — услыхала я за дверью голосъ Ксеніи. Я вошла къ ней.

— Съ Евгеніей Николаевной Филатовой.

— Какъ, ты... съ ней? — Ксенія не повѣрила.

— Изумительная ты женщина, Тина, удивляюсь тебѣ право, — сказала она.

Вошла Ксенія. Она высокомѣрно обошлась съ Филатовой и Евгенія Николаевна сразу поджала губы и стала противно манерной. Желая сохранить свое достоинство, она начала небрежно отзываться объ Андреѣ, чѣмъ покоробила меня и сразу охладила мой пылъ къ ея переживаніямъ:

— Удивляюсь Андрею Федоровичу, — сказала она. Отняли у него деньги, всѣ вещи, а онъ какъ ребенокъ все съ кольцами приставалъ, чтобы ему отдали, твердилъ, что онѣ безцѣнныя, а ему онѣ по памяти дороги. Это его материнскія кольца, — сапфиръ и изумрудъ.

— Это были не материнскія, а подаренныя мною, — подумала я и больно сжалось сердце... Что за чувство заставило Андрея добиваться возвращенія этихъ колецъ? Онѣ, правда, были безцѣнныя, а всѣ мои цѣнные подарки онъ не задумываясь продалъ передъ отъѣздомъ...

Я ничего не сказала Филатовой. У меня не было мелочнаго желанія женщины хоть сколько нибудь уязвить ея самолюбіе, открывъ ей тайну колецъ, повидимому умышленно скрытую отъ нея Андреемъ. Ксенія

иронически улыбаясь взглянула на меня, скосивъ глаза въ сторону Филатовой. Я перемѣнила разговоръ изъ боязни безтактнаго замѣчанія со стороны Ксеніи, которая сразу возненавидѣла Филатову и за меня, и за себя, и за всѣхъ насъ вмѣстѣ...

Когда Филатова ушла, Ксенія разразилась потокомъ насмѣшекъ и самой злобной критики. Она возмущалась цинизму Филатовой, съ которымъ та себя держала и вообще явилась къ намъ, точно полноправная родственница.

— И будетъ твоей belle soeur, — дразнила я Ксенію.
— И съ ней вмѣстѣ обо мнѣ злословить будешь, не зарекайся, — шутила я.

Евгенія Николаевна Филатова, высокая, стройная, немолодая женщина. Лицо у нея небольшое по фигурѣ. Красивые, лучистые, темные, сильно подведенные глаза безъ рѣсницъ и бровей (нарисованныхъ). Хорошій овалъ лица, небольшой длинный носъ и маленькій, поджатый, непріятный ротъ. Красива, но — вульгарна.

— Я крестьянка, бѣлый цвѣтокъ, выросшій на болотѣ, — сказала она про себя манерно.

Филатова старалась бравировать своимъ происхожденіемъ, подчеркивая свою красоту и неотразимость, съ помощью которыхъ она вышла въ люди. Безусловно умная, дѣльная, хитрая баба съ чисто русской смекалкой. Евгенія Николаевна заинтересовала меня своей личностью. Я именно такой ее себѣ и представляла...

Василію Васильевичу не понравился визитъ Филатовой, но мое къ ней отношеніе произвело на него сильное впечатлѣніе.

— Ты у меня добренькая, — сказалъ онъ ласково и, шутливо издѣваясь, всѣмъ разсказывалъ о моемъ поступкѣ.

... Я мало видѣла Василія Васильевича дома. Утромъ рано онъ уѣзжалъ на службу и возвращался въ семь-восемь часовъ къ обѣду, а потомъ зачастую опять уѣзжалъ. Иногда вечеромъ я сопровождала его въ этихъ поѣздкахъ на Петроградскую Сторону и поджидала, пока онъ обходилъ ремонтныя мастерскія, работавшія круглыя сутки.

Однажды мы ѣхали съ нимъ въ санкахъ по пустыннымъ улицамъ Петроградской Стороны. Свѣтила полная луна. Василій Васильевичъ былъ очень нѣжно настроенъ и, воспользовавшись этимъ, я стала рисовать ему мрачную картину застѣнка, въ которомъ томился Андрей.

У меня невольно навертывались слезы на глазахъ, когда я себѣ представляла въ эту лунную морозную ночь дачу въ Шуваловѣ, верхній этажъ съ зарѣшеченными окнами и въ окнѣ осунувшееся, жалкое лицо безпомощнаго Андрея, томившагося, точно звѣрь, за этой рѣшеткой ...

Василій Васильевичъ сдался и обѣщалъ мнѣ похлопотать объ Андреѣ. На другой день онъ позвонилъ по телефону Бадмаеву въ Чека, но не засталъ его дома. Вечеромъ неожиданно къ намъ вошла Анна Николаевна и взволнованно сообщила, что въ связи съ арестомъ Андрея комиссаръ подкапывается подъ Василія Васильевича, наводилъ справки о Бариновыхъ въ Домкомбѣдѣ и вообще старается насъ всѣхъ запутать въ контръреволюцію и этимъ скомпрометировать Василія Васильевича.

— Ахъ, какъ досадно, — подумала я. Я вѣдь только что отправила письмо Андрею съ обѣщаніемъ приложить всѣ усилія для его освобожденія, а теперь это опять становится невозможнымъ.

Василій Васильевичъ очень взволновался и разсердился на меня за то, что своими хлопотами объ Андреѣ я его подвожу подъ опасность ареста и разстрѣла и категорически отказался хлопотать о Мирскомъ. Онъ ревниво дулся на меня нѣсколько дней. Я больше не говорила при немъ объ Андреѣ. Мнѣ было жаль ихъ обоихъ.

XI.

Филатова была вновь арестована здѣсь въ Петроградѣ. Она случайно попала въ засаду при арестѣ банкира князя Шастунова, которому хотѣла продать одно изъ валютныхъ писемъ, случайно уцѣлѣвшее у нея во время обыска въ Шуваловѣ.

Бариновы стали центромъ отправки продовольствія всѣмъ заключеннымъ. Къ нимъ приходили со всѣхъ сторонъ посланные изъ Шуваловской и здѣшнихъ тюремъ и приносили письма, которыми обмѣнивались между собою и своими родными заключенные. Такимъ образомъ я получила отъ Андрея отвѣтъ на мое письмо. Онъ благодарилъ меня за помощь и просилъ хлопотать не о немъ, а о Евгеніи Николаевнѣ. Эту просьбу я нашла не вполнѣ корректной, но... Андрей вѣдь никогда не отличался тонкой психологіей!..

— Ахъ какъ мнѣ тяжело, — сказала я Ксеніи, — что я никакими способами не могу помочь Андрею.

— Да вѣдь онъ тебя не о себѣ, а о Филатовой проситъ. Ну что же, идіотствуй, старайся для этой безпринципной женщины. Да что мнѣ отъ тебя скрывать. На, почитай ихъ корреспонденцію и излечись наконецъ отъ твоей «міровой скорби».

— Что ты, Ксенія, какъ тебѣ не стыдно читать чужія письма?

— Ну вотъ, стыдно, достаточно я окунулась въ эту грязь по милости Андрея. Мнѣ стыдно за него. Филатова одновременно посылаетъ черезъ меня письма своему второму любовнику «обѣщая ему все и вся за освобожденіе» и проситъ его «побаловать ее конфетками» . . . И подпись какая. Вотъ смотри «ваша Женюня». Недурно! . . .

— А все же, Ксенія, некрасиво читать эти письма.

— Некрасиво? Напротивъ, очень поучительно . . . Вотъ, напримѣръ, Андрей посылаетъ Филатовой твое письмо и съ хорошенькой припиской.

Ксенія протянула мнѣ мое письмо, посланное надняхъ Андрею. Краска негодованія залило мое лицо. Ахъ, какое свинство!

Я судорожно разорвала мое письмо и уже безъ всякаго зазрѣнія совѣсти стала читать его дополнительное письмо къ Филатовой.

. . . Боже, до чего могутъ быть подлы мужчины! . . . «Я посылаю тебѣ письмо Валентины Владиміровны», писалъ Андрей. «Я ее просилъ о тебѣ похлопотать. Ты можешь быть теперь спокойна, моя любимая. Если намъ кто-нибудь поможетъ, то только она. Ея слову можно вѣрить».

Дальше рядъ самыхъ нѣжныхъ полныхъ любви фразъ, тѣхъ самыхъ, которыя онъ ежедневно писалъ мнѣ въ Ниццу въ 1911 году . . . Такія знакомыя, избитыя, вліянію которыхъ я тогда такъ легко поддалась. Больно было читать, обидно за прошлое . . . Но дальше, дальше»...

— «Валентина Владиміровна меня очень любила. Я ей доставилъ массу огорченій своей невѣрностью и что же? Ея письмо тронуло меня не больше, чѣмъ всякое письмо хорошаго знакомаго, который предложилъ бы мнѣ помощь въ нашемъ дѣлѣ» . . . А потомъ опять, опять клятвы любви. Онъ любилъ только ее, Филатову, и отрекался отъ своего прошлаго чувства ко мнѣ . . .

Къ чему такая гнусность! Вѣдь прошлое есть прошлое, о мертвыхъ не принято плохо отзываться и потомъ, развѣ это неуваженіе къ прошлому могло поднять силу настоящаго въ глазахъ вновь любимой имъ женщины! Да, Ксенія была права. Въ эту минуту, когда я держала въ рукахъ документъ мужской подлости, — мнѣ казалось, что я навѣки излечилась отъ «міровой скорби».

... Я разорвала эти оба письма. Письмо Филатовой къ ея любовнику Петрову, а также письмо Андрея къ ней, насмѣшкой судьбы скрестившія свои пути въ одинъ и тотъ-же день на Сергіевской улицѣ 192.

... Наступилъ день суда надъ Андреемъ. Ксенія поѣхала въ Шувалово въ сопровожденіи кухарки Маріи Петровны.

Поздно вечеромъ раздался звонокъ съ парадной, а затѣмъ истерическій выкрикъ Ксеніи: «Андрея приговорили къ разстрѣлу. Приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе по истеченіи сорока восьми часовъ!»

Я застыла на своемъ мѣстѣ. Мой мозгъ отказывался воспринять ужасную правду этихъ словъ. Даже Василій Васильевичъ выглядѣлъ потрясеннымъ.

На судѣ Андрей взялъ вину на себя. Его всѣ оговорили, на него всѣ все валили, выгораживая себя. Старикъ Филатовъ свелъ съ нимъ счеты за обиду и въ своемъ показаніи написалъ, — что Андрей помимо его воли поселился въ его семействѣ и состоялъ любовникомъ его жены, и что они всѣ подъ его вліяніемъ рѣшили бѣжать заграницу.

— Андрей съ достоинствомъ держалъ себя на судѣ. Я въ первый разъ гордилась имъ, — разсказывала Ксенія. — Когда прочли приговоръ о примѣненіи къ нему высшей кары, онъ поблѣднѣлъ и показалъ мнѣ на сердце.

Его тотчасъ-же увели и заключили въ отдѣльную камеру, отобравъ у него подушку и лишнее платье...

Бѣдный Андрей, онъ такъ любилъ жизнь! Горькія думы лишили меня сна въ эту ночь. Я все ему простила, давно простила. Но послѣ его письма къ Филатовой что-то безвозвратно оборвалось въ моей душѣ по отношенію къ нему.

Теперь — картины его предстоящаго разстрѣла, одна мрачнѣе и страшнѣе другой, тревожили мой больной мозгъ до разсвѣта.

Утромъ я пошла искать какой нибудь ходъ для его спасенія. Я униженно просила о немъ всѣхъ сколько нибудь власть имущихъ, но всюду была принята враждебно. Всѣ боялись просить за осужденнаго, чтобы этимъ не подвести себя и свою семью подъ подозрѣнія.

... Я ходила, а время бѣжало и срокъ все сокращался. Я не смѣла просить Василія Васильевича и избѣгала говорить съ нимъ о Мирскомъ. Онъ былъ мраченъ и молчаливъ.

Сама судьба спасла Андрея. Судъ надъ нимъ состоялъ изъ трехъ человѣкъ различной національности: латышъ и еврей требовали разстрѣла, но русскій отказался поставить свою подпись подъ приговоромъ, находя его слишкомъ суровымъ, и подалъ заявленіе въ Гатчинскій отдѣлъ Ревтрибунала седьмой арміи о пересмотрѣ дѣла.

Объ этомъ ничего не было извѣстно Андрею и онъ ожидалъ разстрѣла. На вторыя сутки его разбудили въ четыре часа ночи и вывели подъ конвоемъ изъ тюрьмы. Андрей былъ въ полной увѣренности, что его ведутъ на казнь...

Лишь по приходѣ на вокзалъ онъ узналъ, что его отправляютъ въ Гатчину для пересмотра дѣла въ высшей инстанціи.

Судьи обозленные вмѣшательствомъ въ свои права «власти на мѣстахъ» нарочно скрыли отъ Мирскаго отсрочку приговора, чтобы заставить осужденнаго пережить весь ужасъ приготовленія къ неизбѣжной смертной казни.

На третьи сутки послѣ суда, едва успѣлъ Василій Васильевичъ уйти на службу, — раздался звонокъ въ передней и громкій голосъ Андрея.

Оказалось, что они опоздали на поѣздъ въ Гатчину и имъ нужно было пережидать на вокзалѣ пять часовъ. Андрей уговорилъ конвоировъ пойти съ нимъ на Сергіевскую къ его роднымъ и тѣ согласились, соблазнившись перспективой угощенія.

Этотъ поступокъ Андрея, не сообразившаго о могущихъ быть послѣдствіяхъ, былъ крайне неостороженъ и неделикатенъ по отношенію Василія Васильевича, подъ защитой котораго жили Бариновы, не имѣвшіе солидныхъ удостовѣреній личности.

На двери нашей квартиры стояло имя Василько, съ названіемъ его офиціальнаго положенія и должностей и такимъ образомъ опять получалась весьма оригинальная картина: Андрей, осужденный на разстрѣлъ, какъ опасный контръ-революціонеръ, пришелъ въ сопровожденіи своего конвоя на квартиру коммуниста, женатаго на его бывшей женѣ! Это безусловно подводило подъ разстрѣлъ въ случаѣ, если бы кто-нибудь объ этомъ узналъ, не только Андрея и его конвой, но конечно и всѣхъ насъ.

Я была очень счастлива освобожденію Андрея отъ смертной казни, но одновременно смущена его приходомъ. Я знала, что если Василій Васильевичъ узнаетъ,

что Андрей былъ въ его квартирѣ и что я это отъ него скрыла, онъ никогда не проститъ мнѣ предательства.

За послѣднее время наши отношенія очень обострились изъ за Мирскаго и Василій Васильевичъ меня сильно ревновалъ къ нему и возмущался, что я интересуюсь судьбою моего бывшаго мужа. Вообще атмосфера создалась нелѣпая благодаря нашей совмѣстной жизни съ Бариновыми. Служебный телефонъ Василія Васильевича находился въ нашей спальнѣ и Бариновы постоянно имъ пользовались въ сношеніяхъ со всѣми причастными къ защитѣ Андрея людьми. Всѣ эти безконечные разговоры очень раздражали Василія Васильевича, но, встрѣчая мой умоляющій взглядъ, онъ покорялся, не считая себя нравственно въ правѣ этому препятствовать.

Я чувствовала себя безгранично уставшей за весь этотъ сумбурный періодъ, протекавшій между двухъ огней. Я глубоко вѣрила въ рыцарство и благородство моего мужа и въ крупную роль, которую онъ игралъ въ бѣлой организаціи. Рядомъ съ нимъ личность эгоистичнаго, безпринципнаго Андрея казалась мнѣ слабой и ничтожной. Но... Андрей страдалъ, а Василій Васильевичъ былъ силенъ и жалость къ Андрею затушевала всѣ остальныя чувства.

———

Мои колебанія прервалъ телефонъ Василія Васильевича. Онъ узналъ о приходѣ Андрея и былъ внѣ себя. Терентьичъ, какъ членъ Домкомбѣда раздѣлялъ его негодованіе. Вѣдь если комиссаръ, жившій подъ нами, случайно узнаетъ объ этомъ происшествіи, его доносъ неминуемо подведетъ подъ отвѣтственность весь Домкомбѣдъ, а также конечно и Василько.

Слава Богу, комиссаръ отсутствовалъ и удалось замести слѣды. Василій Васильевичъ, въ душѣ сочувство-

вавшій Андрею, обошелся мягко. Онъ позвалъ старшаго изъ конвоировавшихъ и приказалъ имъ всѣмъ немедленно идти на вокзалъ и тамъ ожидать поѣзда. Однако Домкомбѣдъ потребовалъ безотлагательнаго выѣзда Бариновыхъ изъ нашего дома.

Я рѣшила во что бы то ни стало уладить дѣло и пустила въ ходъ всѣ мои возможности склонивъ мужа взять Бариновыхъ подъ защиту, какъ самыхъ близкихъ мнѣ людей. Съ Домкомбѣдомъ дѣло обстояло труднѣе, но, разжалобивъ Анну Николаевну, я два часа уламывала Терентьича, достигнувъ самыхъ блестящихъ результатовъ. Однако Никифоровъ мнѣ сказалъ, что я очень неосторожно играю головою и положеніемъ моего мужа и что Бариновы этого не заслуживаютъ,

Я торжествовала, имѣя всѣ доказательства моего вліянія на Василія Васильевича, который былъ бѣшено упрямъ и порою очень рѣзокъ. Если онъ закидывался, никакія уловки, нѣжныя слова, ласки на него не дѣйствовали. Въ такихъ случаяхъ онъ часами мрачно молчалъ и злобно поблескивалъ глазами изъ подъ тяжелыхъ опущенныхъ вѣкъ.

— Я очень жесткій и совсѣмъ не добрый, если кто-нибудь становится поперекъ моей дороги, — говорилъ онъ. Но я не вѣрила его словамъ.

— Это ты, моя маленькая, смягчила меня и сдѣлала добрымъ. Скоро я совсѣмъ превращусь въ тряпку подъ твоимъ вліяніемъ. Ужъ очень ты за другихъ просить умѣешь и глаза у тебя тогда насквозь въ душу лѣзутъ.

XII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моего брака пріѣхалъ съ фронта братъ Василія Васильевича, Кузнецовъ, занимавшій должность политкомиссара въ Башкирской ди-

визіи. Это былъ блондинъ съ голубыми глазами совсѣмъ непохожій на моего мужа, малограмотный и совсѣмъ необразованный — настоящій деревенскій парень. Это родство непріятно поразило меня; я не находила съ Кузнецовымъ темъ для разговоровъ и искренно удивлялась уже тому, что онъ могъ звуками выражать свои несложныя мысли. Хорошо, что не мычитъ, — утѣшала я себя.

Кузнецовъ удивленно таращилъ на меня глаза и не вѣрилъ тому, что я жена его брата.

— Сырой матеріалъ, — сказалъ о немъ Василій Васильевичъ. — Недоучившійся, но очень храбрый.

«Лучше уже не упоминать о его храбрости», подумала я, вспоминая разсказы Кузнецова, какъ онъ на фронтѣ выстрѣломъ изъ револьвера «успокаивалъ» непокорныхъ солдатъ и попавшихъ въ плѣнъ «бѣлыхъ».

Въ разговорѣ Кузнецовъ, говоря о себѣ и Василіи Васильевичѣ, сказалъ: — Мы изъ самыхъ низовъ вышли въ люди.

Эта фраза меня покоробила.

— Не забывайте, вашъ братъ достигъ высшихъ отличій на войнѣ и кровью купилъ равенство среди верховъ общества.

Кузнецовъ только еще тупѣе на меня посмотрѣлъ, какъ-бы не понимая значенія моихъ словъ.

— Твой братъ — идіотъ, онъ не служитъ тебѣ украшеніемъ, — сказала я мужу по уходѣ Кузнецова. — Неужели-же мнѣ часто придется выносить общество этого некультурнаго человѣка!

Слава Богу, сама судьба облегчила мнѣ этотъ вопросъ. Кузнецовъ не замедлилъ написать мнѣ безграмотное письмо съ просьбой выручить его и заплатить за него «долгъ чести».

Я послала ему просимыя двадцать пять тысячъ рублей и разсказала объ этомъ Василію Васильевичу, думая доставить ему удовольствіе моей щедростью въ отношеніи его брата, но къ моему удивленію мой мужъ пришелъ въ неописуемое бѣшенство.

— У этого прохвоста — долгъ чести! Да онъ и понятія-то о чести никакого не имѣетъ. Хамъ и больше ничего — кричалъ онъ раздраженно.

— Онъ твой братъ, — съ укоризной отвѣтила я мужу.

Василій Васильевичъ сердился на меня нѣсколько дней, но благодаря этому проступку Кузнецовъ лишился доступа въ нашъ домъ и я ликовала...

Я готова была заплатить гораздо большую сумму, чтобы не встрѣчать удивленныхъ глазъ окружающихъ при встрѣчѣ съ этимъ «братомъ» и не слышать насмѣшливыхъ словъ Ксеніи: «твой beau frère!»

... Еще какъ то разъ зашла въ отсутствіи Василія Васильевича маленькая черненькая дѣвочка, до смѣшного на него похожая, но... простоватая и бѣдно одѣтая.

— Меня зовутъ Лидой, я сестра Васи, — сказала она.

Я вновь была поражена. Василій Васильевичъ разсказывалъ мнѣ, что у него есть сестра Лида, красивая крупная блондинка, которую онъ взялъ отъ матери и воспитывалъ гдѣ то въ провинціи у родныхъ. А эта Лида, такая непохожая на его разсказъ, своимъ неожиданнымъ появленіемъ поставила меня въ тупикъ.

Я угостила ее чаемъ и подарила ей пять тысячъ рублей. Больше она не являласъ, а Василій Васильевичъ попросилъ меня не разспрашивать объ его родственникахъ и сказалъ, что у него двѣ сестры Лиды или, вѣрнѣе, что эту дѣвочку мать только называетъ Лидой.

Я его больше не разспрашивала. Разъ онъ не желалъ, чтобы я сталкивалась съ его родными, не все ли мнѣ

наконецъ было равно, изъ какихъ членовъ состояла его семья, далекая мнѣ по рожденію и соціальному положенію.

Но... эта дѣвочка всегда стояла у меня передъ глазами, какъ то опашливая красоту мужа вульгарнымь съ нимъ сходствомъ, и я старалась не разстраивать себя назойливыми думами... отчего и почему...

———

Василій Васильевичъ написалъ письмо моей сестрѣ Ольгѣ въ Москву. Онъ описывалъ ей высокопарнымъ слогомъ свою любовь ко мнѣ и всѣ мои совершенства. Я знала, что этимъ письмомъ онъ долженъ былъ угодить Ольгѣ, моему единственному вѣрному другу. Въ концѣ письма я сдѣлала приписку, сообщая сестрѣ о своемъ бракѣ. — Мой мужъ очень красивъ и очень меня любитъ... Священникъ вѣнчалъ насъ въ шерстяныхъ перчаткахъ и шафера были въ валенкахъ, — писала я ей, иронизируя, не зная, какъ ей сказать то, что и разсказать я не сумѣла бы... О томъ, что я счастлива и что сама люблю, я Ольгѣ не написала. Я сама еще этого не знала, хотя привязанность къ мужу начинала окутывать и запутывать мое сердце. Мнѣ казалось, что онъ много лучше другихъ и человѣкъ съ крупной политической ролью въ будущемъ, герой, рыцарь, вообще сверхъ-человѣкъ. Конечно, въ другомъ родѣ, чѣмъ «Синяя Птица»... но тотъ стоялъ совсѣмъ обособленно, въ туманѣ... далекомъ голубомъ туманѣ, и я гнала мысли о немъ, мгновеніями тоской пронизывавшія мое сердце!..

———

... Наступила весна. Пасха была ранняя. Мы рѣшили разговляться совмѣстно съ Бариновыми и въ нашей комнатѣ накрыли пасхальный столъ. Аркадій досталъ гдѣ то коробку килекъ стараго режима, Василій Васильевичъ — водку. Куличъ и пасху, а также телячьи кот-

леты съ горошкомъ намъ приготовила Марія Петровна. Все это были предметы большой роскоши въ 1920 году и стоили десятки тысячъ рублей.

Василій Васильевичъ подарилъ мнѣ блѣдно-розовую азалію, необыкновенно красивую, напоминавшую цвѣтущую яблоню и со вкусомъ убранную Шарлье.

Цвѣточные магазины были единственными, гдѣ разрѣшалась свободная торговля.

У насъ у всѣхъ было самое праздничное настроеніе. Къ заутрени пошелъ одинъ Василій Васильевичъ; мнѣ нездоровилось и я осталась дома.

Едва мы сѣли за ужинъ, — неожиданно раздался рѣзкій звонокъ телефона. Это звонилъ Андрей изъ Гатчины. Его поступокъ меня смутилъ, такъ какъ Мирскій отлично зналъ, что телефонъ находится въ нашей комнатѣ и принадлежалъ моему мужу, которому врядъ-ли разговоръ Андрея въ Пасхальную ночь могъ доставить удовольствіе, тѣмъ болѣе, что Андрей звонилъ подъ наблюденіемъ слѣдователя, случайно оказавшагося его товарищемъ по Правовѣдѣнію и позволившаго ему эту вольность, которая легко могла доставить непріятности Василію Васильевичу въ виду круговой слѣжки коммунистовъ другъ за другомъ.

Я сидѣла молча. Я видѣла, какъ омрачилось лицо мужа, а вмѣстѣ съ тѣмъ жалость къ Андрею, встрѣчавшему Свѣтлый Праздникъ въ заключеніи, извиняла въ моемъ сердцѣ его необдуманный поступокъ.

Аркадій, выпившій лишнее, также этого не сообразилъ и затянулъ разговоръ . . .

Василій Васильевичъ, внезапно рѣзко всталъ, одѣлся и ушелъ изъ дома. Я бросилась за нимъ, но онъ, не взирая на мое огорченіе, все-таки ушелъ.

Пасхальная ночь была испорчена. Ксенія и Аркадій очень смущены, а я разстроена.

Василій Васильевичъ вернулся черезъ часъ, мрачный. Ксенія попробовала его смягчить и шутя, на колѣняхъ стала передъ его кресломъ, но онъ былъ безумно упрямъ и не поддался ея ласковымъ убѣжденіямъ — не сердиться.

Мнѣ это не понравилось. Вѣдь всему есть предѣлы и я обидѣлась въ свою очередь. Вся эта исторія отозвалась на мнѣ очень болѣзненно. Я поняла, что Василій Васильевичъ далеко не такъ добръ, какъ мнѣ это казалось, и что характеръ у него не изъ легкихъ.

———

... Постепенно Василій Васильевичъ сильно перемѣнился къ Бариновымъ, сталъ относиться къ нимъ небрежно, какъ то свысока. Аркадій служилъ уже подъ его начальствомъ и передъ нимъ заискивалъ.

Чѣмъ ближе я узнавала Василія Васильевича, тѣмъ чаще стала замѣчать, что у насъ съ нимъ очень мало общихъ интересовъ. Въ началѣ Василій Васильевичъ поддѣлывался подъ мои взгляды и вкусы, стараясь меня заинтересовать, но потомъ постепенно распустился и я часто не находила съ нимъ темъ для разговоровъ. Его не интересовала ни литература, ни наука, ни отвлеченныя исканія. Онъ былъ матеріалистомъ съ ногъ до головы. Насъ съ нимъ связывалъ одинъ общій интересъ — его бѣлогвардейская работа. Я вѣрила ему безгранично, никогда его не разспрашивала и съ восхищеніемъ и гордостью слушала его рѣдкіе, отрывистые разсказы о готовящемся переворотѣ.

Послѣ Пасхи Василій Васильевичъ по ночамъ частенько исчезалъ. Я не спала эти ночи, полныя тревоги за него. Утромъ онъ возвращался блѣдный, усталый, таинственный ...

Изъ его разсказовъ я знала, что «они» часто собираются конспиративно, что сношеніями съ заграницей и съ

бѣлогвардейцами юга руководитъ Василій Васильевичъ, что работа идетъ успѣшно и мѣсяца черезъ два большевики будутъ низвергнуты.

Видное положеніе Василія Васильевича, довѣріе къ нему верховъ партіи выдвигали его на первый планъ. Всѣ данныя, подтверждавшія его разсказы, были очень многочисленны и убѣдительны.

Ловкость и особенно извилистый умъ этого человѣка поразительно умѣли запутать и опутать даже очень недовѣрчивыхъ людей. Мои прежніе знакомые были очарованы имъ и находили его блестящимъ — желѣзнымъ человѣкомъ будущаго и, зная по моимъ намекамъ о его политической дѣятельности, охотно вѣрили, что именно онъ созданъ для роли, которая выведетъ Россію изъ тупика большевизма.

— Вы сдѣлали блестящую партію, — говорила мнѣ княгиня Марго Чеглокова, — вамъ можетъ позавидовать любая женщина.

Она съ восторгомъ мечтала пріѣхать къ намъ погостить послѣ паденія большевиковъ въ Майоренгофъ на дачу - дворецъ, построенную Василіемъ Васильевичемъ незадолго до войны и подаренную имъ мнѣ въ видѣ свадебнаго подарка.

... Вообще мы всѣ жили въ мірѣ фантазій и грезъ, скрашивавшихъ нашу монотонную и сѣренькую жизнь въ совѣтскомъ Петроградѣ.

Мой бракъ съ «бѣлымъ коммунистомъ» явился злобой дня среди уцѣлѣвшихъ осколковъ «бывшаго большого свѣта». Всѣ таинственно шептались о его подпольной работѣ, о его геніи и счастьи, выпавшемъ мнѣ на долю быть женой «великаго человѣка».

Этотъ талантъ внушенія былъ особенно яркой чертой характера Василія Васильевича. Мнѣ кажется, этому способствовала также красота его внѣшности и

отпечатокъ сильной воли на мужественномъ характерномъ лицѣ.

Его отношенія къ подчиненнымъ были властными, нѣсколько высокомѣрными и терроризировали послѣднихъ. Василько боялись, повинуясь ему безпрекословно. Онъ «съѣлъ» своего комиссара и сталъ полновластнымъ хозяиномъ въ своемъ Автогужѣ.

XIII.

Бариновы жили очень широко, не стѣсняясь тратами, и очень странно, погруженные въ оккультныя книги и общеніе съ потустороннимъ міромъ. Они, казалось, жили внѣ времени и пространства.

Ихъ комната выглядѣла очень запущенной и ихъ нечистоплотность въ ѣдѣ и одеждѣ не поддавались описанію. Я удивлялась, до какой степени могли опуститься интеллигентные люди. Вечеромъ у нихъ пахло эфиромъ. Нюхали-ли они его или же вспрыскивали — этого я не знала, но понтапонъ Аркадій открыто вспрыскивалъ Ксеніи и они оба нюхали въ большомъ количествѣ кокаинъ. Какъ то въ шутку я купила у ихъ поставщика пять граммъ кокаина, не думая, что онъ сослужитъ мнѣ большую службу въ моей дальнѣйшей жизни.

Къ Аркадію постоянно ходили какіе то подозрительные типы и со стороны казалось, что онъ занимается темными спекулятивными дѣлами.

———

Василій Васильевичъ зарабатывалъ вполнѣ достаточно на нашу жизнь и всѣ свои деньги отдавалъ мнѣ. Я тратила его «совѣтскія», не размѣнивая моихъ думскихъ, хранившихся въ подпольѣ.

Василій Васильевичъ очень любилъ обстановку, мебель, художественныя вещи и картины. Наша громадная,

раздѣленная аркой гостинная, выглядѣла очень нарядной и свѣтлой. Навѣщавшіе насъ мои старые друзья и знакомые съ удовольствіемъ приходили отдохнуть въ нашемъ уголкѣ.

Правда, доходили до меня сплетни, что графиня Манилова ехидничаетъ на нашъ счетъ, говоря, что «такъ могутъ жить только коммунисты». Но я знала, что мой мужъ былъ болѣе бѣлымъ, чѣмъ это думали, и не находила нужнымъ лишать себя комфорта и уюта изъ боязни злословія.

Какъ то разъ, гуляя послѣ обѣда, мы съ мужемъ встрѣтили одного знакомаго, который предложилъ намъ зайти посмотрѣть рѣдкія художественныя вещи, продававшіяся случайно. У Василія Васильевича разгорѣлись глаза и онъ рѣшилъ пріобрѣсти всю коллекцію. Я согласилась размѣнять мои думскія деньги, хранившіяся въ подпольѣ.

Аркадій былъ очень взволнованъ, слушая наши разговоры о предстоящей покупкѣ. Онъ цѣлыми днями куда то убѣгалъ и манкировалъ службой. По ночамъ изъ комнаты Бариновыхъ доносились истерическіе выкрики Ксеніи, мѣшавшіе намъ спать . . .

Я знала, что Ксенія и Аркадій по ночамъ занимаются спиритизмомъ, черной магіей, а главное вспрыскиваніемъ наркотиковъ, совершенно подрывавшихъ здоровье Ксеніи. Она часами писала и составляла конспекты откровеній и сообщеній, полученныхъ ею во время сеансовъ изъ потусторонняго міра, которыя были конечно лишь плодомъ ея больной фантазіи . . . Разговоры объ отъѣздѣ въ Финляндію постепенно замолкали.

. . . Я обратилась къ Аркадію съ просьбой достать мнѣ мои деньги, часть которыхъ надо было внести въ видѣ задатка за купленныя нами вещи.

Это его очень смутило; онъ не докончивъ своего обѣда подбѣжалъ къ окну.

— Ксенія, — сказалъ онъ взволнованно, — меня вызываетъ шефъ, я сейчасъ на одну минуту выбѣгу. Видишь, даже безъ шапки.

Аркадій поспѣшно вышелъ. Время шло — онъ не возвращался. Взволнованная этимъ Ксенія начала мнѣ жаловаться на странное поведеніе своего мужа. Я ее успокаивала.

Въ этотъ день мы всѣ были приглашены къ тремъ часамъ на чай къ княгинѣ Оссовской, а Аркадія все не было. Мы пошли вдвоемъ съ Ксеніей. Василій Васильевичъ ушелъ по дѣлу и обѣщалъ зайти за нами попозже.

Когда мы пили чай у Оссовскихъ, внезапно раздался звонокъ по телефону. Это звонилъ Бариновъ. Онъ сообщилъ, что вывихнулъ себѣ ногу и лежитъ у шефа въ ожиданіи медицинской помощи.

Ксенія поспѣшно ушла домой, а я осталась ждать прихода Василія Васильевича. Случайно онъ пріѣхалъ въ экипажѣ и мы вернулись къ нимъ домой на часъ раньше, чѣмъ это могли предположить Бариновы. Мы встрѣтили ихъ спускавшимися съ лѣстницы. Аркадій немного хромалъ, а лицо Ксеніи было бѣлѣе бумаги.

— Мы сейчасъ вернемся, — сказалъ Аркадій. — Извини, ради Бога, Тина, мою неаккуратность.

— Поведеніе Бариновыхъ мнѣ кажется весьма подозрительнымъ, — замѣтилъ Василій Васильевичъ, — смотри, — не обобрали бы они тебя . . . Возьми, пожалуйста, у Аркадія мой золотой портсигаръ, когда будешь вынимать свои деньги.

Я возмутилась словами мужа. — Ксенія и Аркадій мнѣ, какъ братъ и сестра. Какъ можешь ты ихъ подозрѣвать, — отвѣтила я ему.

———

Бариновы вернулись около двѣнадцати часовъ ночи. Они никогда не возвращались такъ поздно, такъ какъ у нихъ не было разрѣшенія ходить по улицамъ послѣ одиннадцати часовъ. Я была уже въ постели. Мужа не было дома.

Услыхавъ голосъ Бариновыхъ, я накинула пенюаръ и постучалась къ нимъ. Они пили чай. Аркадій очень спокойный, Ксенія очень взволнованная.

— Хочешь, я сейчасъ достану твои деньги, Тина, только я очень усталъ. Если позволишь, я завтра рано утромъ передамъ ихъ Василію Васильевичу.

Спокойный тонъ Аркадія пристыдилъ меня, такъ какъ невольно вслѣдствіе замѣчанія моего мужа у меня въ головѣ зашевелились недобрыя мысли.

— Мы засидѣлись у шефа въ ожиданіи понтапона, безъ котораго моя Ксенія жить больше не можетъ, — сказалъ Аркадій, приготовляя шприцъ.

— Ахъ, Аркадій, напрасно ты пріучилъ Ксенію къ наркотикамъ, она выглядитъ совсѣмъ ненормальной. — сказала я съ упрекомъ.

— Это большое удовольствіе. Напрасно ты не желаешь его испытать, Тина. Хочешь, я тебѣ сейчасъ вспрысну?

Мнѣ показалось, что у Аркадія нехорошо блестятъ глаза. Его предложеніе мнѣ не понравилось и я сухо отвѣтила, что чувствую себя совсѣмъ здоровой и душой и тѣломъ и мнѣ незачѣмъ искать больного притупленія нервовъ.

При моихъ словахъ Ксенія и Аркадій обмѣнялись страннымъ взглядомъ. Аркадій почему-то выпустилъ приготовленный имъ для меня шприцъ и вспрыснулъ Ксеніи изъ другой капсюли.

Я ушла къ себѣ съ тяжелымъ сердцемъ. Я не могла разобраться въ поведеніи Бариновыхъ... Ночью опять

слышался истерическій смѣхъ Ксеніи и какіе-то выкрики, потомъ все смолкло...

Утромъ я постучалась къ Бариновымъ. У нихъ было тихо. Это меня поразило. Я начала стучать громче — никакого отвѣта...

Прислуга сообщила мнѣ, что Бариновы встали въ шесть часовъ утра и ушли потихоньку по черному ходу. У Ксеніи былъ маленькій пакетикъ въ рукахъ и она казалась очень разстроенной. Аркадій же шелъ спокойный, улыбаясь.

Они закрыли свою комнату изнутри на ключъ, а съ другой стороны на висячій замокъ.

...Сомнѣнія вихремъ закружились въ моей головѣ. Василія Васильевича не было дома. Я осталась ожидать возвращенія Бариновыхъ, мучимая сквернымъ предчувствіемъ.

Въ семь часовъ вечера вернулся мой мужъ, а въ восемь должно было придти за задаткомъ лицо, у котораго мы купили коллекцію.

Мы съ Василіемъ Васильевичемъ рѣшили взломать замокъ отъ двери комнаты, гдѣ находилось потайное хранилище, и достать наши деньги.

Лишь только мы отодвинули тяжелый диванъ, подъ которымъ находился кусочекъ паркета, механически приподнимающійся при нажатіи кнопки, я съ удивленіемъ увидѣла, что отверстіе открыто, а кусочекъ паркета лежитъ рядомъ.

— Поздравляю, я оказался правъ. Твои родственнички тебя обокрали, — иронически сказалъ Василій Васильевичъ.

Но я все еще не хотѣла этому вѣрить и запустивъ руку въ подполье начала шарить кругомъ...

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ были мои деньги и бриллiанты, лежали булыжники. Наконецъ моя рука наткнулась на коробочку изъ слоновой кости, въ которой хранилось нѣсколько платиновыхъ монетъ и золотой портсигаръ Василiя Васильевича. Увы, она также была пуста, и кража стала очевидной.

Василiй Васильевичъ позвалъ Анну Николаевну и черезъ посредство Домкомбѣда официально зафиксировалъ кражу, послѣ чего ушелъ внизъ въ свое правленiе.

Я осталась одна. Мнѣ было очень обидно, что въ такую минуту мой мужъ не оказалъ мнѣ нравственной поддержки и въ присутствiи Анны Николаевны издѣвался надо мной за мою любовь и довѣрiе къ Бариновымъ и постоянныя о нихъ хлопоты и заботы.

— Вотъ такъ братъ и сестра... Ты долженъ къ нимъ относиться, какъ къ самымъ мнѣ близкимъ людямъ — передразнивалъ онъ мои слова. — Правъ былъ Андрей Федоровичъ, утверждая, что твоя «мiровая скорбь» тебя до добра не доведетъ.

Я была въ конецъ разстроена...

...Я стояла у окна. Сверху мнѣ былъ видѣнъ балконъ квартиры, въ которой находилось правленiе Василiя Васильевича. Онъ неподвижно сидѣлъ на этомъ балконѣ, блѣдный отъ злобы. Выраженiе его глазъ было скрыто тяжелыми опущенными вѣками. О чемъ онъ думалъ? Я горестно смотрѣла на него сверху и чувствовала, что между нами образовалась брешь, что я никогда не прощу ему сегодняшняго поведенiя.

Я старалась не думать... Боялась думать... Но всѣмъ существомъ понимала, что въ вѣчной погонѣ за призракомъ я переоцѣнила Василiя Васильевича, что я опять ошиблась и что эта ошибка можетъ оказаться болѣзненнѣе предыдущихъ.

Въ одиннадцать часовъ раздался звонокъ по телефону. Звонилъ Аркадій. Очевидно онъ хотѣлъ узнать, обнаружена ли кража.

— Я сейчасъ принесу тебѣ всѣ деньги, Тина. Я ихъ далъ на сохраненіе шефу — сказалъ онъ отрывисто.

Я ничего не отвѣтила.

Я не спала до утра, все поджидала возвращенія Бариновыхъ. Все еще надѣялась, что исторія съ кражей благополучно разрѣшится.

... Блѣдная ночь медленно ползла постепенно розовѣя и превращаясь въ утро слѣдующаго дня, а я была одна... одна... и мрачныя предчувствія постепенно заливали мой утомленный мозгъ, мои тяжелыя думы...

На слѣдующій день въ три часа раздался оглушительный звонокъ. Такъ обыкновенно звонили при обыскахъ. Я отворила дверь. На порогѣ стояла Ксенія, блѣдная, пыльная, съ криво надѣтой шляпой.

— Ужасъ... Ужасъ!.. Аркадія арестовали... Мы ночевали сегодня въ Лѣтнемъ саду, — безсмысленно лепетала она.

— Кто тебѣ сказалъ, что Аркадій арестованъ, онъ звонилъ мнѣ вчера вечеромъ по телефону.

— Аркадій самъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что его арестовали.

— Перестань ерундить, Ксенія, изъ ареста не прибѣгаютъ; вообще довольно фантазіи. Скажи мнѣ лучше, гдѣ деньги, брилліанты и золотой портсигаръ Василія Васильевича?

— Какія деньги? Неужели Аркадій всѣ деньги взялъ!

— Мнѣ стыдно передъ мужемъ, Ксенія, за вашъ поступокъ. Если вамъ нужны были мои деньги, вы должны были предупредить меня о томъ, что вы ихъ взяли и я скрыла бы это отъ Василія Васильевича. Вѣдь теперь вы

сами себѣ петлю на шею накинули, лишившись его поддержки и защиты.

Ксенія судорожно закурила папиросу и начала рыться въ брошенномъ на полу платьѣ Аркадія. Она съ торжествомъ вытащила изъ жилетнаго кармана сверточекъ съ плохо поддѣланными брилліантами и цвѣтными камнями.

— Вотъ посмотри, Тина, — это драгоцѣнные камни изъ коллекціи шефа и ихъ цѣнность во много разъ превышаетъ стоимость вашихъ денегъ и вещей.

— Это стразы и ты можешь ихъ присоединить «къ коллекціи вашего шефа», которую я нашла въ подпольѣ на мѣстѣ моихъ исчезнувшихъ цѣнностей.

— Ты думаешь, что эти камни фальшивые? — отвѣтила Ксенія. — Ну хорошо, я пробуду здѣсь лишь нѣсколько минутъ, чтобы уложить вещи. Мы съ Аркадіемъ наняли себѣ двѣ комнаты на Жуковской, такъ какъ теперь намъ обоимъ неудобно встрѣчаться съ Василько.

———

Ксенія ушла блѣдная, страшная, а я сидѣла одна у себя въ комнатѣ и не могла, не умѣла разобраться въ кошмарѣ случившагося. Вечеромъ я получила отъ Ксеніи нелѣпое письмо, въ которомъ она обѣщала принести на другой день деньги, и въ томъ же письмѣ ниже сознавалась въ кражѣ. Она просила меня придти въ Лѣтній садъ на свиданіе.

Въ Лѣтнемъ саду она сказала мнѣ, что два дня не ѣла и куритъ окурки папиросъ, которые подбираетъ на дорожкахъ. Я принесла ей съѣстного и отдала ей всѣ находившіяся при мнѣ деньги.

Черезъ нѣсколько дней я получила отъ Ксеніи послѣднее прощальное письмо, въ которомъ она мнѣ сообщала, что они съ Аркадіемъ рѣшили покончить жизнь самоубійствомъ.

Больше я о Бариновыхъ не слыхала и не знаю—отравились ли они или же исчезли, воспользовавшись моими деньгами.

Эта исторія меня очень разстроила. Я проводила безсонныя ночи, мнѣ постоянно чудился истерическій смѣхъ Ксеніи... Иногда ночью звонилъ электрическій звонокъ съ парадной. Я бѣжала отворить дверь, но на лѣстницѣ было тихо... и пусто.

Мои отношенія съ Василіемъ Васильевичемъ не только не склеились, но расползались все шире... и шире... Я мало видѣла его дома. Постоянно раздражительный и нервный, онъ иногда безпричинно крѣпко обнималъ меня, покрывая судорожными поцѣлуями, и шепталъ слова безумной страсти, точно онъ боялся чего-то... точно терялъ меня....

XIV.

Однажды Василій Васильевичъ спросилъ меня, — что если-бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что онъ обманываетъ меня и что онъ проводитъ ночи не въ бѣлогвардейской работѣ, какъ я въ это вѣрю, а въ оргіяхъ и въ попойкахъ съ женщинами.

Я не задумываясь отвѣтила, что я этому никогда не повѣрила-бы.

...А кругомъ сгущались тучи... сгущались сплетни. Со всѣхъ сторонъ до меня доходили намеки на темное прошлое моего мужа, который все дальше и дальше уходилъ отъ меня...

Часто, и днемъ и ночью, его вызывали по телефону женскіе голоса. Иногда я принимала эти телефоны то изъ Совнархоза, то изъ Военкома съ обозначеніемъ разныхъ улицъ, куда ждали Василія Васильевича въ вечерніе часы..

Однажды, въ концѣ іюля я случайно зашла къ гадалкѣ. Она разложила карты и сказала мнѣ — вы недавно замужемъ, но съ мужемъ вы наканунѣ разрыва; трещина, раздѣляющая васъ, превратится въ непреодолимую пропасть; вы переживете сильное потрясеніе, будете близки къ самоубійству, но потомъ образумитесь и уѣдете въ далекое путешествіе.

Я не повѣрила гадалкѣ и пошла къ другой, которая сказала мнѣ тоже самое... а черезъ нѣсколько дней все произошло, какъ и было предсказано.

Въ одинъ прекрасный день Василій Васильевичъ цинично, не глядя на меня, мнѣ объявилъ, что мы должны съ нимъ разойтись, такъ какъ мы другъ другу не подходимъ, что я — барыня, онъ — мужикъ, и что въ партіи требуютъ нашего разрыва, такъ какъ я помѣха его карьерѣ.

...Шелъ дождь. Было сыро и холодно и на улицѣ и на душѣ...

Я молча выслушала сбивчивую рѣчь мужа.

— Я тебѣ дамъ формальный разводъ, маленькая, — сказалъ онъ мнѣ грустно. Нашъ бракъ былъ обреченнымъ и я сдѣлалъ преступленіе, женившись на тебѣ. Ты сильная, я за тебя не боюсь. А вотъ, какъ я буду жить безъ тебя — не знаю.

— Такъ зачѣмъ же все это?

— Это такъ нужно.

Онъ неожиданно схватилъ меня въ объятія и, покрывая безумными поцѣлуями, твердилъ:

— Я тебя безумно люблю, но я тебя потерялъ. — Мы должны разстаться.

Черезъ нѣсколько дней Василій Васильевичъ заговорилъ еще циничнѣе: бѣлогвардейская организація лоп-

нула и ему нужно было заметать слѣды. Онъ карьеристъ,— ему важнѣе всего его карьера.

— Я безумно влюбленъ въ тебя, какъ въ женщину, но какъ человѣкъ ты для меня непереносима. Ты слишкомъ многое знать желаешь и мнѣ иногда кажется, что ты мои мысли насквозь видишь. А для меня это хуже всего.

— Всѣ эти исторіи съ твоимъ бывшимъ мужемъ, а потомъ съ Бариновыми надѣлали мнѣ слишкомъ много хлопотъ. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я на тебѣ женатъ, я изъ за нихъ не имѣлъ ни одной минуты покоя и подвергался постоянному риску. Это слишкомъ высокая плата за твою любовь. Да вообще я красиво пожить хочу, а совѣсть — роскошь аристократовъ. Я усталъ отъ приличной жизни и ты должна уѣхать отсюда, такъ какъ ты меня стѣсняешь.

— Но вѣдь квартира моя. Вы въѣхали ко мнѣ, а не я къ вамъ, спокойно отвѣтила я.

— Квартира моя, — рѣзко сказалъ Василій Васильевичъ. — И обстановка тоже принадлежитъ теперь мнѣ, а вы можете искать себѣ службы. Вѣдь служитъ же ваша сестра. Ну и вы также можете послужить большевикамъ, аристократка. Вы достаточно побарствовали, теперь наша очередь. . .

———

—Марія Петровна, найдите мнѣ, пожалуйста, комнату. Я хочу отсюда уѣхать, — попросила я кухарку Марьюшку.

Она всплеснула руками.

— Неужели же этотъ мерзавецъ Василько до такой наглости дошелъ, что васъ выгоняетъ? Ахъ, Валентина Владиміровна, если бы у меня въ то время, какъ вы замужъ выходили, не былъ - бы сынъ смертельно боленъ, не бывать бы этому браку. Я вамъ давно глаза открыть хотѣла, да вы сами все отклоняли. Я думала, что любите. Василій Васильевичъ вскорѣ понялъ, что я про него

правду знаю, да и кругомъ вѣдь начали шептаться, ну вотъ онъ и рѣшилъ повести дѣло къ развязкѣ. Что ему, преступнику, лишняя жертва!

— Что вы, что вы, Марія Петровна!

— Вѣрно я вамъ это говорю. Изъ простыхъ онъ, шофферъ, на войнѣ никогда не былъ. У вашихъ же знакомыхъ Ипатьевыхъ шофферомъ служилъ. Оттуда онъ и васъ, и свѣтлѣйшую княгиню Волховскую, и другихъ господъ знаетъ и ловко онъ всѣмъ очки втиралъ.

— Онъ теперь коммунистомъ сдѣлался, у него всѣ документы фальшивые; его товарищи шофферы такъ и говорятъ: «Молодецъ Васька, на барынѣ, ловкачъ, женился. Намъ кланяться пересталъ, только по немъ петля давно плачетъ».

— Онъ на васъ отъ живой жены женился. У него двое дѣтей и мать его простая прачка. Во время войны его баринъ Ипатьевъ военнымъ чиновникомъ въ Ригѣ устроилъ. Онъ тамъ и наворовался, но никакой дачи въ Майоренгофѣ у него нѣтъ. Это тамъ у его сожительницы Ивановой мать имѣетъ старенькій домишко. Эта Иванова, какъ узнала, что Василько на васъ жениться собирается, — все вамъ о немъ разсказать хотѣла. Вотъ тутъ - то Василій Васильевичъ и испугался и потому свою свадьбу съ вами въ секретѣ отъ всѣхъ держалъ. Ну, потомъ онъ уже Иванову уломалъ, чтобы не скандалила, и все къ ней на поклонъ ѣздилъ. Мнѣ его кучеръ разсказывалъ.

— А теперь онъ съ Яссельской путается. Уже два мѣсяца у нея и ночи проводитъ. Тамъ всѣ чрезвычайники собираются. Только вы ему не уступайте, весь домъ за васъ, и васъ выселить не позволятъ.

Я была потрясена разсказомъ Маріи Петровны. Мнѣ казалось, что я упала въ чудовищную пропасть и что все лечу... лечу внизъ и что конца края нѣтъ моему паденію.

— Увѣрены ли вы, Марія Петровна, что все, что вы мнѣ разсказали, безусловно вѣрно? — спросила я ее, пробуя протестовать противъ ея обвиненій. Она обидѣлась.

— Если вы мнѣ не вѣрите, спросите Елизавету. Она потому и ушла, что у Василія Васильевича служить не захотѣла, да объ этомъ всѣ кругомъ знаютъ. Вѣдь раньше онъ былъ незамѣтный, ну а какъ на васъ женился, такъ сразу привлекъ на себя всеобщее вниманіе. Вотъ этого то Василій Васильевичъ и испугался и рѣшилъ лучше самъ первымъ уйти.

Марія Петровна ушла, а я осталась одна...

Яркимъ заревомъ заходило солнце и его послѣдніе лучи упали на мой портретъ, наканунѣ законченный Эберлингомъ. Онъ стоялъ прислоненный къ роялю и подъ полотномъ ярко выступилъ крестъ отъ подрамника, а на немъ мой, точно распятый, силуэтъ со скорбно опущенными глазами.

... — Вы подлецъ и обманщикъ, — сказала я Василію Васильевичу по его возвращеніи домой, поздно вечеромъ. — Я все, все знаю.

— Знаете? — онъ цинично улыбнулся. — Ну, такъ и на здоровье.

— Послушайте, вы шофферъ, никогда не бывшій на войнѣ, двоеженецъ и самозванецъ. Вотъ револьверъ, мы здѣсь одни и я написала записку о самоубійствѣ, чтобы скрыть всѣ слѣды. Если все то, что я вамъ говорю — ложь, убейте меня, а если правда, убейте себя, такъ какъ такихъ негодяевъ, какъ вы, земля не должна носить.

Я держала въ рукахъ револьверъ. Василій Васильевичъ испуганно обернулся и у него забѣгали глаза. Молніеноснымъ прыжкомъ онъ очутился рядомъ со мною и

сильнымъ ударомъ кулака выбилъ оружіе изъ моей руки. Я стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть отъ боли.

— Герой, пролившій кровь на войнѣ, — вы испугались револьвера въ рукахъ женщины, — сказала я ему съ насмѣшкой.

— Если ты когда нибудь вздумаешь угрожать мнѣ револьверомъ — я убью тебя какъ собаку, прошипѣлъ онъ въ отвѣтъ.

Я выпрямилась:—Убейте! .. Вы уже убили меня нравственно. Вы же передъ свадьбой, угрожали покончить жизнь самоубійствомъ, такъ почему же теперь испугались?

— Я нуженъ родинѣ.

— Ахъ, оставьте, довольно, вы нужны только бабамъ!

— Перестаньте оскорблять меня. Я офицеръ, георгіевскій кавалеръ, кровью себѣ добылъ равенство и никогда шофферомъ не былъ.

Василій Васильевичъ говорилъ взволнованно, съ жаромъ и съ такимъ упорствомъ и искусствомъ защищался, что я стала сомнѣваться: можетъ быть Марія Петровна ошиблась, можетъ быть она его перепутала съ кѣмъ - нибудь другимъ, мелькнула мысль. Ужъ очень хотѣлось мнѣ удержать иллюзію ... Пусть лучше женщина ... пусть лучше разлюбилъ ... но только не сознаніе близости къ каторжнику.

Я стала избѣгать Василія Васильевича. Я спала въ гостинной на диванѣ, онъ — въ моей бѣлой спальнѣ.

— Почему вы не спите въ спальнѣ? Вы мнѣ не мѣшаете, — сказалъ онъ какъ - то съ усмѣшкой.

Я смолчала.

... Я не хотѣла больше ничего слышать о прошломъ

Василія Васильевича. Я твердо рѣшила умереть и приводила въ порядокъ свои дѣла.

... — Что это вы, умирать собрались? — Василій Васильевичъ саркастически усмѣхнулся, — Надѣюсь, вы такой безтактности на моей квартирѣ не совершите,— процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Почему это вы такъ думаете?

— Не думаю, а прочелъ ваше посмертное письмо къ вашей «Синей Птицѣ». Совѣтую вамъ не оставлять ваши ящики открытыми, когда вы пишете подобныя письма.

Я только взглянула на него... Дѣйствительно, я забыла ключъ въ ящикѣ письменнаго стола и онъ рылся въ немъ въ моемъ отсутствіи.

На моемъ письмѣ стояло поперекъ: «Прочелъ съ удовольствіемъ. В. Василько».

Какъ ему не было стыдно! Здѣсь-же лежало письмо къ сестрѣ Ольгѣ, изъ котораго онъ ясно могъ понять, насколько серьезно было мое рѣшеніе... Ничего другого онъ не нашелъ для меня, какъ эту форму «удовольствія».

———

... — Все это ерунда, мы съ тобой не разойдемся, я по тебѣ соскучился и мы вновь заживемъ по хорошему...

... — «Только его одного любила». Ахъ, ты негодная! — Василій Васильевичъ крѣпко схватилъ меня, обнялъ и началъ цѣловать.

— Оставьте, негодяй, не смѣйте! — Идите къ вашей любовницѣ.

Василій Васильевичъ выпустилъ меня и отошелъ къ окну..

— У меня нѣтъ любовницы. Я безумно люблю тебя, — сказалъ онъ сквозь слезы и послѣ короткаго молчанія прибавилъ:

— Да, ты права. Прощай, мы должны съ тобой разстаться. Будь что будетъ.

Онъ уѣхалъ...

... Меня ничто больше уже не волновало. За эти кошмарные дни я оторвалась отъ жизни и почти не ощущала своего тѣла... Но такъ безпощадно жестокими могутъ быть лишь мужчины... Жалость имъ вообще не присуща. Всѣ они поютъ, какъ соловьи «до» и безконечно грубы «послѣ».

Я закончила всѣ свои распоряженія, сложила письма и запечатала ихъ въ два пакета: одинъ на имя Маріи Петровны, другой, въ которомъ находились копіи тѣхъ же писемъ и мое духовное завѣщаніе, я адресовала Андрею Мирскому. Я была увѣрена, что онъ исполнитъ мое порученіе и передастъ мой прощальный привѣтъ «Синей Птицѣ». Вѣдь только ему одному была извѣстна тайна моей любви...

Я завѣщала похоронить себя, въ платьѣ, въ которомъ меня впервые увидѣлъ мой сверхчеловѣкъ.

«Вы вошли въ такой красивой робѣ... А я все смотрѣлъ на васъ и думалъ... А, вотъ она какая... Вы сѣли въ высокое кресло, спиной къ окну, такая важная... А я подумалъ: и какъ это она такъ улыбаться ласково научилась и... почему такъ все на свѣтѣ устроено?» разсказывалъ онъ мнѣ въ Кисловодскѣ о своемъ первомъ впечатлѣніи, при знакомствѣ со мной.

... Въ посмертной запискѣ я просила никого не винить въ моей смерти, мотивируя ее своимъ разногласіемъ въ политическихъ взглядахъ съ мужемъ, убѣжденнымъ коммунистомъ. Это — на случай, чтобы ему не сдѣлать вреда «своей безтактностью».

Подъ вечеръ я пошла помолиться въ церковь. Служба уже закончилась. Въ церкви Святого Симео-

нія была очень душно. Молитва не шла мнѣ на умъ... Я была слишкомъ измождена, мнѣ дѣлалось дурно... Я вышла шатаясь и машинально, пройдя Моховую, дошла до Лѣтняго Сада.

У входа въ садъ я встрѣтила господина въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ. Онъ шелъ, размахивая двумя розами. Поровнявшись со мною, онъ снялъ панаму. Я сразу узнала его. Это былъ бывшій биржевой маклеръ Брони, съ которымъ меня познакомилъ мой сверхчеловѣкъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Кисловодска...

— Что вы такъ мрачно выглядите? улыбаясь спросилъ онъ меня. Сегодня такой чудный вечеръ! А я досталъ себѣ паспортъ, — уѣзжаю на дняхъ въ Эстонію.

— Это вѣдь такъ трудно.

— Мнѣ — не трудно. Хотите уѣхать? Я вамъ это легко устрою. Съ вами видно не ладно. У васъ глаза жуткіе.

Уѣхать... Онъ показался мнѣ посланникомъ небесъ... Уѣхать... увидѣть «Синюю Птицу», забыть все... забыть кошмаръ пережитаго...

Всѣ мои мысли вдругъ перевернулись... запрыгали въ моей головѣ. Въ сердцѣ что-то запѣло, — надежда и вѣра въ божественное Провидѣніе...

— Я къ вамъ зайду черезъ часъ и мы съ вами все обсудимъ, — сказалъ мнѣ Брони не переставая улыбаться.

Не чувствуя ногъ, я побѣжала домой и по дорогѣ зашла къ Маріи Петровнѣ за сахаромъ, такъ какъ у меня ничего не было къ чаю.

Марія Петровна жила по буржуйски. Ея чайный столъ ломился отъ разныхъ явствъ, недоступныхъ «бывшимъ людямъ». Чего, чего здѣсь только не было! И сотовый медъ, и разные пироги, и варенье. Отъ нея только что ушелъ ея сынъ, красный офицеръ.

При видѣ меня она всплеснула руками.

— Сядьте, Валентина Владиміровна, выпейте чайку съ медомъ. На васъ лица нѣтъ.

Задыхаясь отъ волненія я начала разсказывать этой простой, но исключительно умной и хитрой женщинѣ о своей встрѣчѣ съ человѣкомъ, который мнѣ обѣщалъ устроить отъѣздъ заграницу.

— Ну, слава Богу! А я все мѣста себѣ не находила... Мнѣ все чудилось, что ваша гордость не стерпитъ и вы съ жизнью порѣшите. Всѣ эти дни на васъ глядѣть жутко было. Вѣдь краше въ гробъ кладутъ.

— Да, Марія Петровна, вы правы. Я совсѣмъ было рѣшила...

— Что вы, что вы! Валентина Владиміровна — вашу дворянскую честь марать захотѣли, изъ за какого то негодяя грѣхъ на душу брать! — перебила она меня со слезами.

— «Дворянскую» — это слово такъ непривычно рѣзало слухъ въ устахъ этой убѣжденной революціонерки Марьюшки. Мнѣ стало смѣшно, хотя руки еще дрожали и зубы стучали о край стакана съ чаемъ...

Черезъ часъ у меня сидѣлъ Брони. Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ роскошь обстановки. Я ему ни слова не сказала о своемъ бракѣ съ коммунистомъ и спросила его, сколько будетъ стоить право на выѣздъ.

— Ничего, — отвѣтилъ онъ, грязненько улыбаясь. — Васъ повезетъ какъ жену мой пріятель, видный коммунистъ. Онъ такъ богатъ, что его деньгами не прельстишь. Желающихъ уѣхать — безсчетное множество, но уѣзжаютъ только избранныя — самыя красивыя.

— Я васъ не понимаю.

Онъ захихикалъ.

— Поухаживать за собою надо позволить... Отъ васъ зависитъ, чѣмъ скорѣе вы согласитесь на авансикъ. тѣмъ скорѣе и уѣдете.

— Что - о - о - о?

Я смотрѣла на этого человѣка и не видѣла его... Кто этотъ пріятель коммунистъ, не онъ-ли самъ? Ужасъ жизни всталъ передо мною... Повидимому нуженъ былъ этотъ лишній плевокъ судьбы, чтобы закалить меня и вернуть мнѣ силы борьбы!

Я даже не потрудилась отвѣтить ему. Я встала. Онъ понялъ и поспѣшно ушелъ.

Изъ окна я смотрѣла на его удалявшуюся уродливую фигуру на кривыхъ ногахъ... Увы, и эта надежда — уѣхать оказалась мыльнымъ пузыремъ! Вошла Марія Петровна.

— Ну что-же, Валентина Владиміровна?

— Ничего, Марья Петровна, не вышло. Этотъ человѣкъ предложилъ мнѣ расплатиться за услугу собственнымъ тѣломъ. Но это не столь важно... Я выздоровѣла отъ тягчайшаго недуга, — отъ отчаянія.

На слѣдующій день, рано утромъ, ко мнѣ въ спальню ворвался Василій Васильевичъ. Рванувъ дверь такъ, что крючекъ отлетѣлъ съ петель, онъ остановился на порогѣ, ожидая меня увидѣть мертвой...

— Вы разочарованы, не правда - ли? Я жива и останусь жить... Я уѣду заграницу. Прошу васъ поспѣшить съ разводомъ и не врываться ко мнѣ безъ разрѣшенія. До отъѣзда я буду жить въ моей квартирѣ, а васъ я прошу временно уѣхать и меня не безпокоить своимъ присутствіемъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ онъ. — Только я предоставляю вамъ спальню, а самъ буду пользоваться гостиной. Переѣзжать я не намѣренъ, чтобы не возбуждать этимъ

лишнихъ толковъ и лишь послѣ вашего отъѣзда я оглашу нашъ разводъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней я пошла къ Андрею Мирскому на лѣсопильный заводъ, гдѣ онъ служилъ на принудительныхъ работахъ, отбывая наказаніе. Я не видѣла Андрея съ момента его отъѣзда въ Финляндію и мнѣ хотѣлось узнать отъ него правду о Василько, которую онъ навѣрное уже зналъ.

Андрей вышелъ ко мнѣ навстрѣчу похудѣвшій, но мало измѣнившійся. Наше свиданіе разстроило насъ обоихъ. Онъ мнѣ сказалъ, что очень удивлялся моему демократическому браку. О прошломъ Василько онъ узналъ лишь послѣ моей свадьбы, иначе онъ, конечно, предупредилъ бы меня. Андрей мягко и деликатно коснулся прошлаго Василія Васильевича изъ боязни меня оскорбить. Ему говорили, что у Василько было нѣсколько автомобилей, которые онъ отдавалъ на прокатъ и тому, что онъ служилъ шофферомъ у Ипатьевыхъ, Андрей не вѣрилъ.

— Я только боялся, какъ бы онъ тебя не обобралъ, но его предупредили Бариновы . . . Скажи, ты его любишь?

— Нѣтъ, и даже не ревную. Мой бракъ съ нимъ былъ вызванъ исключительно моей вѣрой въ его бѣлогвардейскую дѣятельность. Ты знаешь, Андрей, кого я люблю, а любить двоихъ я не умѣю. Василько я только жалѣла.

— Я знаю твою вѣчную «міровую скорбь». Ты не умѣешь жить просто, какъ всѣ люди живутъ.

— У меня къ тебѣ, Андрей, одна большая просьба. Если когда-нибудь ты повстрѣчаешь . . . скажи ему, что . . . — нервный спазмъ помѣшалъ мнѣ договорить.

— Неужели же ты убьешь себя? Это безуміе! Вѣдь всѣ будутъ говорить, что ты это сдѣлала изъ ревности

къ Яссельской — помойному ведру всего Петрограда... Гдѣ же твое самолюбіе? Уѣзжай заграницу. Совсѣмъ ты не опозорена. Ты такъ же чиста, какъ твое бѣлое платье, что на тебѣ надѣто, и никакая чужая грязь къ тебѣ пристать не можетъ. Обѣщай-же мнѣ не дѣлать безразсудствъ.

— Да, Андрей, ты правъ. Я уѣду заграницу.

Мы простились...

— Передай мой привѣтъ Евгеніи Николаевнѣ, — сказала я ему на прощаніе.

— Андрей Федоровичъ — единственный человѣкъ, который изъ уваженія ко мнѣ не произнесъ о васъ ни одного худого слова, — сказала я по возвращеніи Василію Васильевичу въ отвѣтъ на его ядовитое замѣчаніе, что я ходила совѣтоваться съ прежнимъ мужемъ.

... Я стала искать способа уѣхать. А въ это время бѣднаго Андрея опять засадили въ тюрьму. Эта перемѣна явилась слѣдствіемъ наступленія поляковъ и пораженія большевистскихъ армій. Троцкій въ безсильной злобѣ издалъ приказъ усилить репрессіи по отношенію къ контръ-революціоннымъ элементамъ и сконцентрировать въ тюрьмахъ отбывавшихъ наказаніе на принудительныхъ работахъ. Въ число послѣднихъ попалъ Андрей.

Ко мнѣ вновь явилась Филатова за совѣтомъ и помощью. Она очень разстроила меня разсказами о тяжеломъ нравственномъ состояніи Андрея.

Евгенію Николаевну влекло ко мнѣ больное любопытство. Это же любопытство заставляло и меня принимать ее. Въ общемъ она мнѣ нравилась. Неглупая, знающая цѣну своей внѣшности, очень разсудительная и разсчетливая. Мы обѣ безотчетно отдавали другъ другу должное, какъ женщины.

Филатова пришла ко мнѣ интересная, хотя и скромно одѣтая въ бѣломъ полотняномъ платьѣ. Я приняла ее въ элегантномъ домашнемъ тигаунѣ. Мы сѣли рядомъ на диванчикъ въ моей изумительно роскошной, бѣло-голубой спальнѣ и внезапно, посмотрѣвъ другъ другу въ глаза, поняли, что мы обѣ по разному глубоко несчастны и напрасно стараемся подъ маской спокойной и нарядной внѣшности скрыть свои душевныя муки.

— Я ничего не могу добиться черезъ Василько. Я вѣдь съ нимъ въ разрывѣ, Евгенія Николаевна.

— Да, я знаю, давно все знаю. Меня графиня Манилова какъ то въ трамваѣ встрѣтила и съехидничала: — Слышали про Валентину Владиміровну? Пословъ у себя принимала, тонъ задавала, а вотъ вышла замужъ за шоффера.

Смиреніе заглушило во мнѣ попранную гордость. Я чувствовала, что въ глубинѣ души Филатова мнѣ сочувствуетъ и ей даже какъ то обидно, что я такъ попалась съ этимъ Василько.

... Нечего закрывать глаза и прятать голову подъ крыло, какъ страусъ, воображая, что никто меня не видитъ. «Жизнь — борьба, — побѣждаютъ сильные» — вспомнились мнѣ слова моего сверхчеловѣка. Надо имѣть мужество признаваться въ своихъ ошибкахъ.

Мое спокойствіе изумляетъ Филатову.

— Вы сильная женщина, — говоритъ она съ разстановкой. — Но я не понимаю вашего благородства. Я бы иначе поступила на вашемъ мѣстѣ, — его-бы выгнала, а сама осталась.

———

... — Вы опять принимали эту потаскушку, — рѣзко сказалъ мнѣ Василько по уходѣ Филатовой.

— Выручите Мирскаго и я прощу вамъ все.

— Ни за что. Мало онъ вамъ и мнѣ крови испортилъ? А вотъ, если госпожа Филатова заплатить можетъ, — я пожалуй поговорю въ Чека.

У Василія Васильевича зло вспыхнули глаза. Онъ отлично зналъ, что ни у Филатовой, ни у Андрея такихъ крупныхъ денегъ не было. У нихъ вѣдь все отобрали при арестѣ въ Шуваловѣ.

— Сколько можетъ заплатить любовница вашего бывшаго мужа?

— Полъ милліона, — не задумываясь отвѣтила я, быстро сообразивъ, что мнѣ раньше предлагали эту сумму за мой большой изумрудъ. Я рѣшила имъ пожертвовать для спасенія Андрея.

— Ну, это не деньги, — насмѣшливо продолжалъ Василько. — Притомъ вамъ это не удастся, — догадался онъ. — Ваше кольцо оказалось фальшивымъ. Его подмѣнили ваши родственнички и весьма неудачно, за него не даютъ и полтинника. Вотъ оно, возьмите его и носите на память о вашихъ «братѣ и сестрѣ». Ваша жертва послѣдней цѣнностью ради Мирскаго, котораго вы все еще забыть не можете, на этотъ разъ не достигла цѣли.

— Зачѣмъ вы взяли кольцо безъ моего вѣдома?

— А такъ, поинтересоваться хотѣлъ его цѣнностью и на память его у васъ купить. А вотъ если госпожа Филатова понравится кому нужно, можетъ быть ея любовника и даромъ выпустятъ... Вы бы навѣрно понравились— добавилъ онъ цинично улыбаясь.

Меня передернуло. Какой ужасъ! И съ этимъ чудовищемъ я стояла передъ алтаремъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ! Ужъ не ему ли должна была понравиться Филатова, чтобы этимъ одновременно смертельно унизить и меня, и Андрея...

— Вы-бы навѣрное понравились, но вы на это не пойдете, — продолжалъ издѣваться Василько.

Я ушла къ себѣ и бросилась ничкомъ на диванъ, закрывъ голову подушкой, чтобы больше не слышать его голоса.

... Василій Васильевичъ очень измѣнился за послѣдніе дни, когда вновь увидѣлъ меня сильной и рѣшительной. Ему повидимому противна была мысль, что я останусь жить, что я загорѣлась желаніемъ бороться съ обстоятельствами, не страдаю, не упрекаю, а холодно или не замѣчаю его, или ухожу изъ дому по его возвращеніи.

Типичный насильникъ по природѣ, Василько, встрѣтивъ препятствія, загорался какой-то необузданной страстью, и мое сопротивленіе только сильнѣе разжигало его.

Однажды онъ напалъ на меня въ темномъ корридорѣ и крѣпко схвативъ въ объятія, началъ душить поцѣлуями.

Дикое бѣшенство охватило меня. Цѣпляясь, кусаясь, я боролась, — пока не выскользнула изъ желѣзнаго кольца его объятій.

— Негодяй, негодяй, что вамъ мало вашихъ любовницъ!

— Я тебя хочу, я по тебѣ соскучился, бѣлогвардѣйка, ты мнѣ не измѣну простить не можешь, а то, что я тебя такъ ловко провелъ.

— Я ненавижу васъ, аристократовъ, я знаю, что всѣ эти графы, князья и бароны меня никогда равнымъ не признаютъ. Теперь наше царство — плебеевъ и я съ цѣлью на тебѣ женился, чтобы предавать всю эту сволочь, да вотъ ты своей добротой и скорбными глазами, какъ на меня посмотришь, — я терялъ силу воли и разсудокъ... Твоему обаянію поддавался... Мнѣ въ партіи стали выговаривать, — что я бабѣ подъ башмакъ попалъ и безполезенъ сталъ. Тебя арестовать грозили, если я съ тобой не разойдусь; я и рѣшилъ, — все одно, когда нибудь узнаешь, что я тебя обманулъ и меня, какъ чуждаго

тебѣ по крови плебея, возненавидишь, ну и порѣшилъ самъ съ тобой развязаться, — уйти. Тутъ эта кокотка высокаго полета подвернулась, а ты вмѣсто того, чтобы подтянуть возжи, ихъ распустила...

— Я по ночамъ на оргiи въ Чека или на Троицкую ходилъ, а ты вѣрила, что я заговоры устраиваю... Невинность святая!

— Забыть тебя хотѣлъ — ну зналъ, — ты мнѣ измѣны не простишь и я съ Яссельской спутался. Говорятъ, у нея репутацiя еще хуже моей и ей со мной терять нечего, а она отъ меня безъ ума и въ Сибирь за мной пойдетъ.

— У васъ вѣдь все «Синяя Птица» и я чувствовалъ, что вы ее никогда забыть не могли, даже когда ко мнѣ ласковы были... У васъ все — жертва, а я равенства и даже превосходства хочу и чтобы кругомъ весело было. Мнѣ жить не долго, и я красиво пожить хочу!

— Думали, что возненавижу, — когда узнаю. Мало вы меня знаете. Я ненавидѣть не умѣю, — отвыкла ненавидѣть... А что вы такимъ вышли, можетъ быть и не ваша въ томъ вина. Васъ такимъ ваша среда сдѣлала. Я васъ не сужу, — за вашу правду вамъ все прощаю, но правъ вы на меня никакихъ больше не имѣете.

— Что вы меня ревнуете? — позже спросилъ онъ. — Я знаю, вы меня любите и если я съ Яссельской разойдусь — опять ко мнѣ вернетесь и все забудете.

— Я... васъ... ревную! Представьте, что я и на ревность уже больше неспособна. Слишкомъ много въ свое время Мирскаго ревновала и это послужило мнѣ прививкой на всю жизнь. А чтобы вернуть васъ, я кажется и пальцемъ не шевельнула. Цѣликомъ васъ отдаю той, кому вы нужны. А мнѣ вы чужой... чужой... и я временами сама себѣ не вѣрю, что вамъ близка была... Отвыкла.

— Ахъ, вы, гордячка, это правда, что пальцемъ не пошевелили. Но сердце-то ваше шевелится? Вѣдь женщина-же вы наконецъ!

— Я люблю мою «Синюю Птицу», я ему измѣнила, а теперь, когда къ нему вернулась, еще больше его люблю.

Василій Васильевичъ порывисто вышелъ и черезъ нѣсколько секундъ я услышала шумъ его отъѣзжавшаго экипажа...

Я призадумалась въ тиши блѣдной бѣлой ночи у открытаго окна... Издали, съ конца Сергіевской, долетали горячіе призывные звуки рояля... Я призадумалась... Какъ все странно! Мои чувства къ Василько странныя. Въ началѣ любопытство, потомъ жалость, потомъ теплота и горѣніе его любви привлекли меня къ нему; желаніе защиты, ласки, именно ласки... Потомъ самопожертвованіе взяло верхъ... Потомъ обиженное самолюбіе женщины — въ ту ночь, наканунѣ свадьбы...

Страсть отсутствовала и даже не пробудившись заглохла... А теперь, когда насъ раздѣляла непроходимая пропасть, когда мы, ежеминутно, при встрѣчахъ старались ранить, оскорбить другъ друга, когда я, возбуждая свои больные нервы, съ наростающимъ любопытствомъ доводила Василія Васильевича до бѣшенаго желанія обладать мною, чтобы ловко поставивъ его въ тупикъ, больно оскорбить — ироніей или насмѣшкой, у меня явилось какое-то новое, никогда еще въ жизни неиспытанное чувство... Уходилъ онъ — стихало напряженіе моихъ нервовъ и наступала реакція. Я увядала. Когда-же онъ возвращался и я издали слышала его голосъ или смѣхъ, — я вся просыпалась, напруживалась...

Я не ревновала, такъ какъ чувствовала, что не утеряла на него обаянія женщины, мучительно имъ желанной. Василько уходилъ къ «кокоткѣ высокаго полета», какъ онъ самъ про нее выражался, чтобы забыться, именно забыться, можетъ быть даже безсознательно...

... Что это? Неужели-же страсть проснулась во мнѣ? Ужасъ... ужасъ... если онъ догадается. Это будетъ такимъ паденіемъ, послѣ котораго мнѣ уже больше не подняться... Такъ любятъ апашки своихъ **homme**. — Это будетъ моей гибелью, если я когда нибудь сдамся...

Я вспомнила про кокаинъ, купленный во время Бариновыхъ. Вотъ, гдѣ спасеніе! ...Я вынула бутылочку съ бѣлымъ порошкомъ и бережно спрятала ее...

Съ того дня я часто прибѣгала къ этому спасительному средству, когда очень уже было жутко и страшно.... А Василько мрачно отводилъ глаза, встрѣчаясь со мной, и поражался выдержкѣ, съ которой я усмиряла его инстинкты звѣря.

Ночи онъ проводилъ внѣ дома, а если и ночевалъ изрѣдка, когда очевидно былъ съ Яссельской въ ссорѣ, въ продолженіе всей ночи у него въ комнатѣ раздавался ея телефонъ. Я съ любопытствомъ прислушивалась и не ревновала.

Часто, сговорившись съ Яссельской, Василько уѣзжалъ къ ней на нѣсколько дней въ Павловскъ и я отдыхала въ одиночествѣ, чтобы по его возвращеніи снова начать опасную игру.

Василько обѣщалъ мнѣ достать бумаги изъ Риги, чтобы я могла уѣхать легальнымъ способомъ, какъ латвійская гражданка, но время тянулось и я начинала сомнѣваться въ серьезности его хлопотъ. Онъ то торопилъ

меня отъѣздомъ, то издѣвался, угрожая, что меня не отпуститъ и развода не дастъ.

Я ходила, какъ зачумленная, избѣгая встрѣчъ съ знакомыми. Уѣхать въ какую либо другую квартиру я не могла, такъ какъ была прикрѣплена къ нашему дому.

До меня дошли слухи, что графъ Маниловъ былъ предупрежденъ наканунѣ моей свадьбы о темномъ прошломъ и самозванствѣ Василько. Это разъяснило мнѣ его странное поведеніе и сожалѣніе, высказанное имъ наканунѣ моего вѣнчанія.

Однажды, когда графъ зашелъ меня провѣдать, я не сдержалась и въ негодованіи обрушилась на него съ упреками.

— Ага, вамъ уже все извѣстно, — отвѣтилъ онъ. Я хотѣлъ было вамъ все разсказать, да жена меня удержала — мести Василько боялась. Смутныя вѣдь теперь времена. Василько человѣкъ настоящаго, а я — бывшій. Ну гдѣ же намъ съ нимъ тягаться! Удивляюсь вашему самообладанію, Валентина Владиміровна, — по вашей внѣшности судить — вы счастливая женщина и всѣ эти огорченія даже на вашей наружности не сказались.

XV.

Меня удручала мысль, что уѣзжая я оставляю въ безвыходномъ положеніи Андрея. Мнѣ посовѣтовали обратиться къ артисткѣ Аллѣ Корсаковой, у которой была большая заручка въ Чека.

Я знала по сценѣ эту оригинальную женщину и у меня не лежала душа къ этому знакомству, такъ какъ ея влеченіе къ однополой любви создало ей громкую репутацію, но Алла съ первой же встрѣчи очаровала меня и заинтересовала своей личностью. Высокая, стройная, гладко причесанная, съ огневыми черными

глазами, Алла своей плоской фигурой напоминала мальчика. Она мнѣ искренно разсказала свою жизненную исторію послѣ первыхъ же встрѣчъ. Полу-англичанка, полу-русская, Алла Корсакова выросла на востокѣ. Ея отецъ былъ консуломъ на Балканахъ. Росла она необузданная и дикая подъ присмотромъ дядьки, перса, кажется.

Однажды въ Турціи въ гаремѣ она дѣвочкой случайно наблюдала любовь двухъ турчанокъ и это сплетеніе двухъ прекрасныхъ тѣлъ въ грѣховномъ порывѣ сладострастія навѣки запечатлѣлось въ ея мозгу...

Впослѣдствіи, будучи уже взрослой, Алла игрою случая попала въ руки красавицы француженки, блѣднотѣлой, блѣднолицой, съ золотыми волосами. Эта Жанна, больное дитя Парижскихъ трущобъ, продавая свое тѣло мужчинамъ, тянулась лишь къ утонченной женской ласкѣ и Алла, ея полный контрастъ, всецѣло завладѣла ею.

— Мы безумно любили другъ друга въ теченіе ряда лѣтъ и послѣ смерти Жанны я посвятила себя исключительно женщинамъ и мужчины вызываютъ во мнѣ органическое отвращеніе, мнѣ даже доставляетъ удовольствіе мучить ихъ, отнимая у нихъ ихъ женъ и любовницъ...

— А правду мнѣ сказали, что вы меня боитесь? — вдругъ спросила Алла, и я, застигнутая врасплохъ, густо покраснѣла.

— Я хорошо научилась разбираться въ женщинахъ, продолжала она, поблескивая глазами, — и знаю, что вы меня никогда не поймете. Вы женщина съ неразвитой чувственностью и романтикъ. Вы — для мужчинъ. Хотя казалось-бы послѣ всѣхъ вашихъ неудачныхъ замужествъ вы должны были бы навѣки повернуть мужчинамъ спину.

Алла продолжала развивать красоту совмѣстной жизни вдвоемъ на всю жизнь, но я не поддалась ея уловкамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ея поклоненіе было своего рода бальзамомъ на мое уязвленное Василіемъ Васильевичемъ самолюбіе и вновь вкладывало въ мои руки, выпавшее было, оружіе.

———

— Удивляюсь вамъ, Валентина Владиміровна, вы меня увѣряете, что я васъ нашимъ бракомъ скомпрометировалъ, а сами себя еще хуже компрометируете, показываясь публично съ Аллой Корсаковой, — сказалъ мнѣ какъ-то Василій Васильевичъ.

— Послѣ вашей грязи мнѣ еще больше въ грязи вываляться хочется, чтобы вашу первоначальную поменьше видно было, — отвѣтила я ему съ горечью.

Это была правда. Меня тянуло къ недозволенному. Узду, сковывавшую меня всю жизнь, сбросить съ себя захотѣлось... Чѣмъ больше будутъ трепать мое имя, тѣмъ сильнѣе, глубже скроется подъ этимъ наслоеніемъ безумная правда... Правда, что — чѣмъ шире росла пропасть разрыва между мною и Василько, тѣмъ больнѣе становилось мое жгучее влеченіе къ нему, къ его объятіямъ... къ дикимъ порывамъ насильника...

———

Мы проходили съ Аллой по Моховой и изъ перваго этажа, навстрѣчу намъ, высунулась мужская фигура.

— Здравствуй, Бибишъ, какъ твое здоровье?.. Что, просишь зайти? Я не одна...

— Зайдемъ къ нему на минутку, Валентина, у него газеты изъ-заграницы.

... Зайти къ незнакомому мужчинѣ на квартиру... Какъ дика и нелѣпа показалась бы мнѣ раньше, всего нѣсколько недѣль тому назадъ, эта мысль!

— Зайдемъ, мнѣ все равно — отвѣтила я.

— Извиняюсь за свой видъ, я въ халатѣ, — сказалъ Рязановъ, впуская насъ въ темную комнату.

— У него желтуха, — пояснила мнѣ Алла.

Я не разсмотрѣла Рязанова. Но все ли равно, онъ меня не интересовалъ, а интересовали его газеты. Я начала лихорадочно искать какихъ либо радостныхъ извѣстій изъ другого, чуждаго намъ міра. Однако, ничего утѣшительнаго я не нашла. Жизнь въ Европѣ шла обычнымъ чередомъ, о Россіи забыли, предоставивъ насъ своей судьбѣ.

Черезъ четверть часа мы ушли отъ Рязанова.

— Ты знаешь, Тина, Бибишъ бредитъ тобой. Ты на него произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Дѣйствительно, сидитъ человѣкъ одиноко и вдругъ неожиданно входитъ съ темной улицы дама, вся въ черномъ, въ большой шляпѣ скрывающей при каждомъ движеніи ея лицо... грустная, молчаливая, безсловная, точно передъ собою ничего и никого не видитъ...

Онъ мнѣ какъ началъ свое впечатлѣніе описывать, я замерла отъ неожиданности; а потомъ ему грустно отвѣтила: — Оставь, Бибишъ, мы съ тобою товарищи по несчастью, она не для насъ... Она любитъ «Синюю Птицу».

Алла смѣется, потомъ становится серьезной.

— Пожалуйста, Тина, ты его не сведи съ ума. Я вѣдь тебя тогда ревновать начну

— Я объ этомъ меньше всего думаю, Алла...

— Вы—аристократка, а я сынъ пастуха, я знаю, что по вашимъ аристократическимъ понятіямъ я не человѣкъ, — саркастически сказалъ Рязановъ черезъ нѣсколько дней у Аллы.

Борисъ Рязановъ, стройный блондинъ, типичный авантюристъ. Очень умный, холеный; онъ побывалъ въ

Америкѣ, въ Англіи, — прошелъ, что называется, огонь и воду. Рязановъ имѣетъ большой успѣхъ у женщинъ. Авантюристы вѣдь всегда привлекательны. Его спеціальность — летчикъ. Теперь служитъ, какъ и всѣ, у большевиковъ и по слухамъ состоитъ въ партіи.

— Хотите уничтожить всѣ слѣды о вашемъ бракѣ съ Василько? Но предупреждаю, что даромъ я ничего не дѣлаю, я — большевикъ. Вѣдь надо пойти къ священнику и такъ его напугать, чтобы онъ самъ мнѣ книгу съ записью о вашемъ бракѣ далъ и позволилъ всю страницу вырвать, сказалъ мнѣ Рязановъ.

— Оригинальный способъ развода, — улыбнулась я. Благодарю за помощь, она мнѣ не нужна, такъ какъ Василько по доброй волѣ согласился на расторженіе нашего брака.

...— Завтра концертъ Шаляпина. Я его устраиваю совмѣстно съ женою Сладкаго, Андреевой, и посажу въ первомъ ряду рядомъ съ тобой Ивана Ивановича Василькова — грозу Чека. Онъ — слѣдователь по важнѣйшимъ политическимъ дѣламъ и хотя, по его же словамъ, отправилъ на смерть болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, Васильковъ очень сердечный, даже добрый, умный и необыкновенно образованный человѣкъ. Если ты, Тина, на него произведешь выгодное впечатлѣніе, онъ освободитъ Мирскаго, — предложила мнѣ Алла Корсакова.

Ахъ, какъ не прельщало меня это знакомство съ человѣкомъ изъ Чека. Одна мысль пожать его руку, подписавшую столько смертныхъ приговоровъ, приводила меня въ отвратительный трепетъ. Какъ странно! Всѣ разсказываютъ о его отзывчивости и какъ это все вмѣстѣ не вяжется съ его жестокостью!

Я одѣвалась на концертъ. Надѣла элегантное черное платье и большую черную шляпу временъ Кисловодска, которую мой сверхчеловѣкъ называлъ chapeau á grandes sorties.

Въ передней мнѣ повстрѣчался Василій Васильевичъ.

— Куда это вы собрались такая шикарная?

Я молча прошла мимо. Онъ яростно напалъ на меня сзади и его безумные, жуткіе поцѣлуи обожгли мой затылокъ... шею...

— Вы никуда не пойдете. Вы — моя жена! Я васъ люблю и никому другому вы не смѣете нравиться

Съ этими словами онъ схватилъ меня на руки и понесъ въ спальню.

Я осыпала его оскорбленіями, но это только сильнѣе возбуждало его страсть.

— Я опоздаю къ концерту. Вы растрепали меня.

Онъ спряталъ мою шляпу.

— Вы никуда не пойдете, вы останетесь со мною.

Онъ опять возобновилъ свои попытки. Я рѣшилась на хитрость.

— Хорошо, я сейчасъ вернусь, — сказала я убѣдительно, — я только попрошу Полину позвонить по телефону Корсаковой и предупредить ее, что мнѣ нездоровится и что поэтому я за ней не зайду.

Удивленный моей сговорчивостью Василій Васильевичъ меня выпустилъ. У него въ залогъ осталась моя шляпа...

Я быстро прошла въ комнату Полины, вынувъ по дорогѣ изъ гардероба другую шляпу, которая мнѣ шла не менѣе оставленной въ рукахъ Василько.

— Полина, пойдите скорѣе къ Василію Васильевичу. Онъ васъ зоветъ, — сказала я кухаркѣ и незамѣтно скрылась по черному ходу.

...Вмѣсто меня въ спальню къ Василію Васильевичу, покачиваясь, вплыла толстая, косая Полина, съ смѣшно торчащей на затылкѣ косичкой жидкихъ волосъ. Я была въ восторгѣ отъ своей продѣлки, представляя себѣ ярость обманутаго Василько.

— Валентина Владиміровна, вы все такая же элегантная и интересная, точно васъ не коснулась суета послѣдняго времени.

Съ этими словами Степановъ, бывшій хроникеръ Петербургской газеты, пожималъ мою руку.

— Все такая же, старорежимная. Я не умѣю и не хочу приспособляться, — смѣло отвѣтила я, поймавъ на лету взглядъ маленькаго чернаго человѣчка, стоявшаго здѣсь же рядомъ и не спускавшаго съ меня глазъ.

— Тише, здѣсь опасно выражать вольнодумные взгляды. Насъ подслушиваютъ, — прошепталъ Степановъ.

— Тина, позволь тебѣ представить Ивана Ивановича Василькова, — сказала подошедшая къ намъ Алла Корсакова.

Итакъ, это былъ знаменитый инквизиторъ Чека, человѣчекъ съ ярко красной лентой на панамѣ и лихорадочно горящими, устремленными на меня глазами.

— Ахъ, вотъ вы какой! Я васъ себѣ иначе представляла, — сказала я Василькову, подавая ему руку.

— Мы однофамильцы, — засмѣялся онъ, поднося мою руку къ губамъ. — Очень пріятно.

— Однофамильцы, къ сожалѣнію, и совсѣмъ это непріятно, — хотѣлось мнѣ ему дерзко отвѣтить, но я сдержалась.

— Валентина Владиміровна, я весь вечеръ за вами наблюдаю. Вы оккультистка и я вамъ подчиненъ. Вы — лучезарная... вы можете мнѣ приказывать. У васъ есть что-то мнѣ сказать.

— Вы правы, у меня къ вамъ есть горячая просьба. Но откуда вы это знаете? — спросила я Ивана Ивановича Василькова, пораженная его обращеніемъ ко мнѣ и тѣмъ, что онъ зналъ мое имя и отчество.

— Это моя тайна. Я умѣю читать въ душахъ людей, — отвѣтилъ онъ.

Мнѣ стало интересно и занятно, и жутко отъ его словъ...

Въ театрѣ началась обыкновенная исторія — очередная облава на дезертировъ. Весь садъ Акваріума былъ оцѣпленъ красноармейцами, провѣрявшими документы. Концертъ былъ скомканъ, публика волновалась...

Шаляпинъ вышелъ во фракѣ, съ золотымъ лорнетомъ въ рукѣ — бариномъ бариномъ и больно сжалось сердце при мысли, что онъ такъ раболѣпствуетъ передъ большевиками и этимъ роняетъ свое достоинство. Когда же онъ запѣлъ— я все ему простила. Таково вліяніе таланта!

Для развозки артистовъ подали грузовой автомобиль и Алла пригласила меня поѣхать вмѣстѣ съ ними. Когда я вернулась домой, Василько, слава Богу, уже не было дома. Я крѣпко закрыла двери на задвижки и легла спать.

— Какъ вамъ понравилась Полина? — насмѣшливо спросила я на слѣдующее утро Василія Васильевича. Онъ брился у трюмо въ гардеробной.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— То, что сказала. Вамъ мало вашихъ любовницъ, захотѣлось перемѣны, вотъ я вамъ и прислала для развлеченія вмѣсто себя Полину.

— Вы хотите этимъ сказать, что общество простой бабы мнѣ болѣе подходитъ; что-же — она такая же женщина, какъ и всякая другая аристократка!

— Потому я ее и послала.

— Гадина, уйди, а то я убью тебя!..

Я была уже за дверью, довольная, что поиздѣвалась всласть!

Зазвонилъ телефонъ. Я подошла къ аппарату и услыхавъ хриплый голосъ, инстинктивно рѣшила, что это звонитъ Васильковъ изъ Чека.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, — захотѣла я его удивить тѣмъ, что сразу узнала его голосъ. Это достигло цѣли. Васильковъ былъ болѣе чѣмъ пріятно удивленъ.

— Я всю ночь не спалъ. Вы три раза являлись ко мнѣ и настойчиво требовали отъ меня выполненія вашего приказанія. Я вамъ долженъ повиноваться, лучезарная; я вамъ духовно подчиненъ.

«Что за галиматья, подумала я. Заинтересовать онъ меня хочетъ, что ли?» Судорога отвращенія пробѣжала по спинѣ... Человѣкъ, росчеркомъ пера пославшій на разстрѣлъ свыше двухъ тысячъ людей...

Иванъ Ивановичъ сталъ ежедневно звонить мнѣ по телефону — это былъ его отдыхъ, говорилъ онъ. Я пригласила его къ себѣ въ субботу вечеромъ, такъ какъ знала, что Василій Васильевичъ, по обыкновенію, уѣдетъ на два дня въ Павловскъ; но мнѣ было жутко провести весь вечеръ вдвоемъ съ незнакомымъ чекистомъ и я попросила Аллу придти къ 10 часамъ.

Васильковъ не заставилъ себя ждать и, когда онъ удобно усѣлся рядомъ со мной на блѣдно - зеленомъ, шелковомъ, на пуху, диванѣ, я внимательно старалась его разсмотрѣть. У него была маленькая, щуплая фигурка, бритое лицо, черные мышиные глазки и острыя уши, которыми онъ часто водилъ и мигалъ.

Самое характерное — уши. Я такихъ острыхъ, эластичныхъ и преступныхъ не видывала; точно у летучей мыши.

Васильковъ былъ неряшливо и грязно одѣтъ и распространялъ запахъ трупа; именно трупный запахъ... Точно кругомъ него неустанно рѣяли трупные флюиды казненныхъ имъ людей... Отвратительная внѣшность — безъ относительности.

Иванъ Ивановичъ говорилъ одинъ. Умно, интересно лишь на оккультныя темы. У него богатая фантазія, онъ постоянно виталъ гдѣ то за предѣлами человѣческаго понятія. Я чувствовала себя рядомъ глупой и рада была тому, что онъ все говорилъ, говорилъ одинъ...

Наконецъ я осторожно перевела разговоръ на его обѣщаніе мнѣ помочь. Я кратко разсказала исторію бѣгства и приговора надъ Мирскимъ.

—Не продолжайте. Я все это заранѣе зналъ... Я его освобожу.

Иванъ Ивановичъ спряталъ въ карманъ листъ съ описаніемъ всѣхъ подробностей дѣла Андрея Мирскаго и возобновилъ свои фантастическіе разсказы о началахъ потусторонняго міра.

Былъ ли онъ ненормальный? вѣдь въ общемъ всѣ люди не нормальны — нормальны въ этой жизни лишь идіоты!..

Я коснулась его жестокости и спросила Василькова, чѣмъ онъ оправдываетъ свои смертные приговоры?

— Человѣкъ, изобрѣвшій пушку, убилъ милліарды людей; однако этого ему никто въ вину не ставитъ. Я уничтожаю лишь ненужныхъ землѣ людей, случайно на нее попавшихъ или задержавшихся въ своемъ земномъ существованіи, и этимъ способствую ихъ дальнѣйшей эволюціи; астралы освобожденныхъ мною часто являются ко мнѣ съ благодарностью...

Это мое назначеніе на землѣ... Моя миссія... Я человѣкъ - инквизиторъ... Я страшный человѣкъ!

Васильковъ засмѣялся дьявольскимъ смѣхомъ. Очевидно онъ сумашедшій, мелькнуло у меня въ головѣ. Мнѣ стало жутко... Наконецъ раздался звонокъ Аллы и я, мысленно, перекрестилась.

Алла пришла взволнованная, съ разсказомъ объ арестѣ графа Абрау.

— Помогите ему, — попросила я Василькова.

— Я его арестовалъ, отвѣтилъ онъ, — хорошо, я освобожу графа, такъ какъ вы этого хотите.

— Однако, какую власть ты надъ нимъ забрала, Тина, шепнула мнѣ на прощаніе Алла.

На слѣдующій день вечеромъ Иванъ Ивановичъ неожиданно пришелъ, подъ предлогомъ, что наканунѣ забылъ свое пальто. У меня пили чай Алла и Борисъ Рязановъ и я загоралась между этими двумя противуположными огнями.

— Этотъ оккультистъ изъ Чека просто безъ памяти въ васъ влюбился — ревниво пробурчалъ Рязановъ, — мнѣ эта сволочь не нравится. Какъ вы не боитесь ни его, ни вашего Василько, оба они каторжники и васъ если не тотъ, такъ другой на тотъ свѣтъ отправитъ.

Иванъ Ивановичъ принесъ извѣстіе, безконечно обрадовавшее насъ; онъ далъ приказаніе освободить графа Абрау.

Дѣло съ освобожденіемъ Андрея черезъ посредство Василькова затягивалось. Дни шли, а результата все не было. Это происходило изъ за волокиты, обычной у большевиковъ, а также изъ - за обостренныхъ отношеній между Петербургской Чека и Гатчинскимъ Особымъ Отдѣломъ, гдѣ разбиралось дѣло Андрея. Иванъ Ивановичъ обѣщалъ лично поѣхать въ Гатчину и просилъ меня не волноваться и быть терпѣливѣе. Заключеніе Андрея ему представлялось пустякомъ, такъ какъ онъ вѣчно живя внѣ

пространства и проводя безсонныя ночи за допросами, просто терялъ цѣну времени.

Иванъ Ивановичъ ежедневно томилъ меня у телефона и я изрѣдка встрѣчалась съ нимъ въ Лѣтнемъ Саду изъ боязни выпустить нити своего очарованія прежде, чѣмъ Мирскій будетъ на свободѣ.

Васильковъ часами просиживалъ со мною на скамьѣ подъ липами и на прощаніе передавалъ мнѣ три - четыре письма, запечатанныхъ какимъ то сложнымъ гербомъ, неизмѣнно адресованныхъ «Лучезарной» и подписанныхъ «Люциферъ».Васильковъ ждалъ и просилъ отвѣта на эти письма, а я не только не могла ихъ понять, но даже почеркъ его для меня былъ недосягаемымъ.

Въ общей сложности наши бесѣды были очень интересны, если бы не постоянное воспоминаніе о его дѣятельности въ Чека. Иванъ Ивановичъ умолялъ меня посидѣть съ нимъ еще и еще... Поползновеній влюбленнаго я не замѣчала и не понимала, что его такъ сильно влекло ко мнѣ.

XVI.

Итакъ, я дѣлила свое время между Васильковымъ, Рязановымъ и Аллой. Они развлекали меня по разному. Однажды зашелъ Евборевичъ.

— Вотъ къ чему привела меня ваша музыка, — сказала я ему.

Евборевичъ не хотѣлъ вѣрить моему разрыву съ Василько, такъ онъ свыкся съ мыслью, что Василій Васильевичъ большой человѣкъ и герой минувшей войны.

— Помните, Левъ Евгеньевичъ, вы какъ то охарактеризовали Василія Васильевича, — или большой человѣкъ или большой авантюристъ, — середины въ немъ быть не можетъ. Мы съ вами повѣрили въ первое, а увы, оказалось второе!..

Евборевичъ игралъ мнѣ на роялѣ и подъ его музыку я все забывала. Его соната «1918 годъ», которую онъ мнѣ посвятилъ на мое рожденіе въ прошломъ году, заставляла меня сильнѣе чувствовать тоску по разрушенной сказкѣ и я страдала, рисуя себѣ неясность завтрашняго дня и безграничную бездну жизни, открывшуюся передо мной...

Опять я была одинока, предоставленная капризнымъ изломамъ моего рока, скрытаго отъ меня густымъ сумракомъ неизвѣстности и случая...

...Стояла тихая осенняя ночь конца августа. Мы сидѣли съ Аллой на подоконникѣ въ ея розовой гостинной.

Алла напѣвала въ полъ голоса старинный цыганскій романсъ.

Я не отрываясь смотрѣла на блѣдный дискъ полной луны и думала... думала... о немъ, о любимомъ, далекомъ и о томъ, какъ я не дождавшись встрѣчи съ нимъ понапрасну измяла и исковеркала свою жизнь бракомъ съ Василько...

Алла бросила гитару и, взявъ меня за руки, ласково сказала:

— Не дѣлай, Тина, трагическаго лица и забудь ты о своемъ неудачномъ замужествѣ, забудь... и все. Ну, какъ будто-бы ты шла по улицѣ и въ грязь, извини меня за выраженіе, ногой попала, вернувшись домой почистилась и ботинки перемѣнила, — вотъ и все.

— Тебѣ легко такъ говорить, Алла. Есть пятна, которыя чѣмъ сильнѣе моешь и трешь, — тѣмъ глубже онѣ впитываются.

— Ахъ, Тина, это — ерунда. Я сама однажды чуть было въ лужу не сѣла. Это было во время войны. Я случайно познакомилась и очень подружилась съ княземъ Сѣвернымъ. Его забавляло, что я — однополая. Мы съ

нимъ очень сошлись, онъ со мной болтать любилъ. На него временами, хандра нападала. Бывало, звонитъ онъ мнѣ въ театръ: — пріѣзжай, Алла. — Ну, я прямо изъ театра въ его автомобилѣ — къ нему. У него въ кабинетѣ для меня ужинъ накрытъ, и князь здѣсь - же рядомъ, у потухающаго камина, валяется и все вродѣ тебя свои оккультныя переживанія и мысли вслухъ высказываетъ. Онъ въ Индіи путешествовалъ, — тамъ и заразился...

Я слушаю его, ѣмъ и изрѣдка потоки его краснорѣчія своими реальными замѣчаніями, какъ ушатомъ холодной воды, окатываю...

— Однажды мы съ нимъ у цыганъ кутили, оба вдребезги пьяные. Онъ обнялъ меня, я почувствовала его губы на своихъ губахъ и вотъ тутъ - то я чуть было въ лужу не сѣла... Представь, голова закружилась... Я прижалась къ нему, глаза закрыла, и вдругъ меня пробудили его слова, полныя иронической насмѣшки... Слава Богу, подумала я, что онъ не понялъ моего порыва и я себя уберегла. Когда его впослѣдствіи арестовали, послѣ убійства Раскольникова, я къ нему по крышѣ черезъ окно во дворецъ пролѣзла и слышала, какъ онъ по телефону сквозь слезы своему отцу клялся, что онъ своихъ рукъ о Раскольникова не замаралъ... Если встрѣтишь его гдѣ нибудь заграницей, Тина, не забудь ему мой привѣтъ передать.

Раздался звонокъ съ парадной, прервавшій разсказъ Аллы.

— А, Даніэль, — радостно воскликнула она, поднимаясь навстрѣчу показавшемуся въ дверяхъ господину

— Вотъ кстати, здѣсь у меня сидитъ страждущая душа, — указала она на меня Ремеру.

Это былъ оригинальный человѣкъ. Онъ всю жизнь занимался изученіемъ тайныхъ наукъ. Теперь, при большевикахъ, Ремеръ занимался предсказываніемъ будущаго изъ - за куска хлѣба, но попасть къ нему было трудно,

Желающихъ было много, а свободнаго времени у него было мало.

Даніэль долго и пристально прощупывалъ мои руки, слегка ихъ покалывая какимъ то пинцетикомъ и вѣрно разсказавъ мое прошлое, перешелъ къ описанію моего будущаго. Я такъ обрадовалась его предсказаніямъ, совпавшимъ съ моими желаніями, что подарила ему всѣ нахо дившіяся при мнѣ деньги.

— Опалы ваши только снимите и никогда ихъ не носите, они приносятъ несчастье въ любви. Это мистическіе камни, ихъ могутъ носить лишь злые люди, которымъ они даже приносятъ удачу.

Я послушно сняла свои любимые опалы. Можетъ быть, правда, эти невѣрные, горящіе и переливающіеся разноцвѣтными огнями, опалы служатъ мнѣ несчастьемъ въ любви.

Въ одно солнечное утро я ихъ похоронила на днѣ Невы. Короткій всплескъ воды донесся послѣднимъ прощальнымъ крикомъ... Кто будетъ ихъ носить? Выдастъ ли когда нибудь красавица Нева мой щедрый даръ?.. Пусть лучше покоятся они на днѣ рѣчномъ, глубоко въ тинѣ, не нарушая людского покоя, а у меня — еще одной привязанностью къ земному меньше...

Время отъ времени Василій Васильевичъ возобновлялъ свои попытки съ цѣлью сближенія. Онъ ревновалъ меня ко всѣмъ или, вѣрнѣе, къ моему постоянному исчезновенію изъ дома.

Я продолжала жить въ нездоровой атмосферѣ постояннаго возбужденія нервовъ; успокаивающе на меня дѣйствовала «Элегія» — Эберлинга. Эта картина ярко отражала талантъ моего любимаго художника и мистику, которой было проникнуто его благородное творчество.

Я часами сидѣла не спуская глазъ съ этой картины, которая умиротворяюще дѣйствовала на мою душу.

— Когда же вы, наконецъ, уѣдете? — рѣзко спросилъ меня Василій Васильевичъ послѣ одной изъ обычныхъ сценъ.

— Черезъ двѣ недѣли. Я нашла латыша слесаря, согласившагося меня вывезти въ качествѣ жены. Меня задерживаетъ лишь величина суммы, которую онъ за это требуетъ.

— Да, недурно васъ ваши родственнички пообчистили, даже на дорогу вамъ ничего не оставили...

— Я вамъ совѣтую одинъ изъ вашихъ портретовъ продать. Вѣдь мнѣ ихъ на память — не оставите, а съ собой ихъ взять вамъ не разрѣшатъ... Цѣну вы за нихъ большую получите, пополнивъ портретную галлерею какого нибудь коммуниста, — насмѣшливо сказалъ Василько.

Я послѣдовала его совѣту и, не находя другого исхода, продала портретъ, написанный съ меня Константиномъ Маковскимъ въ мои юные годы.

Антикваръ съ Литейнаго, не торгуясь, далъ мнѣ всю сумму необходимую для уплаты за мой фиктивный бракъ со слесаремъ.

...Наступилъ день нашего формальнаго гражданскаго развода.

— Я оставляю вамъ всю мебель въ расплату за деньги, которыя вы потратили на меня за время нашей совмѣстной жизни и за кражу вашего портсигара Бариновыми. Такимъ образомъ я добровольно и по барски съ вами расплатилась. Но вы должны знать, что еслибы я пожелала, изъ этой моей квартиры, которую вы себѣ присвоили, ушли бы вы, а не я. Вы мнѣ не страшны, у меня теперь есть заручка получше вашей, но помните, — эту квартиру я устраивала для себя, а совсѣмъ не съ цѣлью

украсить жизнь той женщины, которая займетъ мое мѣсто. И вы здѣсь счастливы не будете, — гдѣ страдала я за мое довѣріе къ вамъ.

— Замолчи, гадина, а то я изобью тебя, какъ собаку. Василій Васильевичъ поднялъ свой стэкъ.

— Попробуйте. — Я не двинулась съ мѣста, гнѣвно смѣривъ его съ головы до ногъ. Онъ больно ударилъ меня со всего размаху по плечу. Я этого не ожидала.

— Негодяй, я вамъ все, все простила, но этого удара не прощу никогда. Если васъ когда нибудь разстрѣливать будутъ, вспомните сегодняшній день, — крикнула я ему, превозмогая боль и не двигаясь съ мѣста.

— Если кого разстрѣляютъ, — то это васъ, а не меня, — угрожающе отвѣтилъ Василько.

Мы вышли молча. Стояла лошадь Василія Васильевича. Мнѣ пришлось сѣсть рядомъ съ нимъ, такъ какъ я не знала дороги въ мѣстный совдепъ. Эта короткая совмѣстная поѣздка была пыткой...

Въ квартирѣ Алексѣя Петровича Ступилова, бывшаго крупнаго сановника, гдѣ я въ дореволюціонные годы каждое воскресенье играла въ поккеръ, помѣщался теперь совдепъ Литейной части и въ его бывшемъ кабинетѣ слушались разводы.

Сколько воспоминаній охватило меня и вихремъ пронеслось въ головѣ,когда я въ ожиданіи очереди сидѣла въ знакомомъ креслѣ, въ полосатомъ съ цвѣточками чехлѣ!..

Ко мнѣ подошелъ Василій Васильевичъ. Видъ у него былъ сконфуженный.

— Мы съ вами не сговорились относительно причинъ, которыя мы выставимъ поводомъ къ нашему разводу.

— Если меня спросятъ, я отвѣчу, что расхожусь съ вами, такъ какъ считаю себя недостойной чести быть супругой джентльмена съ головы до ногъ, — отвѣтила я ему, не поднимая глазъ. — А что за причина побуждаетъ васъ искать развода — разрѣшеніе этого вопроса я всецѣло предоставляю степени вашего личнаго юмора.

. . . Мнѣ ничего не пришлось объяснять нашимъ судьямъ, которые еле могли разобраться въ возложенныхъ на нихъ обязанностяхъ вершить судьбы совѣтскаго быдла.

Мы стали передъ столомъ, за которымъ сидѣлъ малограмотный товарищъ въ цѣпи. Рядомъ съ нимъ, постоянно его поправляя и указывая ему форму текста и орфографію, сидѣлъ его помощникъ, пожилой мужчина. Получалось нѣчто смѣхотворное: товарищъ въ цѣпи опять, какъ и при записи нашего брака, спросилъ, говоримъ ли мы на иностранныхъ языкахъ и сколько разъ были заграницей, а также годъ рожденія.

Василій Васильевичъ сказалъ одинъ годъ, потомъ поправился и назвалъ другой.

Самъ не знаешь, когда и родился! подумала я. Не трудно вѣдь спутаться, когда живешь по подложнымъ бумагамъ.

Василько разводился, какъ первобрачный. Мнѣ вспомнилось, что при вѣнчаніи онъ представилъ документы, въ которыхъ числился холостымъ. На мой вопросъ, почему его бракъ и разводъ съ первой женой не включенъ въ его послужной списокъ, Василій Васильевичъ мнѣ что-то отвѣтилъ въ оправданіе и я тогда не обратила на это вниманія.

Тѣмъ временемъ товарищъ коммунистъ въ цѣпи всталъ, какъ бывало и въ старорежимное время, и прочелъ резолюцію. Въ пятнадцать минутъ мы были разведены.

— Валентина Владиміровна, вы меня не узнаете, здравствуйте, — сказалъ, протягивая мнѣ руку, одинъ

изъ судей, что постарше, въ сущности несмотря на отсутствіе цѣпи разбиравшій наше дѣло. Я съ недоумѣніемъ пожала протянутую мнѣ руку.

— Я — Иванъ Федоровъ, разсыльнымъ у Степана Николаевича Хрущова служилъ, у котораго, вы, помните, дѣвочку крестили. Вашъ кумъ, стало-быть.

Иванъ Федоровъ... Я его не узнала, такъ онъ постарѣлъ. Рой воспоминаній закружился въ головѣ. Какъ много воды утекло съ тѣхъ поръ... съ временъ моего перваго брака... Степанъ Хрущовъ! Какъ онъ былъ отомщенъ теперь, въ эту минуту!...

Бракъ съ нимъ — единственный настоящій бракъ, а потомъ водоворотъ жизни стремительно втянулъ меня въ воронку...

Я вышла на улицу. Голова кружилась, мысли путались, слезы застилали глаза. Иронія судьбы: меня разводилъ бывшій посыльный Степана Николаевича... Плыли знакомые образы: чистый взглядъ Никиты, его ласковое «Ма-а-а-ма», какъ онъ протяжно выговаривалъ это слово. Его чистая дѣтская ласка, отнятая у меня его ранней смертью...

Сама виновата, сама заслужила... молотомъ стучало въ вискахъ и болью отдавалось въ сердцѣ. — Жизнь ближе узнать захотѣла, ну и вывалялась же въ грязи, что не отскоблишь, не отмоешь!..

Какіе контрасты всѣ три мужчины, которыхъ я такъ неумѣло и близоруко выбрала спутниками жизни... Степанъ Хрущовъ... отъ него у меня былъ по крайней мѣрѣ сынъ. Счастлива я не была, зато и горя съ нимъ не знала...

— Какая это улица? — спросила я повстрѣчавшуюся женщину.

— Сергіевская, — отвѣтила она,

У меня такъ все сбилось въ головѣ, что я и улицъ не узнавала и дорогу домой потеряла...

Когда я подходила къ дому, мимо молодцевато промчался въ колясккѣ Василій Васильевичъ, но лицо его было нахмурено и мрачно.

XVII.

Черезъ нѣсколько дней мы сидѣли съ Василько у священника. Рядомъ на стулѣ лежала зеленая съ золотыми крестами ряса, въ которой онъ семь мѣсяцевъ тому назадъ насъ вѣнчалъ. Она еще не успѣла износиться, эта риза, а отъ нашего союза висѣли лишь клочья и грязныя лохмотья...

Узнавъ, что причина нашего развода — прелюбодѣяніе (какъ будто это нужно было!) священникъ облегченно вздохнулъ и подалъ намъ свидѣтельство, которое на другой день долженъ былъ подписать съ приложеніемъ печати архіепископъ Веніаминъ.

Василій Васильевичъ ушелъ, а я еще нѣсколько минутъ задержалась у священника и повѣдала ему печальную истину, вызвавшую мой разрывъ съ Василько. Онъ только грустно покачалъ головой.

— Такіе браки по подложнымъ бумагамъ теперь не рѣдкость. Помочь вамъ можетъ только митрополитъ. Въ его власти не развести, а расторгнуть вашъ бракъ, какъ-бы этого брака совсѣмъ и не было, и выдать вамъ разрѣшеніе на вступленіе въ новый, третій бракъ

— Ахъ батюшка, что вы, ради Бога не говорите о новомъ бракѣ! Съ меня довольно

— Вы еще молоды, а въ законѣ грѣха меньше, — ласково напутствовалъ меня священникъ, обѣщая лично походатайствовать передъ митрополитомъ.

Черезъ два дня я получила изъ канцеляріи митро-

полита бумагу о «снятіи церковнаго благословенія съ супруговъ Василько и о разрѣшеніи Валентинѣ Владиміровнѣ вступить въ третій законный церковный бракъ».

. . . Я была свободна! А еще черезъ день я явилась въ Совдепъ на Васильевскомъ Островѣ для заключенія совѣтскаго брака съ слесаремъ латышемъ Линдштремъ и вечеромъ онъ меня порадовалъ извѣстіемъ, что я включена въ списокъ уѣзжающихъ съ седьмымъ эшелономъ въ Ригу и потребовалъ условленныя деньги.

Съ Васильемъ Васильевичемъ я почти не видѣлась.

Я дразнила и разжигала страсть Рязанова. Мнѣ доставляло удовольствіе мучить его. Онъ часто поздно вечеромъ звонилъ мнѣ по телефону и я просыпаясь, въ полуснѣ, разговаривала съ нимъ, доводя его до отчаянія разсказами о моемъ скоромъ отъѣздѣ и мечтѣ найти свою «Синюю Птицу», а потомъ, когда онъ горячо говорилъ о своей безнадежной любви ко мнѣ, я зѣвая вѣшала трубку и засыпала.

Алла Корсакова была больна дизентеріей и это лишало меня возможности съ ней встрѣчаться.

Наканунѣ отъѣзда я пошла прощаться съ Анной Николаевной. Она крѣпко обняла меня и неожиданно поцѣловала мою руку.

— Мы всѣ давно догадались о драмѣ, которую вамъ пришлось пережить, и восхищались достоинствомъ, съ которымъ вы себя все это время держали. Больше всѣхъ негодуетъ Иванъ Терентьичъ и едва сдерживаетъ себя въ отношеніи Василько. У него вѣрный инстинктъ. Помните, какъ онъ упорно не поддавался обаянію Василія Васильевича и оказался правымъ. Весь домъ за васъ и если бы Василько васъ вздумалъ насильно выселить изъ квартиры, я первая показала-бы власть имущимъ, что вся обстановка принадлежитъ вамъ.

— Я добровольно все отдала Василію Васильевичу, Анна Николаевна, и даже выдала ему довѣренность на квартиру, чтобы этимъ гарантировать ему безопасность въ случаѣ, если у кого либо явится подозрѣніе, откуда у него, коммуниста, такая роскошная обстановка.

— Вы даже это сдѣлали и не напрасно! Вы знаете, я, какъ членъ домкомбѣда, имѣю вѣсскія доказательства, что за Василько уже давно слѣдятъ съ Гороховой и весьма упорно.

Вечеромъ я предупредила Василія Васильевича о грозящей ему опасности. Онъ усмѣхнулся и самоувѣренно заявилъ, — что онъ «орѣшекъ крѣпкій» и раскусить его не такъ легко, какъ это кажется.

Ну что-же! Дай Богъ, чтобы и впредь ему все сходило такъ же гладко. За нимъ было темное прошлое, но такъ ли глубока его вина? Вѣдь среда, въ которой формировался его характеръ и принципы, была «изъ самыхъ низовъ», какъ охарактеризовалъ свое происхожденіе его братъ Кузнецовъ.

Этотъ „beau frère" Кузнецовъ погибъ, по слухамъ, на войнѣ подъ Варшавой и я была очень изумлена, когда за нѣсколько дней до моего отъѣзда Василько мнѣ сообщилъ, что братъ его живъ, раненъ и только что вернулся съ фронта.

Я облегченно вздохнула при мысли, что будь я еще женой Василія Васильевича, я пожалуй, была-бы огорчена возвращенію этого Богомъ даннаго родственничка.

Кузнецовъ не замѣдлилъ явиться и, когда оба брата недвусмысленно громко восторгались побѣдами большевиковъ подъ Варшавой, я, сидя рядомъ въ комнатѣ, съ омерзѣніемъ вспоминала, какъ долго меня дурачилъ своимъ бѣлогвардейством Василій Васильевичъ.

Теперь, когда маска была сброшена, онъ при вся-

комъ поводѣ обнаруживалъ свой «коммунизмъ». Въ общемъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ направлялъ русло своихъ взглядовъ по вѣтру и по тому теченію, которое сулило ему наибольшее количество выгодъ.

Я попросила Василько одолжить мнѣ лошадь, чтобы отвезти мой багажъ на вокзалъ, но онъ мнѣ сухо отказалъ въ моей просьбѣ.

Василій Васильевичъ пожелалъ познакомиться съ Линдштремомъ, и когда тотъ вошелъ, онъ не вставая протянулъ ему руку и закидалъ его трескучими фразами, вставляя непонятныя для простого слесаря слова.

— Я надѣюсь, вы будете вполнѣ джентельменомъ и благополучно доставите Валентину Владиміровну до мѣста назначенія. Имѣйте въ виду, что въ противномъ случаѣ вамъ придется считаться со мной.

Линдштремъ испугался, растерялся и чуть было не отказался сопровождать меня изъ боязни, что фиктивный платный бракъ можетъ его подвести подъ арестъ въ Чека по милости Василько.

Канунъ отъѣзда я провела въ полномъ одиночествѣ. Василій Васильевичъ совершенно не показывался на моей квартирѣ. Я слышала, что онъ обѣдаетъ и ночуетъ у своей прежней привязанности — Ивановой.

Я написала Ивану Ивановичу Василькову на прощаніе письмо, составленное изъ туманныхъ фразъ оккультнаго значенія, очень витіеватыхъ и запутанныхъ, въ его стилѣ; я благодарила его за освобожденіе Мирскаго, который долженъ былъ выйти на свободу черезъ десять дней.

Въ день отъѣзда, утромъ, когда я заканчивала это письмо, внезапно вошелъ Василій Васильевичъ. Лицо

его было безкровно, ротъ нервно подергивался, повидимому онъ провелъ безсонную ночь. Я протянула ему руку, которую онъ неувѣренно поднесъ къ губамъ.

— Прощайте, я вамъ отъ всего сердца все простила. Мы съ вами больше никогда не встрѣтимся, такъ какъ я вернусь въ Россію не раньше перемѣны настоящаго режима, который заставитъ васъ покинуть ея предѣлы. Желаю вамъ счастья.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Пока ты не уѣхала, еще не поздно... Вотъ когда ты уѣдешь, тогда будетъ поздно и я вѣроятно всю жизнь жалѣть и скорбѣть буду, что тебя потерялъ, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то незадолго передъ разводомъ. Теперь наступило это «поздно».

Жалѣлъ-ли онъ, скорбѣлъ ли? — этого я никогда не узнала. Я не добивалась ни полной исповѣди, ни раскаянія этого человѣка, обладавшаго талантомъ обаянія и путаной лжи. Разставаясь съ нимъ, я похоронила послѣднія иллюзіи и вѣру въ вѣрность мужчинъ.

XVIII.

Вмѣстѣ со мной ѣхала латышка Эльвина, уборщица правленія Автогужа, которая устроила мнѣ сватовство съ слесаремъ. Я была спокойна. Между Эльвиной и Линдштремомъ была любовь и это охраняло меня отъ случайностей моего временнаго супружества.

Мы взвалили съ Эльвиной наши вещи на телѣгу, которую повезла баба, запряженная вмѣсто лошади — «совѣтскій извозчикъ» (эту кличку имъ шутя дали въ Петроградѣ).

Когда мы тронулись въ путь на Варшавскій вокзалъ, подошелъ Терентьичъ. Онъ крѣпко пожалъ мою руку:

— Вотъ какъ гонитъ васъ матушка судьба изъ дому,

— сказалъ онъ сочувственно. — Ну, уѣдете, забудете и не вспоминайте — не стоитъ.

Провожать меня пошли Анна Николаевна и Елизавета, расплакавшаяся на послѣдкахъ и заявившая мнѣ, что вскорѣ за мной уѣдетъ и меня розыщетъ въ Европѣ, чтобы никогда уже больше не покинуть. Шли мы пѣшкомъ по разрытымъ и грязнымъ улицамъ Петрограда, поросшимъ травой. Всюду мерзость запустѣнія...

Я въ послѣдній разъ взглянула на церковь Симеонія, гдѣ искала благословенія моему союзу съ Василько. У ограды сада сидѣло нѣсколько нищенокъ собакъ. Онѣ ежедневно собирались сюда въ опредѣленные часы въ ожиданіи милостыни отъ сердобольныхъ людей, которые приносили имъ кости. Двѣ изъ нихъ, повидимому также бывшія «буржуйки«, сидѣли на заднихъ лапкахъ, какъ ихъ учили въ барскихъ домахъ «хорошему тону». Одна — грязная болонка съ заплаканными глазками, другая — пудель. Ихъ хозяева, вѣроятно, давно уже нашли свой покой у какого-нибудь забора отъ голодной смерти.

По Невскому медленно двигалась громадная толпа. Впереди шли священники въ облаченіи, потомъ хоругви, иконы. Этотъ громадный людской потокъ все расширялся и удлинялся по мѣрѣ слѣдованія. Люди пѣли церковныя пѣснопѣнія. Многіе плакали. Встрѣчные мужчины набожно снимали шапки. Были, какъ рѣдкія единицы, и красноармейцы. Много мужчинъ разнаго возраста, а не только женщины и дѣти, какъ это наблюдалось въ началѣ революціи.

За послѣдній годъ крестные ходы участились. Измученные, голодные, осмѣянные царящимъ произволомъ люди постепенно возвращались къ попранной церкви, углубляясь въ присущій славянскому народу мистицизмъ..

На вокзалѣ, или вѣрнѣе, во дворѣ запаснаго пути,

гдѣ стоялъ товарный поѣздъ для отправки нашего эшелона, царилъ неописуемый шумъ. Отъѣзжающіе (500 человѣкъ) уже наканунѣ начали стекаться на платформу съ самымъ невѣроятнымъ скарбомъ. Это былъ настоящій цыганскій таборъ. Крики дѣтей, пискъ и визгъ кошекъ и собакъ, съ которыми не пожелали разстаться хозяева... Все это пестрое сборище сидѣло и лежало вповалку.

Латыши — народъ веселый и распорядительный. Они разбились на группы и каждая группа выбравъ старосту, получила въ полное распоряженіе цѣлый вагонъ.

Я попала въ одну изъ интеллигентныхъ группъ въ 25 человѣкъ, въ которой старостой былъ инженеръ. Мужчины, помогая другъ другу, втащили и распредѣлили сначала весь багажъ, на которомъ мы всѣ удобно и неудобно размѣстились въ ожиданіи отхода поѣзда, время котораго никому не было извѣстно: можетъ быть скоро, а можетъ быть черезъ два-три дня, когда для этой сверхурочной работы освободится какой-нибудь паровозъ.

Стемнѣло... Я влѣзла по наскоро сколоченной лѣсенкѣ въ вагонъ и забилась въ уголъ между чьей то сложенной, невѣроятно широкой кроватью и грудой узловъ.

Мои спутники весело обмѣнивались остротами и шутками на непонятномъ мнѣ латышскомъ языкѣ.

Кругомъ вагона стояли провожающіе и пѣли національныя пѣсни.

Мнѣ было и грустно, и больно, и тяжело, и радостно. Я уѣзжала изъ Россіи въ невѣдомое будущее, оставляя позади кошмарное прошлое. Что ожидало меня впереди?.. Какъ долго продлится это изгнаніе?.. Увижу ли опять родныя степи?..

Поѣздъ отошелъ неожиданно, поздно ночью, при громкихъ радостныхъ крикахъ отъѣзжавшихъ.

Послѣдній разъ передъ моими глазами промелькнула покинутая мною квартира, въ которой полновластнымъ хозяиномъ остался господинъ коммунистъ Василько. Но не будетъ онъ счастливъ въ этихъ нарядныхъ комнатахъ... Никто не долженъ былъ быть счастливымъ тамъ, гдѣ такъ безконечно страдала я...

Мы были въ дорогѣ цѣлую недѣлю. Везли насъ ночью, когда освобождался занятый днемъ болѣе продуктивной работой паровозъ. Днемъ мы веселымъ таборомъ стояли гдѣ-нибудь въ полѣ. Разводили костры, готовили горячую пищу. Ночью спать было очень трудно и неудобно. Мы съ Эльвиной устроили себѣ постель на ея короткой и узкой плетеной корзинкѣ. Я спала, вѣрнѣе, между хребтикомъ этой корзины и стѣнкой вагона. Подъ конецъ пути такъ ломило спину, что я не могла ни сѣсть, ни встать.

Мои спутники говорили только по латышски и по латышски много пѣли... Они называли меня между собою «живой контрабандой» и безъ устали дразнили Линдштрема, очень смущавшагося своей ролью, въ которую его поставило желаніе привезти на родину побольше денегъ.

Въ Псковѣ мнѣ уже почувствовался воздухъ заграницы, и веселѣе и легче стало на душѣ.

На русской границѣ нашъ багажъ весьма тщательно осматривали таможенные чиновники, что однако не помѣшало изворотливымъ людямъ провезти золото и цѣнные камни въ сырыхъ, искусно выдолбленныхъ, картофелинахъ и въ яицахъ сваренныхъ въ крутую, съ опущеннымъ въ него бриллiантомъ, пока яйцо варилось.

Прошли мы также черезъ тѣлесный осмотръ, произведенный наглыми дѣвками, заставлявшими разуваться

и распускать волосы. Всѣ эти непріятности прошли для меня благополучно.

Въ Жоговѣ, на латвійской границѣ, мы пересѣли въ другой такой же товарный поѣздъ. Находившійся въ сосѣднемъ съ нами вагонѣ трубачъ, всю дорогу услаждавшій нашъ слухъ дудѣніемъ «Интернаціонала», проводилъ уходившій совѣтскій поѣздъ похороннымъ маршемъ, подъ недвусмысленныя шутки и напутствія публики, почувствовавшей себя наконецъ въ полной безопасности.

На буфера задняго вагона въ насмѣшку приклеили нѣсколько совѣтскихъ крупныхъ ассигнацій! ... Вотъ какую цѣну имѣли совѣтскія деньги.

На первой же станціи въ Латвіи всѣ бѣженцы съ неописуемымъ удовольствіемъ набросились на невиданныя лакомства — бутерброды изъ бѣлаго хлѣба и спиртные напитки, продававшіеся безъ контроля.

Я купила большую бутылку «кюммеля» и угостила весь вагонъ въ честь жениха Линдштремъ и его невѣсты Эльвины, которыхъ просила въ память моего фиктивнаго брака и совмѣстной поѣздки позвать меня крестной матерью ихъ перваго ребенка.

По пріѣздѣ въ Ригу я распрощалась съ моимъ случайнымъ мужемъ — слесаремъ, и заручившись шведской визой отплыла на пароходѣ « Egil» въ Стокгольмъ.

... Мы медленно отходили отъ пристани ... Въ сгустившихся сумеркахъ таяли очертанія Риги ...

Мнѣ стало легко и радостно... Мое сердце забилось въ счастливой надеждѣ... Кругомъ меня рѣяли смутные призраки будущаго ...

Доберанъ въ Мекленбургѣ, іюль 1921 г.